

Серия

• Труды курских архипастырей •

Священномученик
Дамиан (Воскресенский),
архиепископ Курский и Обоянский

Духовное наследие

• *Проповеди* • *Очерки* • *Письма* •
• *Протоколы допросов* •

*Предисловие, комментарии и составление
священника Владимира Русина*

Издание Покровского храма села Кунье
Горшеченского района Курской области
2011 г.

Духовное наследие священномученика Дамиана

«... в ближайшем будущем пастырство не на словах лишь, но на деле явится подвигом, может быть, даже близким к мученичеству и мало посему найдется добровольцев на этот подвиг. Но Церковь и выявляла всегда свою внутреннюю красоту, все свое неземное обаяние в дни мученичества».
Священномученик Дамиан. 1917 г.

«... помолитесь обо мне недостойном, да покажет меня Господь во все дни жизни моей быть образом для верующих «словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою» (1 Тим. 4, 12), не ослабевая до последнего моего издыхания в святой ревности о спасении драгоценных душ человеческих».
Священномученик Дамиан. 1918 г.

«Известен своими литературными трудами»

«... **П**реосвященный Дамиан известен и своими литературными трудами», — так в 1918 году представлял владыку Дамиана своим читателям «Курский епархиальный вестник» в заметке «Переславский епископ — курский уроженец». Современному же читателю, священномученик Дамиан (Воскресенский) как церковный писатель и проповедник практически неизвестен.

Настоящее издание — первая попытка собрать под одну обложку все написанное священномучеником Дамианом. Собрание это нельзя назвать полным, поскольку в процессе подготовки сборника часть работ оказалась нам недоступной, тексты отдельных очерков сохранились с повреждениями, а некоторые труды владыки Дамиана и вовсе бесследно исчезли. Если не при многочисленных переездах священномученика, то при арестах, которых тоже было немало.

Известно, что в начале 1930-х годов в Курске владыка, ожидая грядущего ареста с обыском, передал на хранение некой верующей девушке по имени Девора целый чемодан бумаг. Однако брат Деворы, узнав об этом, велел сестре «убрать из дому чемодан и предупредил ее, чтоб в дальнейшем не связывалась больше с такими делами».¹ Девушка вернула чемодан архиепископу Дамиану и, судя по материалам следственного дела, содержимое чемодана попало в руки сотрудников ОГПУ. Из раз-

¹ Архив УФСБ РФ по Курской обл. Архивно-уголовное дело №П-11015. Том 1. Лист 131.

Книга передана
в Издательский Совет Русской Православной Церкви
для присвоения разрешающего грифа.
Сигнальный тираж.

**Священномученик Дамиан (Воскресенский),
архиепископ Курский и Обоянский**

Духовное наследие: Проповеди, Очерки, Письма, Протоколы допросов / Предисловие, комментарии и составление священника Владимира Русина. Старый Оскол: ООО ИПК «Кириллица», 2011. 264 с. (Труды курских архипастырей)

Подготовка настоящего издания осуществлялась в рамках исследовательской работы, которую проводит Историко-архивная комиссия по изучению материалов о репрессированных священно-(церковно-) служителях Курской епархии.

Предисловие, комментарии, составление и набор: священник
Владимир Русин

Корректоры: Константин Алексеев,
Евгения Драчевская

Дизайн и верстка: Александр Рудаков

мышлений, которые священномученик доверял бумаге, следователь и черпал, отчасти, темы для допросов. (Кроме этого, у священномученика Дамиана хранилась объемистая пачка подлинных писем св. Патриарха Тихона, адресованных архиепископу Тульскому Парфению (Левицкому). Все эти письма, не содержащие в себе «ничего предосудительного в политическом отношении»² были сожжены одним из сотрудников местного епархиального управления, «страха ради иудейска»).

Сохранилась большая часть тех трудов, которые были написаны и опубликованы архиепископом (тогда еще иеромонахом или архимандритом) Дамианом до 1918 года.³ А письменное наследие последующего периода его жизни нам пришлось собирать в архивах Управлений ФСБ в Курске, Белгороде и Владимире. В следственном деле № П-6401 из архива УФСБ по Владимирской области хранится письмо епископа Дамиана своей сестре. В следственном деле №7883 из архива УФСБ по Белгородской области сохранилась копия послания архиепископа Дамиана пастырям, инокам и всем верным чадам Церкви Курской, которое владыка написал 28 августа 1928 года и благословил прочитать во всех храмах епархии в ближайший богослужебный день на Божественной Литургии. В этом же деле содержится личное письмо архиерея благочинному 4-го Корочанского округа протоиерею Александру Плетневу⁴ с выражением благодарности за оказанную помощь. Некоторые мысли архиепископа Дамиана, не без погрешностей записанные писарями ОГПУ, есть и в протоколах допросов следственного дела №П-11015 из архива УФСБ по Курской области.

Со времени прославления священномученика Дамиана⁵ во многих курских храмах появились его иконописные изображения. О нем издаются книги и статьи.⁶ Его почитают как «своего» святого во Владимире,

2 Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. — М., 1994. — 1064 с. — С. 714–715.

3 Главным образом, в «Смоленских епархиальных ведомостях».

4 Протоиерей Александр Плетнев расстрелян 8 мая 1930 года в Белгороде.

5 Священномученик Дамиан прославлен в 2000 году.

6 Священник Владислав Реутов, В. Г. Карнаевич. Архиепископ Дамиан — сын земли Курской. — Курск, 1999. — 88 с.; Священномученик Дамиан, архиепископ Курский. // Серия «Собор святых, в земле Курской просиявших». Издание Церковно-краеведческого отдела Курской епархии. Составители: архимандрит Зиновий (Корзинкин), Криволапов В. Н., Меньшиков В. М., Пискарев С. П. — Курск, 2004. — 16 с.; Карнаевич В. Г., священник Владислав Реутов. Новомученики и исповедники земли Курской. — Курск, 2006. — 150 с.; Раздорский А. И. Дамиан (Воскресенский Дмитрий Григорьевич). // Православная энциклопедия. Т. XIII. — Москва, 2006. — 752 с. — С. 707–708; Ильина З. Д. Владыка Дамиан: Охранение православного культурного наследия в России и Курском крае. // Пятое Дамиановские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Курск, 26–28 марта 2008 г., ч. 1. — Курск, 2008. — 224 с. — С. 7–15 и другие.

Полтаве, Днепропетровске, Смоленске, на Соловках и, конечно же, на его родине — в Курском крае: в селе Брусовое, Обояни, Старом Осколе и самом Курске. Здесь каждую весну в рамках «Знаменских чтений» на базе Курской государственной сельскохозяйственной академии проходит секция-конференция «Дамиановские чтения». Личность священномученика Дамиана притягивает к себе многих исследователей, да и просто верующих людей, которым порой достаточно было узнать лишь несколько фактов из жизни святого, чтобы навсегда проникнуться к нему горячей любовью. Научные очерки владыки и его путевые заметки, слова, сказанные во время богослужения с церковного амвона и во время допроса в кабинете следователя ОГПУ — все это не только восполняет наши знания о почитаемом святом, но и питает наши души той полезной пищей, без которой немислима духовная жизнь.

Призвание

Священномученик Дамиан (в миру — Дмитрий Григорьевич Воскресенский) родился 23 октября 1873 года в семье настоятеля Михайловского храма в селе Брусовое⁷ Фатежского уезда Курской губернии. Священником был не только отец будущего владыки, но и дедушка. По проторенному пути пошел и Дмитрий. Но следовал он не столько семейной традиции, сколько зову сердца, призванию свыше. Окончив Курское духовное училище, Дмитрий Воскресенский продолжил учебу в Курской духовной семинарии. В 1894 году он начал свое церковное служение с должности псаломщика в Спасо-Преображенском соборе города Путивля Курской губернии. С 1895 года Дмитрий Григорьевич был надзирателем и учителем чистописания и черчения в Старооскольском духовном училище. В этом же году у Воскресенских появился на свет первенец — Адриан.⁸

6 января 1897 года епископ Курский и Белгородский Ювеналий (Половцев) рукоположил Дмитрия Воскресенского в сан священника и определил на служение в село Николаевка⁹ Путивльского уезда. В Николаевке в конце 1897 года в семье у Воскресенских появился второй сын — Михаил.¹⁰

7 Ныне село Брусовое относится в Поныровскому району Курской области. Деревянная трехпрестольная церковь Архангела Михаила, построенная в Брусовом в 1869 году, т.е. за четыре года до рождения владыки Дамиана, советское лихолетье не пережила.

8 О судьбе Адриана Дмитриевича Воскресенского известно лишь, что в 1921 году он был жив и хлопотал об освобождении отца из Владимирской тюрьмы.

9 Ныне это село находится в Черниговской области Украины.

10 Михаил Дмитриевич Воскресенский продолжил духовную династию. Пройдя всю

А через три с небольшим года иерей Димитрий Воскресенский овдовел.

После смерти супруги он оставил до времени своих малолетних детей на воспитание родителям, а сам поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию и одновременно в археологический институт. 27 ноября 1904 года, в день празднования Курской Коренной иконы Божией Матери,¹¹ отец Димитрий был пострижен в монашество с именем Дамиан. Постриг совершил ректор академии архиепископ Сергей (Страгородский),¹² впоследствии — Патриарх Московский. В речи новопостриженному иеромонаху Дамиану, позднее опубликованной в «Церковном Вестнике»,¹³ владыка Сергей сказал: «Принимая монашество, ты неминуемо и с полным сознанием должен был определить себя на служение Царству Божию, на неустанные усилия достигнуть его. Радуюсь твоему спасительному решению. <...> Начиная самостоятельную жизнь, ты, подобно многим другим людям, или лучше, подобно всем нам, думал, что будешь ее полным хозяином и устроишь ее по твоему вкусу и соображению. <...> Но тебя Господь как будто особенно возлюбил и не дал тебе «уснуть в смерть». Одним тяжким ударом Он сокрушил твое жизненное здание, и ты воочию убедился, что не ты — хозяин твоей жизни, не твоим разумом и усмотрением она устроится и не от твоей воли все в ней зависит. <...> Первое время тяжело было примириться с этой мыслью, но потом, когда улеглась жгучая боль понесенной утраты, и возвратилось к тебе твое спокойствие, ты получил возможность в грозном ударе, разразившемся над тобой, рассмотреть благое посещение Промысла Божия, ведущего тебя на истинный путь...».¹⁴

Великую Отечественную войну в звании офицера, имея боевые ранения и награды, он в 1946 году принял сан священника. А в 1953 году был пострижен в монашество и рукоположен в сан епископа. В последующие годы владыка Михаил управлял Оренбургской, Челябинской и Казанской епархией. В 1963 году он был возведен в сан архиепископа. В Казани его «уважали за высоко добродетельную жизнь, эрудицию и культуру не только православные, но и татары-мусульмане». (Цитата по книге протоиерея Александра Киреева «Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943–2002 годах». — Москва, 2002. — 480 с. — С. 288–289.). В 1975 году архиепископ Михаил (Воскресенский) по болезни вышел на покой. Последний год своей жизни он провел в Москве, где и был похоронен в октябре 1976 года. Митрополит Волоколамский Питирим (Нечаев), отпевавший владыку Михаила, назвал его «священником прежде священства и монахом прежде монашества».

11 По новому стилю — 10 декабря.

12 Будущий Патриарх Московский Сергей (Страгородский Иван Николаевич, 1867–1944).

13 Речь, сказанная владыкой Сергием при пострижении в монашество Дамиана (Воскресенского), была опубликована в «Церковном Вестнике» (1904 г., №50, с. 1578).

14 Богословское наследие Патриарха Сергия. — Нижний Новгород, 2007. — 404 с. — С. 389–391.

Теплые дружеские отношения связывали владыку Дамиана со своим бывшим ректором долгие годы. Он называл его мудрым святителем и признавался, что «навык любить и ценить <его> неизменно с академической скамьи».¹⁵ На пострижении присутствовал и архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий).¹⁶ От себя лично он подарил новопостриженному «Псалтырь».

В последний год учебы в Санкт-Петербургской академии иеромонах Дамиан состоял благочинным академического духовенства и исполнял обязанности священника Александро-Невской (или, как ее еще называли Суворовской) церкви при Академии Генерального штаба. В последней должности он заменил священника Георгия Шавельского, в начале Русско-японской войны отправившегося по своему собственному желанию на театр военных действий в Манчжурию.¹⁷

«Держаться церковного предания и не уклоняться в сторону новомодных требований светской живописи»

В Санкт-Петербурге в 1905 году иеромонах Дамиан написал и издал свою первую работу — историко-критический очерк «Недостатки русской иконописи и средства к их устранению».¹⁸ Начало XX века стало временем «открытия русских икон». В 1901 году по императорскому указу был создан Комитет попечительства о русской иконе для содействия развитию традиционного иконописания.¹⁹ Интерес к теме возрастал, благодаря регулярным выставкам, на которых экспонировались русские иконы из частных коллекций и образы древнего письма, с которых реставраторы сняли слои последующих «подновлений».

Очерк иеромонаха Дамиана появился задолго до «триумфа русского религиозного искусства» — выставки 1913 года, организованной Московским археологическим институтом, и до появления трех знаменитых очерков о русской иконе князя Евгения Трубецкого.²⁰

15 Речь архимандрита Дамиана при наречении во Епископа Переславского. // Владимирские епархиальные ведомости. — 1918 г. №9. — с. 64.

16 Будущий глава Русской Зарубежной Церкви митрополит Антоний (Храповицкий Алексей Павлович, 1863–1936).

17 Священник Сергей Мельникас. Предисловие. // Протопресвитер Георгий Шавельский. Русская Церковь пред революцией. — Москва, 2005. — 512 с. — с. 3.

18 В 2007 году очерк этот был размещен на сайте «Богослов.ру» (в разделе «библиотека») без указания полного имени автора.

19 Русская Православная Церковь. XX век. / Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. и др. — М., 2008. — 800 с. — с. 55.

20 «Умозрение в красках» (1915 г.), «Два мира в древнерусской иконописи» (1916 г.) и «Россия в иконе» (1917 г.).

Смотритель, историк, ректор

Отец Дамиан, указывая на распространение недостатков в иконописи, подсказывал и меры, с помощью которых можно снизить удельный вес этих недостатков. Он исследовал четырехсотлетнюю историю проблемы и описал «трудности надзора за иконописанием».

В эпоху преподобного Андрея Рублева умственное и нравственное развитие иконописцев было достаточно высоким. Отец Дамиан объясняет это тем, что они «стояли под живым влиянием византийских мастеров и выходили из монастырей».

С XVI века спрос на иконы возрос, и ряды иконописцев стали пополнять люди, не считавшие необходимым вести такую напряженную духовную жизнь, какую вели иконописцы-иноки. Новоявленных ремесленников уже нельзя было назвать выразителями церковного взгляда на искусство. Периодически то церковные, то государственные деятели пытались навести порядок в области иконописания. Но дальше общих пожеланий или же формально-канцелярских мер дело не шло. Отец Дамиан напоминает, что «в иконописи и церковной стенописи следует строго держаться церковного предания и не уклоняться слишком в сторону новомодных требований светской живописи». Говоря о «необходимости надзора духовной власти» за иконописью, об ориентации иконописцев на одобренные церковным авторитетом образцы, автор не лишает мастеров свободы. Он лишь предостерегает их от рабства моды, дурного вкуса и религиозного невежества.

Вот что пишет отец Дамиан о высоком призвании иконописца: «Поскольку труд изучать и изображать созданного по образу Божию человека несравненно выше смиренного копировщика остальной природы, в той же мере, если не больше, живопись религиозная, церковная выше и благороднее других отраслей живописи: пейзажной, исторической, портретной и др. По преимуществу художник тот, кто стяжал себе завидный удел изображать лики людей, просиявших неземной мудростью, благочестием и добродетельной жизнью. Высшая задача искусства изображать святых, то есть, людей, в коих вся низменная, грязная, животная сторона человека подавлена, а те качества духа, которыми человек наиболее уподобляется Богу, сияют во всей красоте своей. И эту-то задачу берет на себя церковная живопись».

Иконы создаются не для пробуждения эстетического чувства, а для побуждения к молитве. Может ли написать настоящую икону художник, который сам не молится при работе над ней?..

Очерк о проблемах иконописи, написанный будущим священномучеником, и век спустя не утратил своей актуальности. Его смело можно рекомендовать для внимательного чтения и тем, кто интересуется церковным искусством, и тем, кто занимается им профессионально.

В 1905–1907 годы кандидат богословия иеромонах Дамиан (Воскресенский) преподавал гомилетику²¹ в Смоленской духовной семинарии. В 1907–1908 учебном году был смотрителем Старооскольского духовного училища. Следующие три года исполнял те же обязанности в Обоянском духовном училище. Состоял членом Курской церковно-археологической комиссии и принимал активное участие в издании «Документов и дел, относящихся к жизни и деятельности святителя Иоасафа (Горленко), епископа Белгородского и Обоянского». ²² В 1910 году составил жизнеописание святителя Иоасафа, опубликовал этот труд в «Православном Финляндском сборнике», а на следующий год к прославлению епископа Иоасафа издал его жизнеописание отдельной брошюрой. ²³ Конечно же, отец Дамиан не мог пропустить такого важного события как открытие мощей святителя Иоасафа Белгородского, ²⁴ но на торжества в Белгород он прибыл уже в сане архимандрита и в статусе ректора Смоленской духовной семинарии, коим был назначен 27 июля 1911 года. ²⁵ Архимандрит Дамиан принимал уча-

21 Гомилетика — «наука о церковной проповеди, в систематическом порядке излагающая учение о данном виде пастырского служения». — Феодосий (Бильченко), архиепископ. Гомилетика. // Православная энциклопедия. Т. XII. 752с. — с. 23.

22 Переславский епископ — курский уроженец. //Курский епархиальный вестник. 1918 г. — с. 436.

23 Текст этого труда священномученика Дамиана отыскать не удалось.

24 4/17 сентября 1911 г.

25 Предшественником на этой должности у архимандрита Дамиана был его земляк — архимандрит Елевферий (Богоявленский Дмитрий Яковлевич, 1870–1940), будущий митрополит Виленский и Литовский. Родился он в семье псаломщика. В 1889 году окончил Курскую Духовную семинарию. Был учителем церковно-приходской школы в Ямской слободе. В 1890 году принял сан священника и служил в селе Тростяницы Курской епархии. Овдовел. В 1900 году поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1904 году, за полгода до владыки Дамиана, принял монашество. Ректором Смоленской духовной семинарии был назначен в 1909 году, а в 1911 году рукоположен во епископа Ковенского, викария Виленской и Литовской епархии. Не поддавался соблазну раскола и при всех политических веяниях сохранял верность Русской Православной Церкви, признавая над собой каноническую власть Московского Патриархата. Автор ряда работ, большинство из которых были опубликованы в Париже: «Неделя в Патриархии. Впечатления и наблюдения от поездки в Москву» (1933 г.), «Об искуплении. Письма митрополиту Антонию (Храповицкому)» (1935 г.), «Соборность Церкви. Кесарево и Божие» (1938 г.) и др. Сохранилась переписка владыки Елевферия с Патриархом Тихоном и митрополитом Сергием (Страгородским). Переписывался он и с родными, проживавшими в Курском крае. В частности, с племянником по линии сестры мучеником Михаилом (Вознесенским), арестованным в 1935 году по делу священномученика Антония (Панкеева), епископа Белгородского, и расстрелянном вместе с ним 1 июня 1938 года. — Архив УФСБ по Белгородской обл.

стие в открытии мощей еще двух святых, прославленных перед революцией: священномученика Ермогена, Патриарха Московского (1913 г.) и святителя Питирима Тамбовского (1915 г.).

Смоленский период жизни владыки Дамиана можно назвать самым «письменным». С 1911 по 1918 год в «Смоленских епархиальных ведомостях»²⁶ было опубликовано 20 статей, написанных владыкой. Некоторые из них он подписывал полно: «Архимандрит Дамиан», некоторые — сокращенно: «А. Дамиан», а под иными ставил лишь литеры: «А.Д.». Но то, что весь корпус выявленных сочинений принадлежит перу священномученика Дамиана (Воскресенского), не подлежит сомнению. Есть очерки, публиковавшиеся с продолжением, и в разных своих частях подписанные одним из трех вариантов.

Все публикации можно разделить на несколько жанрово-тематических групп. Есть здесь и классические проповеди, наставления, поучения. Есть эссе, публицистика, полемика. Есть докладная записка и путевые заметки.

Святые не спасают, когда подорвана вера

В 1912 году архимандрит Дамиан принимал участие в Крестном ходе из Смоленска на Бородинское поле, посвященном юбилею Бородинского сражения. Читая его слова, произнесенные перед началом Крестного хода и в конце, мы как бы погружаемся в атмосферу праздника. Отец Дамиан не произносит сухих фраз, не «воспаряет» над слушателями, он видит и слышит их, от него не ускользает малейшее изменение погоды за стенами храма, а не только состояние душ молящихся. Все сказанное пропускает он через сердце, оживляя и согревая самые привычные словосочетания.

«Не забудем, русские люди, — напоминал архимандрит Дамиан, — что только нравственный подвиг возрождения спас Россию в 1812 году. А этот подвиг невозможен без всецелого обращения к оставленному нами Богу, к Его святой церкви, к евангельским заветам. Русские люди в 1912 году должны вспомнить и правильно оценить знаменательные события 1812 года и в связи с этими великими воспоминаниями должны проникнуться и великими заботами». Этот завет священномученика Дамиана можно обратить и к русским людям 2012 года. И еще одни горькие слова отца Дамиана, разбивающие беспечное упование христиан на то, что святые спасут нас и без нас, стоит лишь нам поставить перед ними свечку, не меняя своего образа жизни и образа мыслей:

Архивно-следственное дело №7182. Л. 184.

²⁶ Священномученик Дамиан был не только одним из авторов этого издания, но и его цензором.

«Когда подорвана самая основа царства — вера народная, когда иссякает «семя правды» — причина «стояния его», тогда не спасают народ даже вековые святые его».

Историческое значение 300-летия Дома Романовых

Речь, произнесенная архимандритом Дамианом в дни празднования 300-летнего юбилея дома Романовых, патриотична. Но патриотизм священнослужителя не партийный, разделяющий общество на своих и чужих, а церковный, собирающий всех пред Лицо Божие. Не перечисляя всех заслуг, которые имели русские цари и императоры перед отечеством, отец Дамиан не преминул помянуть, что к своему высокому служению родоначальник царственного рода был призван делегацией, в которую входили и представители церкви. Текущие торжества отец Дамиан рассматривал не как семейный, а как общенародный праздник: «...Продолжающийся юбилей 300-летия царствования Дома Романовых, помимо своего фамильного, династического значения, имеет еще и то бесспорное историческое значение, что Россия окрепла и выросла за этот период, превратилась из державы полуазиатской в державу первоклассную, европейскую, со славным историческим прошлым и великим будущим... И верится, что хорошее прошлое даст нашему царству и блестящее будущее».

Семинаристам: не закапывайте талантов

Немало хлопот и печали доставляло архимандриту Дамиану его ректорство. В начале XX века духовные школы России поразил революционно-политический вирус. Был даже создан Общесеминарский союз, объединивший решительно настроенных представителей 36 семинарий. Семинаристы участвовали в забастовках, уничтожали портреты императора и даже призывали вступить «в решительную и последнюю борьбу с царским самодержавным строем».²⁷ Некоторые семинаристы от призывов перешли к делу, начав свержение строя с террора против преподавательского состава. В период первой русской революции от рук разбушевавшихся воспитанников погиб ректор Пензенской духовной семинарии архимандрит Николай Орлов, стал инвалидом ректор Тамбовской семинарии архимандрит Симеон (Холомогоров), пережил покушение и его предшественник архимандрит Феодор (Поздеевский). В лицо ректору Харьковской семинарии была выплеснута серная кислота. В печь Воронежской семинарии весной 1906 года дважды подкла-

²⁷ Русская Православная Церковь. XX век. / Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. и др. — М., 2008. — 800 с. — с. 54.

дывали взрывчатку. Милостью Божьей, обошлось без жертв. Но было принято решение о закрытии семинарии.²⁸ Смоленскую семинарию, как и многие другие, пришлось тоже временно закрыть. В 1907 году полиция арестовала центральный комитет Общесеминарского союза и вскоре он распался. Учебный процесс в семинариях наладился, но дух вражды еще витал в них, распыляя молодые силы семинаристов не на подготовку к ревностному служению Богу и Церкви, а на мечты о престижной и высокооплачиваемой светской профессии.

«В последние годы, — писалось в «Отчете о состоянии Смоленской епархии за 1916 год», — вследствие все более или менее заметного ухудшения материального положения духовенства — неудовлетворительность практикующихся способов вознаграждения за труды, а также и более легкого доступа в высшие учебные заведения, число кандидатов на священнические места из окончивших полный курс Семинарии заметно ухудшается».²⁹ В цифрах это выглядит так: «в 1916 году Смоленскую семинарию благополучно окончили 30 воспитанников, покинуло же стены главной кузницы кадров епархии по собственному желанию 53 человека, еще 13 были исключены «по распоряжению начальства»...».³⁰

По мнению исследователя М. В. Каиля, занимавшегося историей Смоленской епархии начала XX века, «волна семинарского бунта, проявившаяся в годы первой революции, практически не спадала, подрывая одну из основ духовенства как корпорации».³¹ Архимандрит Дамиан всеми силами старался вдохновить своих «возлюбленных питомцев» на «спасительный труд», к которому их шесть лет готовила духовная школа. Как знать, может смоленская статистика была бы еще более удручающей, если бы не увещания ректора. Выпускникам 1913 года архимандрит Дамиан говорил о долге благодарности Богу и Церкви, которая должна изливаться из христианских сердец, и в то же время делился печальным наблюдением: «Присмотритесь внимательно к жизни, к окружающей действительности, и вы увидите, что девять из десяти забывают о долге и чувстве благодарности». Призывая Божье благословение на всех выпускников, независимо от того, какой они себе наметили дальнейший путь, отец Дамиан выразил надежду, что все бывшие семинаристы останутся церковными людьми, и никто не станет «сознательным врагом Церкви».

28 Квасов О. Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901–1911 гг.). — Воронеж, 2005. — 224 с. — с. 207.

29 Из отчета о состоянии Смоленской епархии за 1916 г. Публикация М. В. Каиля. // Вестник ПСТГУ. Серия II: «История. История Православной Церкви». Выпуск 3 (36) 2010 г. — 160 с. — с. 117.

30 Каиль М. В. Смоленская епархия накануне революции // Вестник ПСТГУ. Серия II: «История. История Православной Церкви». Выпуск 3 (36) 2010 г. — 160 с. — с. 105.

31 Там же.

«Но особо близки нам по духу будут те из вас, кто прямо пойдет на служение Церкви, — признавался отец ректор. — Мы будем искренне радоваться о вас, когда вы не закопаете в землю полученных талантов, но к воспринятым уже пяти, или двум талантам присоедините и другие пять, или два таланта, и понесете ваши молодые силы для служения во славу Божию, на пользу святой Церкви и счастье великого русского народа».

Исцеление интеллигенции. В. В. Розанов

События 1905–1906 годов архимандрит Дамиан называл «угаром». И немало поспособствовала скоплению угарных газов в умах широких слоев населения российская интеллигенция, отпавшая де факто от Церкви, а потом сама же пострадавшая от выпущенного из кувшина джина. Отец Дамиан болел душой и за интеллигентов — мыслителей, литераторов и прочих. Он внимательно следил за их творчеством, радуясь малейшему движению заблудших сынов в сторону отчего дома. «В лоно Церкви» — так называется статья архимандрита Дамиана, написанная им вскоре после выхода в свет книги Василия Розанова «Уединенное». Философ выразил на страницах своей книги горечь о годах, прожитых вне церковной ограды, о пропущенных Рождествах, Пасхах, Великих Четвертках «со свечками». Священнослужитель в своей статье выразил радость, что Розанов вернулся в Церковь и чувствует себя в ней гораздо лучше, чем вне ее.

В пору учебы священномученика Дамиана в Санкт-Петербургской академии в северной столице проходили Религиозно-философские собрания, на которых встречались духовные лица и интеллигенты-«богоискатели». Председательствовал на этих собраниях наставник владыки Дамиана будущий Патриарх Московский Сергей. В апреле 1903 года по настоянию обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева религиозно-философские собрания были закрыты, но встреча Церкви с невоцерковленным сообществом интеллектуалов произошла. Наивно было бы ожидать после двух десятков совместных обсуждений разных вопросов полного воцерковления всех российских интеллигентов. Но встречи эти не прошли бесследно.

В статье «Наша интеллигенция» (1912 г.) архимандрит Дамиан ставит такой диагноз современным ему «передовым людям»: «Духовная жизнь русского интеллигента представляла и доселе представляет чрезвычайно пеструю смену крайних увлечений в области мысли, верований и жизни».³² И в этой пестроте увлечений превалирует импорт. Но русский интеллигент, выращенный на православной все-таки почве, бескрылым западным мечтам умудряется приделать крылья, ища места для подвига.

32 Современный церковный писатель и миссионер протодиакон Андрей Кураев, касаясь этой же темы, назвал традиционным блюдом интеллигента «кашу в голове».

«Насильственная оторванность от текущей жизни, мечтательность, прекраснотушие, недостаточно развитое чувство и сознание действительности также характеризует наших передовых людей, — пишет отец Дамиан. — Известная неотмирность, мечта о грядущем царстве правды (под разными социалистическими псевдонимами) и затем стремление к спасению человечества (неприменно человечества, ибо того требует могучая русская душа, на меньшем примириться она не согласна) если не от греха, то по крайней мере от страданий, составляют, как известно, неизменные и отличительные особенности наших интеллигентов». Главным недугом интеллигентов архимандрит Дамиан назвал их «религиозную теплохладность», которую они пытаются лечить... атеизмом. Но автор не назвал интеллигенцию безнадежным больным, надеясь на ее исцеление.

Нравственное перерождение верующих

Статья «Пастырство и монашество» появилась как отклик на раздуваемую в прессе конфронтацию белого и черного духовенства. Но этот повод ищущим повода дали сами духовные лица, выплеснувшие на страницах печати свои эмоции. «Наше духовенство — черное и белое — начинает усиленно сводить на улице свои счеты в то время, когда для блага церкви нужна бы усиленная, совместная их работа», — пишет архимандрит Дамиан, не понаслышке знающий жизнь той и другой стороны. В своей статье он подробно разбирает основные претензии, которые предъявляют к Церкви, ее пастырям и инокам внешние критики.

Признавая наличие в церковной жизни многих проблем, отец Дамиан выражает уверенность, что большинство из них можно решить, поставив на должный уровень дело церковного просвещения. А то в иных обителях масса разных должностей от эконома до фотографа, а проповедника нет. Конечно, труд этот утомителен, но «неужели же для того, чтобы нравственно переродить общество верующих, можно обойтись без утомления, без ран и страданий?», — вопрошает архимандрит Дамиан. И дальнейшая история нашей страны и Церкви служит как бы деятельным ответом на этот вопрос.

Православие: «жизнь таинственного общения с Богом»

«Русское православие и западные исповедания в богослужении и обряде» — самый большой очерк священномученика Дамиана. В нем он сравнивает лишь внешние стороны Православия и западных конфессий: католичества, протестантизма, англиканства. Но и этого достаточно, чтобы полюбить православную веру и сделать ее содержанием

своей жизни: внутренней и внешней. Протестантизм представляется отцу Дамиану «школой отвлеченных начал», англиканство — «собранием леди и джентльменов», а католичество — «оземлением неба», театром. Так кратко он сумел обозначить саму суть этих «христианств». Не менее точно определил он и сущность веры православной: «Христианство является для православия не учением (как для западных исповеданий), а жизнью таинственного общения с Богом во Христе и благодатного обновления от Духа Святого в целокупном братстве верующих».

«Тревожные дни войны»

Отдельный цикл произведений владыки составляют проповеди и статьи времен Первой Мировой войны. Открывает его слово, произнесенное при открытии госпиталя в здании бывшего винного склада. При публикации эта проповедь получила название «Трезвость и милосердие». Архимандрит Дамиан отмечал рост в обществе «искреннего патриотического воодушевления». Говорил, что победу над врагом сможет одержать только Россия трезвая, соединившая подвиг ратный с подвигом христианским, всеочищающее покаяние с плодотворным трудом.

«Здесь, как и на передовых позициях, надо забыть об усталости: страдания, боли не ждут, — наставлял отец Дамиан и тех, кто готовился потрудиться в новооткрытом госпитале. — А сколько нужно ласки, какой нужен богатый запас любви, чтобы не дать места ни одной нотке раздражительности, нетерпения или равнодушия. Ничего подобного не должно быть ни в вашем слове, ни в действиях, ни в жесте, ни во взгляде». С заботой об израненном теле архимандрит Дамиан призывал соединить заботу об исстрадавшейся душе.

«Тревожные дни войны» не давали отцу Дамиану забыть о них и тогда, когда он говорил своей пастве о евангельских событиях. В проповедях этой поры он сравнивает то, что происходило во времена земной жизни Христа с тем, что творилось в мире в начале XX века. («Кто сейчас изменяет Христу?», «Победа приобретается страданием», «Не в силе Бога, а в правде» и др.)

«Только в страдании зреет все великое, благородное, победное, — утешал архимандрит Дамиан своих современников. — Вот почему мы верим, что крестный подвиг нашей святой Руси в настоящие дни тяжелой войны есть прямой путь к победе над врагом. И в этом крестном подвиге, в этом горниле скорбей и страданий дух народа русского очищается и просветляется, как золото в огне светлеет и становится чистым, ярким». Но не догадывался проповедник, сколь еще долгим будет этот крестный подвиг России.

Произнося проповедь на месте убиения святого князя Глеба, отец Дамиан называет кайзера Германии «язычником в христианстве»,

первым допустившим на войне «каинов дым» (газы) и уподобляет его Святополку Окаянному, а саму германскую армию — апокалипсическому зверю с семью головами и десятью рогами.

Прибегая к жанру путевых заметок, архимандрит Дамиан отчитывается перед читателями «Смоленских епархиальных ведомостей» о выполнении своей миссии — доставке рождественских подарков в Сибирский стрелковый полк. Отец Дамиан делится яркими впечатлениями, которыми полна была эта поездка в места временной резервации полка, в двадцати верстах от линии фронта. Вероятно, военные цензоры, разрешавшие опубликовать статью, оставили в ней от названий населенных пунктов лишь начальные буквы, а от имен военных лиц — инициалы. Тем не менее, для историка эта публикация — ценный источник. В памяти после прочтения статьи остаются многие образы: «смертоносная коса» — пулемет, которую отец Дамиан увидел в действии на стрельбище; путешествие по заметенной снегом дороге в дивизионном автомобиле с увязанием в сугробах; «вяземская коврижка», которая стала украшением трапезы в избе собрания; и, конечно же, выражение радости, с которой солдаты, «как малые дети», принимали подарки от сердобольных смолян. А еще не может не поразить то, что командир полка не только присутствовал на богослужении в храме, но и внимательно следил за его ходом. И когда его стрелки на клиросе пели не тем гласом, он выражал неодобрение, чувствуя себя ответственным и за церковный порядок в полку.

«Украденная победа» — так называется один из современных документальных фильмов об участии русских солдат в Первой Мировой войне. Обокраденными оказались и сибирские стрелки. О подвигах, за которые многие из них получали георгиевские кресты, советские историки, как правило, вспоминали не часто. Как сложилась судьба «славных героев-сибиряков», разрушивших осенью 1914 года планы немцев по захвату Варшавы, можно только догадываться.

Статья архимандрита Дамиана, завершающая его военный цикл, представляет собой речь, обращенную к воспитанникам семинарии 9 января 1917 года. Оглядываясь на прошедший год, отец Дамиан дает короткое, но емкое описание русских военных удач и поражений. Тут чувствуется, что у отца ректора за спиной исторический факультет. Оценивая происходящее, архимандрит Дамиан не дает усталости от затянувшейся войны победить надежду на победу: «К светлому концу мировой войны и ведет нашу Родину наступившее новое лето благодати Божией, новый 1917 год; в это мы твердо верим и к этому устремлены наши помыслы, порывы и мольбы к Царю Царей, времена и лета в Своей власти положившему. С этой верой в лучшее, светлое будущее нашей Родины и приступим к нашим занятиям, забыв на время, что их придется вести с трудностями и неудобствами. С Богом, с молитвой, с усердием молодым за работу!»

Предчувствие

В докладной записке по поводу реформы духовного образования и проекте пастырских школ священномученик Дамиан проявил себя как педагог и администратор. Но не следует считать эти документы, адресованными лишь узкому кругу лиц, изучающих историю педагогики. Многие мысли, которые отец Дамиан изложил в записке и проекте, можно назвать пророческими. Чего стоит один только этот фрагмент: «...в ближайшем будущем пастырство не на словах лишь, но на деле явится подвигом, может быть, даже близким к мученичеству и мало посему найдется добровольцев на этот подвиг. Но Церковь и выявляла всегда свою внутреннюю красоту, все свое неземное обаяние в дни мученичества».

«Родина идет к гибели»

В следующей статье архимандрит Дамиан предрекает наступление вслед за революцией политической революции религиозной. «В исполинское тело России вошел легион бесов, он крутит и мутит все на необъятном просторе Руси, — говорит отец Дамиан. — Наша родина катастрофически идет к гибели». Но захватив власть и свергнув царя земного, одержимые революционеры не успокоятся. «Предстоит еще религиозная революция — остается свергнуть строителям новой русской жизни владычество Божие, освободиться от веры и церкви, приобрести право каждому быть своим богом». Однако, примеры антирелигиозных выходов новых хозяев жизни, которые приводит в своей статье архимандрит Дамиан, блекнут перед тем разгулом безбожной стихии, который ожидал Россию впереди.

Статья «Наши надежды и молитвы» — церковная проповедь, сказанная в храме перед представителями местной власти, в ноябре 1917 года первый раз за последние месяцы появившимися на богослужении. Проповедник напоминает политическим деятелям, что провозглашенные русскими революциями новые начала государственного устройства (свобода, равенство и братство) имеют христианское происхождение.

«Эти великие основы жизни народов и государств впервые провозглашены и возвещены миру Христом Спасителем; свободы, равенства и братства не знал мир языческий, дохристианский. Нашему умственному взору представляется, что со времени Христа, почти две тысячи лет человеческая жизнь могла пойти этим спасовым путем желанной всеобщей свободы, справедливого всеобщего равенства, сердечного христианского братства. Однако жизнь христианских народов не пошла этим спасительным путем». Главной причина, по которой разным энергичным людям в разные периоды истории (республиканцам, демократам, рево-

люционерам) никак не удастся установить в обществе свободу, равенство и братство, отец Дамиан считает то, что эти три желанные основы понимаются не по-христиански. Преобразователи видят лишь внешнее, не желая постигать суть вещей. Сущность же христианской свободы «в добровольном самоограничении себя ради ближнего, она в истоках своих покоится на любви и правде». На этом же покоится и христианское равенство. Все люди равны перед Богом, и всем им Он желает спасения. Истинное братство христианское утверждается на «самоотверженной любви, готовой все отдать за братьев своих, даже жизнь свою положить за други своя. Только такое братство прочно и достойно своего названия. А братство мирское, политическое, спускающееся иногда до случайного братания с явными врагами, непрочное и недолговечно. Такие братья сегодня братья, а завтра станут беспощадно расстреливать друг друга». К чему, собственно, и пришло братство большевиков в период репрессий.

Но есть еще одна причина неудачных попыток приладить свободу, равенство и братство к различным политическим режимам — забвение Бога, который дал человечеству эти начала.

Отец Дамиан посетовал, что в период управления страной Временным Правительством ни одно государственное предприятие не освящалось молитвой, и выразил надежду, что новые государственные деятели вспомнят о Боге и забудут вражду друг к другу... Не вспомнили и не забыли.

«Церковь снова гонима»

«Церковь снова гонима, — уже открытым текстом констатировал факт архимандрит Дамиан в последней своей статье, опубликованной в «Смоленских епархиальных ведомостях» в феврале 1918 года. — На ее материнский зов уже немногие верующие отзываются с прежней покорностью, ее уставы слабо соблюдаются; над служителями церкви открыто издеваются, считают их ненужными, лишними людьми, — над простецами в вере смеются». Социализм отец Дамиан расценивает как соблазн земным. А та правда, которая в нем есть, и которая привлекает многих, имеет небесное происхождение. «Взяв чистую правду Христова учения, социализм только подражает ей, подменяет ее иным содержанием, ставит себе задачи и цели, далекие от Христовых. Самые пути и средства, которыми он стремится достигнуть земного рая, не могут быть приняты и одобрены верующим христианином. Эти пути — захват имущества богатых, при помощи даже внешнего насилия, классовая и сословная борьба с неизбежными ее спутниками: завистью, враждой и местью — совсем далеки от заветов кроткого и смиренного духом Христа — о непротивлении злу, о смирении, кротости, истинной любви и милосердии».

Но эти слова просвещенного и заботливого пастыря мало кто услышал. Те экземпляры «Смоленских епархиальных ведомостей» из Государственной Публичной Исторической Библиотеки России, по которым мы набирали тексты трудов священномученика Дамиана, оказались даже неразрезанными. То есть их попросту никто до нас не читал.

Пришедшие к власти большевики сделали все возможное, чтобы заглушить голос Церкви. Революция социалистическая вскоре переросла в революцию религиозную, как и предполагал отец Дамиан. Отрезвляющие слова пастырей и архипастырей тонули в общем гомоне революционной патетики. А попытка возвысить голос обращалась для служителей Церкви большими неприятностями. «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы»,³³ — тщетно взывал в своих многочисленных посланиях новоизбранный Патриарх Московский Тихон. Со словом мира обращался к обществу Всероссийский Поместный Собор, начавший работу в августе 1917 года. Мира в обществе по-прежнему не было. Расправы продолжались. Пролилась уже кровь и архипастырей. Открыл список архиереев-мучеников Киевский митрополит Владимир (Богоявленский), убитый 25 января/7 февраля 1918 года. И, как на войне, на места павших призывались другие воины. К весне 1918 года в Соборный Совет Поместного Собора поступило 51 заявление с просьбой начать сбор информации обо всех пострадавших за веру при новом политическом режиме. В ответ на эти предложения 26 марта была создана комиссия «для выяснения истинных масштабов террора, связанного против членов Церкви». Уже через три дня на своем первом заседании члены комиссии насчитали «38 случаев насилия властей по отношению к членам Церкви». А 13 апреля Патриарх Тихон в храме Московской духовной семинарии отслужил заупокойную Литургию, на которой поименно помянул 18 новых мучеников, «за веру и Церковь Православную убиенных».³⁴ Пролилась кровь христианская и в городе Переславль-Залесском Владимирской губернии. Здесь в начале марта красноармейцы убили уважаемого горожанами пастыря священника Константина Снятиновского.³⁵

33 «В годину гнева Божия...»: Послания, слова и речи св. Патриарха Тихона / Сост., автор статьи Н. А. Кривошеева. — М., 2009. — 296 с. — с. 46.

34 Русская Православная Церковь. XX век... — С. 100–103.

35 Священномученик Константин Снятиновский (1867–1918). Отца Константина арестовали вечером, когда он читал правило ко Святому Причащению. Ночью смертельно раненый священник был «еще с признаками жизни брошен на крыльце больницы». — Страницы истории России в летописи одного рода (автобиографические записки четырех поколений русских священников). — М., 2004. — с. 331. // Цит. по книге священника Аркадия Гоглова «Владимирское лихолетье». — М., 2008. — 432 с. — С. 215–216. 6 октября 2001 года на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви имя священника Константина Снятиновского было включено

«Архиерейское служение полно скорбей, лишений и страданий»

25 апреля 1918 года Патриарх Св. Синод принял Постановление: «...ректора Смоленской духовной семинарии архимандрита Дамиана назначить епископом Переславским, третьим... викарием Владимирской епархии, с тем, чтобы наречение и хиротония его в сан епископа были совершены в г. Владимире...».³⁶

Переславль-Залесская епископская кафедра, упраздненная в 1788 году, была вновь учреждена в 1902 году. Правда, назначенный на нее епископ Иннокентий II (Фигуровский)³⁷ проживал не во Владимирской губернии, а в... Китае, возглавляя Российскую Духовную миссию. То есть Переславль-Залесским он лишь титуловался. После назначения в Переславль-Залесский нового архиерея владыка Иннокентий стал Пекинским.³⁸

28 апреля 1918 года в Крестовой церкви Архиерейского дома³⁹ митрополит Владимирский Сергей (Страгородский) с сослужащими ему викариями — епископом Суздальским Павлом (Борисовским)⁴⁰ и епископом Юрьевским Евгением (Мерцаловым)⁴¹ совершил Божественную Литургию, на которой свершилось наречение архимандрита Дамиана в архиерейский чин.

«Призвание моё к епископскому служению совершилось в великие дни страстной и светлой седмицы, — говорил отец Дамиан при наречении. — Оно явилось для меня полной неожиданностью. Могу сказать, оно застигло меня врасплох, совершенно неподготовленным к нему... Случайным гостем оказался я в древнем Владимире у любвеобильного Архипастыря, с коим весьма нередко и в былые годы сретал и прово-

в Собор Новомучеников и Исповедников Российских. — Журнал №61 заседаний Священного Синода Русской Православной Церкви от 6 октября 2001 г.

36 РГИА ф. 831, оп. 42, л. 2. // Чит. по книге «История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 года». — М., 2006. — 926 с. — с. 371.

37 Позднее — митрополит. В миру — Фигуровский Иоанн Апполонович (1863–1831). Возглавлял Российскую Духовную миссию в Пекине с 1896 по 1931.

38 История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 года. — М., 2006. — 926 с. — с. 371.

39 Уже летом 1918 года у Владимирской епархии был отнят архиерейский дом, а осенью — Крестовая церковь.

40 Митрополит Ярославский и Ростовский Павел — в миру Борисовский Павел Петрович (1867–1937). В 1918 году в его квартире был впервые проведен обыск. В 1919 году летом несколько дней сидел во Владимирской тюрьме. Расстрелян 6 октября 1938 г.

41 Епископ Олонецкий (или Петрозаводский) Евгений — в миру Мерцалов Евгений Александрович (1857–1920). Убит. Точная дата смерти неизвестна.

дил страстные и светлые дни в общении молитвы, мира, любви и радости духовной. И вот в нынешний великий четверток после Службы в Кафедральном соборе я впервые узнал о назначении меня в древний Переславль-Залесский. Так судил о мне Господь. Усмотрел я в этом — определение Божественного Промысла, твёрдо памятуя, что от Господа исправляются пути человека. С чувством священного трепета, душевного умиления и спокойной радости принял я эту весть...».

Но это была не та радость, которую испытывает человек, получая награду. Архимандрит Дамиан радовался, что Господь призвал его послужить Ему на новом поприще. То, что служение это будет нелегким, он прекрасно понимал: «...Архиерейское служение на Земле, особенно в наши предательские голгофские дни, полно скорбей, лишений и страданий... Как тяжёл этот изящный, красиво драпирующийся святительский омофор,⁴² который заутра покроет и мои рамена;⁴³ я видел, что он соткан не из дорогих тканей, а из безмерных испытаний... Слишком уж тяжки, мрачны и ответственны для архиерея переживаемые дни.

Теперь мы, может быть, достигли крайней степени напряжения общецерковных и общенародных испытаний, мы, так сказать, в зените страданий. Трепетный и смущённый несущ в сей нареченный и святой день к вам, святители Божии, раздаятели всемогущей благодати всеятого Духа, несущ свой крепкий молитвенный вопль: помолитесь обо мне недостойном, да покажет меня Господь во все дни жизни моей быть образом для верующих «словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою», не ослабевая до последнего моего издыхания в святой ревности о спасении драгоценных душ человеческих».

На следующий день в древнем Успенском соборе во Владимире⁴⁴ святи-

42 Наплечник (греческ.). Омофор — архиерейское облачение в виде широкой и длинной полосы материи. По объяснению протоиерея Григория Дьяченко, омофор символизирует «заблудшую овцу, то есть человечество, обретши которую Господь взял на рамена Свои и сочетал со Своими овцами, то есть ангелами». — Полный церковно-славянский словарь. Составил священник магистр Григорий Дьяченко. — М., 1993. Репринтное воспроизведение издания 1900 г. — 1128 с. — с. 382.

43 Плечи (церковно-славянск.).

44 На постройку этого храма, завершённую к 1160 году, Господь, по словам летописца, привел во Владимир «мастеров из всех земель». Успенский собор помнит знаменитых иконописцев преподобного Андрея Рублева и Даниила Черного. Они здесь после очередного пожара восстанавливали настенную роспись и писали иконы для иконостаса. Иконостас впоследствии был вывезен в село Васильевского и, в конечном итоге, оказался в Третьяковской галереи и Русском музее, а рублевские фрески и ныне украшают стены собора. Хотя и со «значительными утратами», они сохранились. — Низовский А. Ю. Самые знаменитые монастыри и храмы России. — М., 2001. — 464 с. — с. 120–124. Что любопытно, в 1918 году (то есть в год архиерейской хиротонии владыки Дамиана) в Успенском соборе работал знаменитый реставратор Игорь Грабарь, нашедший, что храм и фрески

тельский омофор, «сотканный из безмерных испытаний» лег на плечи новорукположенного епископа Дамиана. В архиерейской хиротонии приняли участие те же епископы, которые присутствовали при наречении.

Вручая владыке Дамиану архиерейский жезл, митрополит Сергей «указал на трудности архиерейского служения в настоящую пору, когда против Христа и Его служителей ведется борьба со стороны враждебных антихристовых сил, требующая от пастырей и голубиной простоты и мудрости змия, и выразил пожелание, чтобы новохиротонисанный святитель действовал в духе этой простоты и мудрости для достижения конечной цели Христова учения — торжества добра над злом и утверждения Царства Христова».⁴⁵

Собравшимся архипастырям казалось, что церковь русская находится «в зените страданий». Но дальнейший ход истории показал, что это была лишь точка восхода нашей церкви на Голгофу.

«Губернские узы»

Переславский и Александровский уезды Владимирской губернии, отданные на попечение нового архиерея, были удалены от центра и потому, как писали все те же «Владимирские епархиальные ведомости», «пребывание епископа в Переславле чрезвычайно важно для непосредственного архипастырского воздействия и влияния на эту разъединенную с кафедральным городом часть епархии».

Местом пребывания епископа Переславского Дамиана был определен Переславский Троицкий Данилов монастырь.⁴⁶

«Под горой на берегу Трубежа стоит полуразрушенный Троицкий Данилов монастырь... Большая часть его построек была разрушена в советское время»,⁴⁷ — читаем описание этой обители, сделанное в начале XXI века. А до революции «монастырь пользовался широкой известностью, ежегодно его посещали до пяти тысяч паломников».⁴⁸ Архитектурный ансамбль Троицкого Данилова монастыря слагался из четырех каменных храмов и нескольких каменных корпусов. В монастырских церквях имелись «старинные иконы древней живописи», а в ризнице — множество «старинных предметов».⁴⁹ Основанный преподобным Даниилом в 1508

здесь сохранились гораздо лучше, чем многие европейские памятники старины.

45 Наречение и хиротония в Епископы Переславского Ректора Смоленской духовной семинарии Архимандрита Дамиана. / Владимирские епархиальные ведомости. — 1918 г. Май (№№7–8). — С. 57–58. // Текст взят с сайта Переславской Краеведческой Инициативы. Режим доступа: <http://pki.ru/articles/p-damian1918speech.pdf>

46 С 1995 года идет восстановление обители.

47 Низовский А. Ю. Указ. соч. — С. 162, 164.

48 Там же. — с. 164.

49 Павловский А. Всеобщий иллюстрированный Путеводитель по монастырям

году монастырь был свидетелем многих событий российской истории. Известно, что в его архивах хранились грамоты великих князей и царей. Едва ли епископ Дамиан, выпускник Археологического института, упустил возможность ознакомиться с монастырскими архивами.

Вскоре власти предприняли организованный поход против Церкви — по всей стране прокатилась кампания по вскрытию мощей. Не минула она и Владимирскую епархию. За две недели были извлечены из раков и выставлены на обозрение «экспертов» мощи десяти Владимирских святых. Вскрытие мощей преподобного Даниила Переславского, хранившихся в Троицком Даниловом монастыре, состоялось 20 февраля/5 марта 1919 года.⁵⁰ Надо полагать, что епископ Дамиан относился к подобному рода действиям властей неодобрительно. Власти со своей стороны искали повода к удалению епископа из города. Повод этот появился осенью 1920 года. Владыку арестовали «за хранение контрреволюционных рукописей». Несмотря на то, что рукописями этими оказались воззвание Патриарха Тихона «Ко всем верным чадам святой Православной русской церкви» и обращение Первосвятителя в Совет Народных Комиссаров, 6 октября 1920 года Владимирский ревтрибунал приговорил епископа Дамиана к «лишению свободы на все время гражданской войны».⁵¹ В том же приговоре было рекомендовано применить к архиерею самый суровый карательный режим и обязательные принудительные работы в стенах тюрьмы.⁵²

«Губернскими узами» назвал владыка Дамиан свое пребывание в тюрьме города Владимира в письме к сестре, написанном в июне 1921 года. То есть все тяготы «карательного режима» ему пришлось переносить больше года. Благословляя сестру, прося у Господа для нее укрепление и душевное спокойствие, епископ признавался, что самому ему очень не хватает храмового богослужения.

4 июля 1921 года предписанием ВЦИК бессрочное заключение епископу Дамиану было «заменено на три года лишения свободы».⁵³ Но на свободу он вышел раньше (по амнистии) — 13 января 1922 года.

и святым местам Российской империи и Афону. — Нижний Новгород, 1907 г. — 784 с. — с. 70.

50 После закрытия монастыря в 1923 году мощи преподобного Даниила были перенесены в местный исторический музей. В 1994 году мощи святого возвращены церкви. С 20 апреля 1996 года они находятся в возрождающемся Переславском Троицком Даниловом монастыре.

51 Карнаевич В. Г., священник Владислав Реутов. Новомученики и исповедники земли Курской... — С. 18–19.

52 Гоглов Аркадий, священник. Владимирское лихолетье. Православная Церковь на Владимирщине в годы безбожной смуты. — М., 2008. — 432 с. — с. 297.

53 Раздорский А. И. Дамиан (Воскресенский Дмитрий Григорьевич) // Православная энциклопедия. Том XIII. — М., 2006. — 752 с. — с. 707.

«Изъятие»

Весной 1922 года власти начали новую кампанию против Церкви — изъятие церковных ценностей под предлогом помощи голодающим Поволжья.

Церковь на голод отреагировала раньше, еще в августе 1921 года, создав Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим. Власти запретили этот комитет, не забыв изъять собранные им суммы. Ленин, как это стало известно из его рассекреченного «строго секретного» письма Молотову, думал в тот момент не о том, как сплотить общество для борьбы со всенародным несчастьем, а о том, как свести счеты с Церковью и расстрелять наибольшее число «представителей реакционного духовенства». В то время, «когда в голодных местностях едят людей», вождь мирового пролетариата планировал не все, изъятые их храмов и монастырей (изъятые «с самой бешеной и беспощадной энергией»), отдать на утоление голодающих жителей Поволжья. Владимир Ильич намеревался создать из обналиченных церковных ценностей некий фонд для государственной работы, хозяйственного строительства и дипломатических нужд. (В частности, «на отстаивание своей позиции в Генуе».)⁵⁴

Церковь готова была жертвовать для голодающих, надеясь, что хоть часть средств послужит делу их спасения. Но власти не хотели принять жертву от Церкви благотворящей, они хотели отобрать трофей у Церкви униженной.

В феврале 1922 года Патриарх Тихон благословил «в виду чрезвычайно тяжких обстоятельств» жертвовать на борьбу с голодом церковные предметы, не священные и не имеющие богослужебного употребления. В начале марта священномученик Вениамин (Казанский), митрополит Петроградский, в письме Петроградскому губисполкому признал за собой право просить Патриарха о пожертвовании и священных сосудов, если голод не прекратится, а «Церковь исчерпает все имеющиеся в ее распоряжении средства».⁵⁵

Митрополит Владимирский Сергей (Страгородский), видя, что дело доходит до кровопролития,⁵⁶ выступил в роли миротворца. 24 марта в газете «Нижегородская коммуна» было опубликовано его «Воззвание

54 Письмо В. И. Ленина В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) 19 марта 1922 г. // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. — М., 1996. — 352 с. — С. 88–92.

55 Письмо митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина в Петроградский губисполком 12 марта 1922 г. // Там же. — с. 81.

56 Город Шуя, где 13 марта 1922 года члены комиссии по изъятию церковных ценностей, не пропущенные верующими в городской собор, позвали на помощь пехоту и пулеметчиков, находился на территории Владимирской губернии. В результате столкновения пять человек погибли и около пятнадцати получили тяжелые ранения.

к православной пастве Владимирской епархии», посвященное теме изъятия церковных ценностей. Владыка Сергей призывал верующих к миру и спокойствию, напоминая, что Сам Спаситель не одобрил действий апостола Петра, когда тот взялся за нож в Гефсиманском саду. «Всякое действие, совершаемое со враждою, с раздражением, вызывает и против себя раздражение. А где обе стороны раздражены, там трудно от них ожидать взаимной уступчивости и умеренности в требованиях. Не случилось бы и с нами, что и те церковные вещи, которые, при ином нашем поведении, можно было бы сохранить для нашего храма, теперь, при взаимном раздражении, будут от нас взяты. И мы сами будем виноваты, что не сумели этих вещей сохранить».⁵⁷

Митрополит Сергей призвал христиан «подчиниться тяжелой необходимости» и всю свою ревность, усердие и труд направить на сбор домашних драгоценностей, на которые власти согласились обменять предназначенные к изъятию евхаристические сосуды и священные предметы. «Ревность о храме Божием должна побуждать нас лишь к наибольшей готовности жертвовать своим для храма»,⁵⁸ — указывал Владимирский владыка в своем воззвании и выражал надежду, что «идя навстречу просьбам прихожан, наши власти согласятся оставить нетронутыми и наиболее чтимые святыни».⁵⁹ Содержалось в этом документе и обращение к «собратьям Преосвященным викариям» Владимирской епархии встать на путь покорности воле Божией.

Однако надежда на то, что «комиссары» не будут тянуть из православных храмов «все, что блестит», себя не оправдала. Шла не столько борьба с голодом, сколько борьба с церковью.

Уже 20 марта, то есть на следующий день после написания Лениным выше цитированного письма, ГПУ разработало планы репрессий против священноначалия. Московские чекисты готовы были начать с ареста Патриарха, но потом отсрочили эту акцию на некоторое время. 28 марта Патриарха Тихона впервые вызвали на допрос в ГПУ...

3 апреля 1922 года начальник Владимирского губотдела ГПУ Крылов направил уполномоченному Дмитриеву запрос о возможном аресте епископа Дамиана. Крылова интересовало, как к аресту архипастыря отнесется местное население. Если «невраждебно, и арест обойдется без эксцессов», то сотрудникам ГПУ дан был такой алгоритм действий: «немедленно ночью произведите обыск и арестуйте. Закончите в дневной срок дело следствием и вместе с Дамианом на лошадях, доставьте нам». В случае угрозы «эксцессов» Крылов рекомендовал воздержаться от ареста владыки, но принять «все меры к

57 Цит. по книге «Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский). / автор-составитель Сергей Фомин. — М., 2003. — 1008 с. — с. 175.

58 Там же.

59 Там же. с. 176.

немедленному изъятию ценностей, не соглашаясь ни с какими доводами Дамиана.⁶⁰

6 апреля уполномоченный ГПУ Дмитриев дал ответ на запрос: «Сейчас арест Дамиана Воскресенского невозможен, так как в последние дни, перед Пасхой, верующие находятся в полном экстазе религиозного культа и отнесутся к изъятию Дамиана враждебно. Мы можем сорвать работу комиссии по изъятию ценностей. Гласное следствие ведется, но материалов мало, больше ведем негласное наблюдение. В случае активной открытой агитации и сопротивления работе комиссии, ваше предложение об аресте будет приведено тотчас же в исполнение».⁶¹

Как мы видим из этих документов, «изъятие Дамиана» было предпринято. Однако еще более полугодом сотрудники ГПУ путем «негласного наблюдения» собирали материалы для следственного дела епископа.

«С программой «Живой Церкви» православное сознание мириться не может»

Создание «обновленческого» раскола, проявившегося той же весной 1922 года, можно назвать еще одной антирелигиозной кампанией советской власти. Не случайно главной движущей силой обновленческого движения на первых порах его возникновения стало Главное Политическое Управление. И главный орган обновленцев — Высшее Церковное Управление не стеснялось пугать тюрьмой и ссылкой клириков и епископов, не желающих присоединиться к обновленцам. «Как только епископ заявлял о своем непризнании ВЦУ, так тотчас же попадал в ГПУ».⁶²

Но большевикам не нужна была никакая Церковь: ни старая «Тихоновская», ни новая — «живая» и «обновленная». В ближайшей перспективе обновленцев ждали значительные утеснения. А в 1940-е годы, когда «мавр сделал свое дело», обновленчество прекратило свое существование по приказу партии. Начальник секретного отдела ГПУ Е. А. Тучков⁶³ еще на заре обновленчества докладывал высшему

60 АУФСБ РФ Владимирской области. Ф. АУД. Д. №П-6401. Л. 12.//Цит. по книге Карнаевича В.Г. и священника Владислава Реутова «Новомученики и исповедники земли Курской»... — С. 55–56.

61 Там же. Л.16. // Там же. с. 56.

62 Вострышев М. И. Патриарх Тихон. ЖЗЛ. — М., 1997. — 302 с. — с. 248.

63 Тучков Евгений Александрович (1892–1957), сотрудник ЧК-ОГПУ-НКВД. Его называли «серым кардиналом ЧК» и «красным обер-прокурором». Родился в деревне Теляково Суздальского уезда Владимирской губернии. Трудовой стаж начал «мальчиком в кондитерской». С 1918 года на службе в ЧК. В 1922 году назначен начальником 6 отделения СО ГПУ и секретарем Антирелигиозной комиссии (по совместительству). Допрашивал многих архиереев Православной Церкви и самого Патриарха Тихона. Неоднократно награждался (маузером, золотыми часами, орде-

начальству, что планирует «пользуясь обновленческим элементом, дискредитировать Тихоновскую церковь», а далее «углубить раскол церковных групп... дабы новая церковь не представляла из себя сплоченную единую организацию».⁶⁴

Само обновленческое движение, к 1923 году захватившее до 70% приходов, было неоднородным. В нем выделялись течения, требовавшие крутых преобразований (введение женатого епископата, второбрачного священства, демонтажа иконостасов и перенесения алтарей в центры храмов). Были умеренные обновленцы, не выдвигавшие столь радикальных планов переустройства церковной жизни. В провинции многие приходские батюшки стали обновленцами, сами того не ведая. После ареста Патриарха и создания ВЦУ обновленцы, которым удалось захватить епархиальные канцелярии со всем архивом, попросту записали в сторонники обновленчества всех священнослужителей по умолчанию. В Курской епархии, к примеру, большинство батюшек узнали, что они числятся обновленцами только тогда, когда из Курска к ним прислали анкету с просьбой ответить к какой именно обновленческой группе они принадлежат: «Живой Церкви», «Союзу общин древле-апостольской церкви», «Группе Церковного возрождения» или к «непартийным обновленцам».

Во Владимирской губернии обновленческое движение, по оценкам ГПУ, «развивалось слабо».⁶⁵ У митрополита Владимирского и Шуйского Сергия поначалу сложилось впечатление, что Патриарх перед своим арестом решил воспользоваться помощью обновленческих групп «для устройства дел Церкви».⁶⁶

Митрополит Сергей, в начале 1921 года успевший побывать узником Бутырской тюрьмы, а затем высланный властями в Нижний Новгород, пребывал в обновленческом расколе 14 месяцев. Его можно отнести к группе «условных обновленцев». Формально признав в июне 1922 года «законность и каноничность» ВЦУ и призвав всю Российскую Православную Церковь подчиниться этому органу,⁶⁷ он, тем не менее,

ном Трудового Красного Знамени) за «энергию, инициативу и находчивость», проявленные в деле уничтожения Церкви. В 1939 году уволен из органов НКВД с красноречивой формулировкой: «за невозможностью дальнейшего использования».

64 Соловьев И. В. Краткая история т.н. «обновленческого раскола» в Православной Российской Церкви в свете новых опубликованных исторических документов. // «Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). — М., 2002. — 1064 с. — С. 30–31.

65 Косик О. Из истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.). // Богословский сборник. №6. — с. 47.

66 Обращение митрополита Сергия (Страгородского) к собранию духовенства г. Владимира. 5 сентября 1922 г. // Богословский сборник. №6. — с. 59.

67 16 июня 1922 года в обновленческом журнале «Живая Церковь» было опубликовано воззвание митрополита Сергия (Страгородского), архиепископа Евдокима (Мещерского) и архиепископа Серафима (Мещерякова). «Этот документ, получив-

поставил перед лидерами обновленчества жесткие условия: не нарушать церковных канонов.

Уже в августе того же года после съезда «Живой Церкви», владыка Сергей протестовал против тех постановлений, принятых съездом, которые «противоречат канонам Православной Церкви, а именно: снятие отлучения с Л. Толстого, разрешение священнослужителям-монахам вступать в брак, разрешение священнослужителям вступать в брак после хиротонии, допущение к священнослужению второбрачных, поставления в епископы женатых без разлучения с женами».⁶⁸ Более того, митрополит Сергей категорично заявил, что не позволит в пределах своей епархии служить второбрачным и разорвет всякие отношения с нарушителями церковных правил. В сентябрьском обращении к собранию духовенства Владимира он призывал пастырей к миру и терпению: «Не пугайтесь слухами и сплетнями. Поверьте, что я не менее вас заинтересован в соблюдении веры и церковного порядка. Когда нужно будет, будем и головы наши полагать за веру. Но пока еще до этого дело не дошло... Потерпите немного, дело само собою выяснится, и будет ясно, куда нам идти. Теперь же все еще темно. Принимать окончательное решение в таких условиях нельзя».⁶⁹

Как же в это время проявил себя епископ Дамиан? Позднее, на допросе в ГПУ он говорил, что разделил позицию владыки Сергея, поскольку как vikarий должен был ему подчиняться и просто потому, что «лично доверял ему».⁷⁰ Формально признав Высшее церковное управление обновленцев на условиях, поставленных митрополитом Сергием, владыка Дамиан открыто заявлял, что «с программой «Живой церкви» православное сознание мириться не может» и на административные распоряжения ВЦУ не реагировал. В храмах Переславль-Залесского и Александровского уездов по-прежнему за богослужением возносилось имя Патриарха Тихона. Недовольные таким поведением архиерея местные священники-обновленцы пополнили своими доносами папочку с материалами, которые собирали сотрудники ГПУ и, в конце концов, 5 декабря 1922 года епископ Дамиан был арестован. Обвинили владыку в антисоветской агитации, назвали его «ярким реакционным элементом», который «прикрываясь религиозным флагом», проводит контрреволюционную политику Патриарха Тихона в «церковном движении». Словом, в том, что «в верующих массах создается враждебное отноше-

ший название «Меморандума трех», послужил соблазном для многих церковных людей и мирян». — Русская Православная Церковь. XX век... — С. 156–157.

68 Косик О. // Богословский сборник. — С. 44–45.

69 Обращение митрополита Сергия... // Богословский сборник. №6. — с. 60.

70 Архив УФСБ РФ по Владимирской обл. Д. №П–6401. Л. 198–об. // Цит. по Раздорский А. И. Дамиан... — с. 707.

ние к Советской власти»⁷¹ виноват епископ Дамиан.

Владыка виновным себя не признал, но «как социально-опасный элемент» был выслан в Туркестан на два года.

В выписке из протокола заседания комиссии ГПУ по административным высылкам от 23 февраля 1923 года указано, что доклад о высылке «гражданина Воскресенского Дмитрия Григорьевича» делал сам «товарищ Тучков». Между прочим, уроженец Владимирской губернии.

А обновленцы в журнале «Церковь и жизнь» объявили, что епископ Дамиан (Воскресенский) уволен Высшим Церковным Управлением «на покой с назначением местожительства в городе Ташкенте».⁷²

В материалах следственного дела владыки Дамиана есть и словесный его портрет: «Рост — выше среднего, крепкого телосложения, широкий лоб, нос большой, глаза голубые, губы полные. Волосы и борода темно-русые, лицо крупное, чистое, походка степенная»⁷³.

Временный Высший Церковный Совет «не от Бога»

Свою ссылку епископ Дамиан отбывал в поселке Теджен.⁷⁴ «Далекой Закаспийской страной» назвал эти места владыка, когда оглядывался на прожитые годы, покидая Полтавскую кафедру и вступая на кафедру Курскую: «Привык я в свою скитальческую жизнь воздавать хвалу Богу. Пожил я, кроме Полтавы, и на Западе — в Смоленске, и в Северном Переславле-Залесском, в далекой Закаспийской стране — и везде душа моя благословляла Господа».

Туркменская ссылка владыки Дамиана была чрезвычайно скудна внешними событиями. Зато по возвращении в Переславль-Залесский он оказался участником таких событий, о которых сожалел всю последующую жизнь. Речь идет о полуторамесячном пребывании епископа Дамиана в Григорианском расколе...

В августе 1923 года митрополит Сергей (Страгородский) поставил точку в своих отношениях с обновленцами и публично принес покаяние перед Патриархом Тихоном, незадолго до этого освобожденным из тюрьмы.

В марте 1924 года владыка Сергей был назначен на Нижегородскую архиерейскую кафедру. В ноябре 1925 года управление Владимирской епархией было временно доверено епископу Дамиану.

71 Архив УФСБ РФ по Владимирской обл... Л. 217. // Карнаевич В. Г... — с. 57.

72 Карнаевич В. Г., священник Владислав Реутов. Новомученики и исповедники земли Курской. — Курск, 2006. — с. 20.

73 Цит. по Карнаевич В. Г., священник Владислав Реутов. Новомученики... — с. 33.

74 Теперь город в Туркмении.

После смерти Патриарха Тихона⁷⁵ Местоблюстителем Патриаршего Престола стал один из назначенных им самим кандидатов — митрополит Крутицкий Петр (Полянский).⁷⁶ Владыка Дамиан был в числе архиереев, подписавших 12 апреля 1925 года акт о передаче высшей церковной власти митрополиту Петру.⁷⁷

Но уже 10 декабря 1925 года Местоблюститель был арестован. Из тех преемников, которых он назначил себе, на свободе находился лишь митрополит Сергей (Страгородский), да и тот был лишен возможности выехать из Нижнего Новгорода. Узнав об аресте Местоблюстителя и о невозможности других кандидатов заменить его, владыка Сергей отправил на имя трех епископов, викариев Московской епархии⁷⁸, письмо с сообщением, что он принимает на себя функции временно исполняющего обязанности Патриаршего Местоблюстителя.

Но сотрудникам ОГПУ такой поворот церковной истории был явно не по нраву и они вновь использовали момент для инспирации нового раскола. Слабое звено в православном епископате они нашли еще до ареста Местоблюстителя. Посулив легализацию церковного управления находившемуся в Москве Свердловскому архиепископу Григорию (Яцковскому), команда Тучкова сделала ставку на него.

22 декабря 1925 года в Московском Донском монастыре владыка Григорий собрал на совещание 10 архиереев. Среди них был и епископ Дамиан, который, скорее всего, не знал о том, что митрополит Сергей (Страгородский) уже взял на себя ответственность за церковное управление.

Но многие из собравшихся это знали и попросту игнорировали, предпочитая единоличной форме управления Церковью форму коллегиальную, как это было в Синодальную эпоху. Образовав Временный Высший Церковный Совет, естественно, во главе с архиепископом Григорием, они заявили о своем каноническом общении с находящимся под стражей Патриаршим Местоблюстителем, дистанцировались от всех обновленческих течений и обещали полную лояльность к советской власти. Уже 2 января 1926 года, благодаря своим связям в ОГПУ, архиепископ, подаривший новому расколу свое имя, держал в руках документ, разрешающий григорианам заниматься своей деятельностью.

О возникновении григорианского раскола митрополит Сергей узнал из советской прессы⁷⁹ и потребовал у архиепископа Григория объясне-

75 7 апреля 1925 года.

76 Священномученик Петр (Полянский Петр Федорович, 1862–1937).

77 Страж Дома Господня... — с. 923.

78 Управляющего Московской епархией епископа Дмитровского Серафима (Звездинского), будущего священномученика, епископа Клинского Гавриила (Красновского), расстрелянного в Запорожье в 1941 году и епископа Воскресенского Иоанна (Василевского).

79 Сообщение о создании ВВЦС 7 января 1926 года (на Рождество Христово) опу-

бликовала газета «Известия». Ответное письмо с приглашением войти в состав ВВЦС в Нижний Новгород привез епископ Дамиан. Владыка Сергей показал ему завещательное распоряжение митрополита Петра, передающего ему обязанности заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Действия григориан он назвал не «смелостью ревнителей, а дерзостью похитителей».⁸⁰

Личная встреча владыки Дамиана со своим наставником открыла для него глаза на истинный смысл происходящего. Вернувшись в Москву, он «предложил признать за митрополитом Сергием его законные права Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и объединить с ним усилия в совместной работе по решению насущных проблем Церкви. В противном случае епископ Дамиан предупреждал о возможности раскола среди иерархов РПЦ и выразил готовность выйти из состава ВВЦС».⁸¹

Вместо признания архиепископ Григорий «братски» просил владыку Сергия «пожаловать в ВВЦС для всестороннего выяснения вопросов».⁸² И даже обещал исхлопотать ему для этого у властей разрешение на проезд в столицу. В Москве митрополита Сергия предполагалось огорошить сообщением, что плененный чекистами Патриарший Местоблюститель издал новое распоряжение об управлении Церковью с новыми именами. Этот документ — результат хитрой интриги, сплетенной деятелями григорианского раскола, совместно с сотрудниками ОГПУ. Митрополит Петр, введенный в заблуждение членами ВВЦС, посетившими его 19 января 1926 года, согласился временно поручить свои обязанности коллегии из трех архиереев, среди которых он назвал и архиепископа Григория. В апреле, когда Местоблюститель узнал истинное положение в области церковного управления, он аннулировал полномочия ВВЦС и подтвердил назначение митрополита Сергия своим временным Заместителем».⁸³

2 февраля 1926 года епископ Дамиан подал в ВВЦС на имя его главы заявление о своем выходе: «Выяснилось окончательно, что наш «совет и дело от человек» (Деян. 5.38), а потому вполне обдуманно заявляю Вашему Высокопреосвященству о своем выходе из состава ВЦС. Ради мира церковного братски прошу Вас и прочих иерархов последовать моему смирению».⁸⁴

бликовала газета «Известия».

80 Страж Дома Господня... — с. 178.

81 Каплин П. В., прот. Валерий Лавринов. Григорианский раскол // Православная энциклопедия. Т. XII. — М., 2006. — 754 с. — с. 456.

82 Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. Составитель М. Е. Губонин. — М., 1994. — 1064 с. — с. 431.

83 Цыпин Владислав, протоиерей. Борис (Рукин Борис Андреевич) // Православная энциклопедия. Т. VI. — М., 2003. — 754 с. — с. 39.

84 Акты Святейшего Тихона... — с. 438.

К этим «золотым словам» присоединился и митрополит Сергей, третий раз письменно обращаясь к архиепископу Григорию: «Убедитесь же, подобно Вашему бывшему соучастнику, правдивому и мужественному в своей искренности Преосвященному епископу Дамиану (Воскресенскому), что Ваш «совет и дело от человек», а не от Бога, и имейте мужество последовать призыву епископа Дамиана...».⁸⁵

Вскоре примеру владыки Дамиана последовал еще один из бывших организаторов григорианского раскола епископ Симбирский Виссарион (Зорнин), 12 января 1926 года уехавший из Москвы в Ульяновск и не владевший полной информацией о развитии церковных событий. «Если бы я в Москве получил, как Преосвященный Дамиан, Ваше увещание, — писал он владыке Сергию, — то я вместе с ним бы подписал тогда покаянное обращение к Вам».⁸⁶

Григорианцы окончательно себя скомпрометировали, когда в поисках союзников поддержали руководителей лубенского раскола на Украине, осужденного Заместителем Патриаршего Местоблюстителя.

«Мертворожденным» назвал митрополит Феодосий (Процюк) самочинный григорианский ВВЦС.⁸⁷ Митрополит Иоанн (Снычев) отзывался о григорианском расколе, как о «церковном движении, которое бесславно началось и бесславно завершило свой антиканонический путь».⁸⁸ Последним годом истории григорианства считают 1943 год, в котором принесли покаяние четыре последних иерарха-григорианца. А на рубеже 1920-1930-х годов архиепископу Дамиану еще предстояло встретиться с григорианской проблемой на территории Курской епархии.

«Умоляю вас оставить споры, порожденные гордыней»

Вернувшись в лоно канонической Православной Церкви, епископ Дамиан вновь получил во временное управление Владимирскую епархию. В 1927 году он был возведен в сан архиепископа и в мае переведен в Полтаву. Здесь он титуловался архиепископом Полтавский и Переяславским (в честь уже не Залесского города, а украинского) и вдобавок был назначен временно управляющим Екатеринославской (Днепропетровской) епархией. В Полтаве владыка, вероятно, и получил в подарок позднее споровшие письма Патриарха Тихона к архиепи-

85 Акты Святейшего Тихона... — с. 443.

86 Акты Святейшего Тихона... — с. 447.

87 Феодосий (Процюк), митрополит Омский и Тарский. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). — М., 2004. — 640 с. — с. 372.

88 Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской церкви. — Самара, 1997. — 368 с. — с. 105.

скопу Парфению (Левицкому),⁸⁹ завершившему свой земной путь в 1921 году на Полтавской кафедре.

С 25 по 27 января 1928 года в Киеве состоялся съезд украинских архиереев. На нем экзарх Украинской Церкви митрополит Михаил (Ермаков) сообщил «об открытии Патриаршего Управления и Временного при нем Священного Синода,... а также ... об организации Высшего церковного управления и епархиальных управлений на Украине».⁹⁰ Был на съезде и архиепископ Полтавский Дамиан, погрузившийся, по собственному признанию, в «бурливый поток церковной жизни на Украине» и успешный духовно сродниться с верующими.

Весть о своем переводе в родную Курскую епархию владыка Дамиан принял «не без священного трепета в вечерний час молитвы накануне Георгиева дня» (5 мая 1928 года). Ему шел 55-й год. Чувствуется, что вместе со словами приветствия своей новой пастве, вырывающимися из глубины сердца, на глаза его наворачивались умиленные слезы: «Господь далеко уже за полдень моей жизни призывает меня на служение Ему и Его Церкви в родную епархию, где я провел детство, отрочество, первые шаги на пастырской ниве, а потом труды по воспитанию духовного юношества».

Но с тех пор как здесь все изменилось! Не было уже в Курском крае его главной святыни — иконы Божией Матери «Знамение». Не осталось ни одного монастыря, ни одного духовного учебного заведения. Прекратилось богослужение во многих храмах обширной епархии. А над теми церквями, в которых еще теплилась молитвенная жизнь, дамокловым мечом висела угроза закрытия и переоборудования — под клуб, под склад или сарай. Союз безбожников ширил свои ряды и находил немало единомышленников в курских городах и селах, готовясь к решительной атаке на Церковь и вынашивая безумные планы безбожных пятилеток.

Но самой большой горечью для курского архипастыря стали не натиски внешних, а внутренние церковные нестроения. Владыка Дамиан сразу же проявил себя истинным ревнителем Церкви, направив все свои силы на восстановление церковного мира.

«По прибытии в родной Курск узнал я, что среди верующих во Христа есть несогласия и разделения во граде и Епархии, — говорил архиепископ Дамиан в своем обращении к пастырям и мирянам в августе 1928 года. — Родная церковная нива за последнее время поросла тернием. Попущением Божиим имеются на ней и нездоровые течения среди тех, которые недавно в храм Божий ходили единомышлением. Умоляю, братья, Именем Господа Нашего Иисуса Христа, чтобы все вы

89 Парфений (Левицкий, 1858–1921), архиепископ Полтавский.

90 Косик О. В. Истинный воин Христов. Книга о священномученике епископе Дамаскине (Цедрике). — М., 2009. — 284 с. — с. 99

говорили одно и не было между вами разделения, но чтобы вы были в одном духе и в одних мыслях (1 Кор. 1.10). Ради святой Крови Христовой, пролитой на Голгофе, умоляю оставить всякие спорные вопросы и несогласия, порожденные гордыней, возникшие от тщеславия, властолюбия и иных страстей, и не вносить их в ограду Христову. Вольных и невольных пособников разделения, отколовшихся от Единства церковного, отечески молю воссоединиться с Единою Спасающей Церковью. Вам предстоит великий подвиг покаяния и сознания, что в деле спасения нельзя безболезненно нарушить единство веры и молитвы. А пребывающих в ограде Христовой Церкви прошу с кротостью, любовью и всяким снисхождением объяснить заблуждающимся братьям нашим весь вред и грех раскола. Но не считайте их за врагов, а вразумляйте их как братьев (2 Сол. 3.15) и не вступайте с ними в молитвенное общение, ибо оно запрещено Апостолами (Правила 10, 11, 12). Единство церковное берегите, как самое драгоценное сокровище. Храните Отческую Апостольскую веру православную. Не изменяйте ей ни из каких видов. Не слушайте тех, кто уверяет, будто можно спастись во всякой вере. Не внимайте и тем, которые уверяют, будто спастись можно только у них, недавно отклонившихся от Единства церковного».

Архиепископ Дамиан не упустил случая напомнить курянам и о необходимости жить церковно, а не только бороться за церковь: «Освятите свою жизнь святыми таинствами. Соблюдайте пост, уставы церковные. Ограждайте себя крестным знаменем, с молитвою принимайте пищу, как дар Божий. Почитайте святые мощи и иконы. Призывайте на помощь Усердную Заступницу Богородицу и святых Угодников Божиих. Не забывайте освящать дни воскресные и праздники молитвою церковною, она низводит Божие благословение на ваш недельный труд, примиряет с жизненными невзгодами и дает радость духовную. Да не пустуют родные храмы наши, в них теперь совершается научение в вере, освящение благодати Св. Духа через таинства, как всегда. Вместе с тем приглашайте в храм Божий на общую молитву и домашних своих после блуждания на стороне далече. При настоящих условиях жизни на вас, отцы и матери, тем более, чем когда-либо, лежит ответственность перед Богом за души ваших детей и домочадцев. Вы сами видите, как целое море греховных соблазнов окружает их, спасение от них только во святых храмах и в родных семьях и домах, которые у христиан должны представлять собою и по внешней обстановке и по всему укладу жизни малую Церковь Божию. По сему для православных христиан обязательны крещение младенцев, церковное благословение браков и христианское погребение всех, в вере и покоем скончавшихся. И также говение, исповедь и причастие Святых Тайн Христовых хотя бы однажды в году. В храм Божий ходите не по привычке только, но для молитвы и благоговейного слушания слова Божия. Придя из храма,

удерживайте в сердце и памяти, что там слышали, дабы исполнить это в жизни. Пастырей, твердых в исповедании веры православной, всячески поддерживайте, любите и помогайте им во всем, и пастыри вместе с пасомыми составляют одно тело Христово, Единую Святую Церковь».

Есть в послании и прямое обращение к священнослужителям, вдохновляющее и укрепляющее: «Пастырей же молю: в мире со всеми, благоговейно, истово, внятно совершать богослужение, влагая в него все свое религиозное настроение, назидая верующих словом живой проповеди и, в особенности, примером своей жизни. На вас, пастыри, устремлены тысячи глаз, все примечающих, от которых не утаится ничто. Вы стоите на свещнице, так что видимы всеми. И не говорите себе: я священник только в храме, а дома такой же человек, как и все. Нет. Пастырь всюду пастырь. Везде он именуется Батюшкой и Отцом Духовным. Так оно и по взгляду Церкви, так оно и по существу. Не смущайте же малых сих ни поведением вне храма, ни внешним видом своим, ни одеждою, ни чем иным, памятуя, что горе тому, кто соблазнит единого от малых сих».

Эти слова напитали надеждой сердца многих курских батюшек, иссушенные лютыми ветрами народного безбожия. Они почувствовали, что в Курской епархии появился архипастырь, способный пробудить задремавшие духовные силы в народе и провести церковный корабль между Сциллой уныния и Харибдой агрессии.

4,3% обновленцев

Но иными глазами смотрели на нового курского архиерея местные обновленцы и григорианцы.

Обновленчество в Курском крае⁹¹ к приезду архиепископа Дамиана, по милости Божией, существенно сузило границы своего влияния. В обзоре политэкономического состояния СССР⁹² за апрель 1924 года рисуется следующая картина: «Местами среди обновленцев наблюдается определенное разложение. В Курской губернии они группами каются и переходят в подчинение Тихону».⁹³ И далее, в майском отчете того же года: «Тихоновщина усиливается в ряде губерний». В этот ряд поставлена и Курская. В отчетах за 1925 год отмечается та же тенденция: ряды обновленцев редеют. В православие бывшие раскольники возвращаются целыми общинами и даже церковными округами.

91 О начале обновленческого движения в Курском крае можно рекомендовать работу Бунина А. Ю. Обновленческий раскол и Курская епархия (1920-е гг.). // Пятое Дамиановские чтения (материалы Всероссийской научно-практической конференции г. Курск, 26–28 марта 2008 г., ч. 2). — Курск, 2008. — 210 с. — С. 63–66.

92 Такой документ ежемесячно готовился информационным отделом ОГПУ.

93 Совершенно секретно: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934) // Цит. по сайту «Утерянная империя». Режим доступа: <http://lost-empire.ru>

В 1927 году обновленческий митрополит Серафим (Руженцев) познакомил своих единомышленников с печальной для них статистикой, свидетельствующей об упадке обновленчества. За год численность обновленческих приходов снизилась на треть. Курская епархия в докладе митрополита Серафима названа в ряду «наиболее неблагоприятных».⁹⁴ Обновленцы здесь составляли всего 4,3% общей численности религиозных общин. Под угрозой было само дальнейшее существование Курской обновленческой епархии. Вскоре после приезда в Курск архиепископа Дамиана обновленческий архиерей Павел (Масленников)⁹⁵ был переведен в Борисоглебск. А преемника ему не могли подобрать несколько лет. Лишь в марте 1931 года обновленческие иерархи «вспомнили» о Курском крае и назначили на Белгородскую кафедру епископа Димитрия (Крылова),⁹⁶ поручив ему управление Курской обновленческой епархией.

Словом, обновленцев в крае была горстка, но шуму от них было много. К тому же власти еще продолжали по инерции оказывать им покровительство, устанавливая щадящие налоги и не мешая им свободно «разлагаться».

Белгородская «григорианская» епархия

Трудно сказать, сколько приходов в Курской епархии принадлежали к григорианскому расколу. Есть предположение, что сторонники ВВЦС в основном проживали в южной части Курской губернии и группировались вокруг бывшего викария Курской епархии Новооскольского епископа Серафима (Игнатенко). О лидере местных григорианцев имеется самая скудная информация. Около 1926 года рукоположен в священник сан и назначен в Новый Оскол. После 1927 года он не принял, так называемую, «Декларацию» митрополита Сергия⁹⁷ и примкнул к ВВЦС.

94 Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в русской церкви // «Обновленческий» раскол. — М., 2002. — с. 475.

95 Павел (Масленников), обновленческий архиепископ Курский с июля 1927 по сентябрь 1928 гг.

96 Димитрий (Крылов Дмитрий Владимирович), обновленческий епископ Белгородский, управляющий Курской епархией с 19 марта по апрель 1931 года. За «нетрезвое и соблазнительное поведение» неоднократно увольнялся за штат.

97 Официально этот документ назывался так: «Послание Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия и Временного Патриаршего Священного Синода архипастырям, пастырям и всем верным чадам Всероссийской Православной Церкви». Датирован он 29 июля 1927 года. Не все архипастыри, пастыри и верные чада согласились признать «радости» советской власти своими радостями, к чему призывали их авторы «Послания». У «Декларации» и поныне в среде церковных историков есть свои критики и свои апологеты. Одни видят в ней уж слишком большую уступку властям. Другие — лишь констатацию того, что борьба с советской властью не является содержанием право-

Курский митрополит Назарий (Кириллов) запретил его в служении, а затем, как иронично сообщали в своей прессе обновленцы, «ласково» отменил запрещение, объяснив свое поведение нежеланием влиять ни на чью совесть.⁹⁸ Однако оставим это ироничное описание на совести обновленцев. Сам владыка Назарий, прощаясь с курской паствой в феврале 1928 года, оставил пасомым и пастырям свое духовное завещание, в котором молил их «в чистоте сохранять веру Православную, не уклоняясь ни вправо, ни влево, а прямым путем идти в Небесное Царство».

«Отстраняйтесь от обновленчества, которое уклонилось от чистоты Православия и потеряло Божественную благодать, — писал митрополит Назарий. — Не следуйте новому расколу, возглавляемому Временным Высшим Церковным Советом (ВВЦС), который лицемерно восхваляет Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, а в действительности не слушается его и не желает ему подчиняться. Держитесь того среднего и правильного пути, по которому направляет нас теперь Заместитель Патриаршего Местоблюстителя Митрополит Нижегородский Сергий».⁹⁹

Митрополит Назарий, выйдя на покой, уехал в Одессу, где вскоре скончался. Курской епархией до приезда архиепископа Дамиана управлял викарий — епископ Рыльский Алексей (Готовцев).

14 мая 1928 года Курская губерния была упразднена и вошла в Центрально-Черноземную область в составе трех округов: Курского, Белгородского и Львовского. Епископ Серафим (Игнатенко) и его сторонники воспользовались этим моментом и в июле собрали в Белгороде съезд благочинных и мирян, на котором «единодушно» объявили о создании новой самостоятельной Белгородской епархии в границах Белгородского административного округа. Для управления епархией был выбран Белгородский Епархиальный Совет во главе с председателем, которым стал епископ Серафим (Игнатенко), титулованный Белгородским.

Но не принявшие григорианских преобразований священнослужители и миряне продолжали считать своим правящим архиереем Курского архиепископа Дамиана. И он, лишенный возможности свободного передвижения по епархии, все же прилагал все усилия, чтобы сохранить духовное единство на вверенной ему территории. Он принимал просителей

славной веры. Как отмечает протоиерей Владислав Цыпин, сам митрополит Сергий не требовал от епископов и клириков полной поддержки всех пунктов этого спорного документа. Он настаивал лишь на том, что «несогласие с положениями «Декларации» не может служить канонически законным оправданием разрыва общения с ним, как с лицом, на временной основе исполняющим обязанности Предстоятеля Церкви». — Цыпин Владислав, протоиерей. «Декларация» 1927 г. // Православная энциклопедия. Том XIV. — М., 2006. — 754 с. — с. 330.

98 Уральские церковные ведомости. — 1928 г. №5–6. — с. —8.

99 Архив УФСБ по Белгородской обл. АУД №7883. Том 3. Приложения. Лист без номера.

из всех трех новых округов и назначал туда священников. Белгородские григорианцы расценили это как «врывательство в чужую епархию» и в ноябре обратились к владыке Дамиану с гневным письмом: «Рядом неопровержимых фактов Белгородский Епархиальный Совет убедился в Вашем некорректном к нему отношении и, что особенно больно, в Вашем разлагающем влиянии на церковную жизнь епархии...»

Архиепископа Дамиана обвинили в нарушении церковных канонов, пригрозили извержением из сана и припомнили участие в григорианском расколе: «Называя нас еретиками-раскольниками, Вы призываете к покаянию тех, заметьте, кто последовал Вашему же примеру в организации ВВЦ Совета... Епархиальный Совет долго терпел Ваше врывательство в дела Белгородской епархии, но всякому терпению, если оно разлагает верующих, должен быть положен конец, и Епархиальный Совет обращается к Вам с настоящим воззванием. Ждем немедленного прекращения Вашего врывательства в дела Белгородской епархии... Мы Вас не трогаем, оставьте же и Вы нас в покое!». ¹⁰⁰

Вскоре на григорианской Белгородской кафедре епископа Серафима ¹⁰¹ сменил епископ Иероним (Борецкий), позднее переведенный в Томск. ¹⁰² А затем епископ Алексей, о котором известно еще меньше, чем о предыдущих григорианских иерархах. Даже его фамилию историкам не удалось выяснить.

Когда власти подняли самую беспощадную волну антирелигиозных гонений, они уже не утруждали себя сортировкой «церковников». Случалось, что по одному следственному делу проходили и сторонники патриаршей церкви, и григорианцы, и даже обновленцы.

Рыльское викариатство и священномученик Иоанн (Пашин)

Епископ Рыльский Алексей (Готовцев), ¹⁰³ сдал в 1928 году дела по управлению Курской епархией архиепископу Дамиану, по-

100 Архив УФСБ по Белгородской обл. АУД №7883. Том 3. Приложения. Лист без номера.

101 По сообщению протоиерея Валерия Лавринова, епископ Серафим умер в 1929 году.

102 Раздорский А. И. Архиерея Курского края XVII–XX вв. — Курск, 2004. — 128 с. — с. 111.

103 Епископ Алексей (Готовцев; 1891–1936). С 1923 по 1927 год епископ Серпуховским, викарием Московской епархии. Арестовывался не менее трех раз. С февраля 1926 года по апрель 1927 года временно управлял Московской епархией. Далее — епископ Рыльский. С 1932 года жил в Москве и состоял на гражданской службе. Умер в 1936 году в страшных мучениях от ползучей экземы. Отпет как мирянин и похоронен на Пятницком кладбище. Информация фонда «Русское

видимому, ушел от дел церковных. Хотя в справочной литературе он значится епископом Рыльским до 1932 года.

В августе 1929 года в город Рыльск на «вольное поселение» был переведен епископ Иоанн (Пашин), ¹⁰⁴ перед этим отбывший трехгодичную ссылку в Зырянском крае. Митрополит Сергей (Страгородский) назначил владыку Иоанна епископом Рыльским, викарием Курской епархии. ¹⁰⁵ «На пути в Рыльск владыка заехал к архиепископу Курскому Дамиану, чтобы поставить его в известность о полученном им от митрополита Сергея назначении». ¹⁰⁶

Скорее всего, больше архиереи не виделись. Они были лишены возможности служить вместе и все их отношения ограничивались перепиской и молитвами друг о друге. В лице епископа Иоанна владыка Дамиан нашел сподвижника и единомышленника в деле сохранения церковной жизни в Курском крае. Он рукополагал священников и всячески поддерживал религиозные общины в своем викариатстве. Так что за рыльскую часть епархии правящий архиерей мог быть спокоен. В кривом зеркале сводок ОГПУ отношения епископа Иоанна с владыкой Дамианом описаны так: «Имел связь с идейным руководителем и организатором контрреволюционной церковно-монархической организации Дмитрием Воскресенским, от которого получал указания о контрреволюционной работе». ¹⁰⁷

Старооскольская епархия и священномученик Онуфрий (Гагалюк)

В конце 1929 года в Старом Осколе впервые в истории этого города была учреждена архиерейская кафедра. Назначен на нее был епископ Онуфрий (Гагалюк), ¹⁰⁸ только что вернувшийся из уральской ссылки. Территорией его архипастырской ответственности стали десять районов, выделенных из бывших Воронежской и Курской губерний, и объединенных в административный Старооскольский округ. Однако из двухсот храмов, имевшихся на территории новой епархии, службы поначалу совершались лишь в пятнадцати.

возрождение». Режим доступа: http://www.orto-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cg?2_5720104 Священномученик Иоанн (Пашин Иван Дмитриевич; 1881–1938), епископ Рыльский.

105 Кривонос Феодор, священник, Щеглов Г. Э. Священномученик Иоанн (Пашин), епископ Мозырско-Туровский (1923–1926) и Рыльский (1929–1932). — Минск, 2004. — 40 с. — с. 32.

106 Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Февраль. — Тверь, 2005. — 504 с. — с. 441.

107 Архив УФСБ по Курской обл. АУД №П–11015. Том 2. Л.3 07.

108 Священномученик Онуфрий (Гагалюк Антон Максимович; 1889–1938).

До учреждения Старооскольской епархии¹⁰⁹ значительная часть ее территории окормлялась архиепископом Дамианом. Он, по завету апостола Павла, вразумлял бесчинных, утешал малодушных, поддерживал слабых и долготерпел ко всем (1 Сол. 5.14). Не забывал владыка и о поощрении наиболее усердных делателей на ниве Христовой. Так, благочинный Старооскольского церковного округа протоиерей Василий Михайлович Иванов 22 апреля 1929 года был награжден наперсным крестом. Документ о награждении подписан был владыкой Дамианом.

И Старооскольский, и Курский архиереи лишены были возможности без разрешения властей покидать свои кафедральные города. А власти такого разрешения им не давали.

Поэтому они обменивались друг с другом случайными весточками через доверенных людей, уже не доверяя бумаге. Как показало дальнейшее развитие событий, мера эта была разумной и лишила сотрудников ОГПУ аргументов для ареста священномученика Онуфрия по делу «Ревнителей Церкви» в 1932 году. Его арестовали весной 1933 года, фабрикуя другое коллективное дело, условно называемое делом «Светильников».¹¹⁰

«Плетневская контрреволюционная монархическая организация церковников»

Все из четырех лет пребывания архиепископа Дамиана на Курской кафедре были тяжелыми. В год великого перелома (1929) один только декабрь выбил из строя 103 священнослужителя из разных приходов Центрально-Черноземной области.¹¹¹ В том числе и курян. Волнами коллективизации и раскулачивания унесло в лагеря и ссылки многих, на ком держались приходы. Не только священников, но и активных мирян.

В начале 1930 года в окрестностях Белгорода был арестован благочинный 4-го Корочанского округа протоиерей Александр Плетнев. В

109 Составители Истории иерархии Русской Православной Церкви, изданной ПСТГУ в 2006 году, придерживаются версии, что Старооскольский епископ был одним из викариев Курской епархии. Отсутствие второго кафедрального города и титул архиерея укрепляют эту версию. Однако, если епископы Старооскольские и были викариями, то в условиях советской действительности 1920–30-х годов полномочия их мало чем отличались от правящих. Весь комплекс выявленных и изученных документов позволяет нам считать Старооскольскую кафедру центром самостоятельной Старооскольской епархии. Епархия была упразднена в 1937 году после перевода епископа Митрофана (Русинова) из Старого Оскола в Полтаву.

110 Подробнее об этом можно будет прочесть в книге «Виноградник владыки Онуфрия. Судьбы священников, призванных к пастырскому служению священномучеником Онуфрием (Гагалюком)». — Готовится к изданию.

111 Карнаевич В. Г., священник Владислав Реутов. Новомученики и исповедники Курские... — с. 22.

считанные дни было сфабриковано дело «плетневской контрреволюционной группировки» и арестованы 122 человека. Священнослужителей и верующих сотрудники ОГПУ смешали с хулиганами и драчунами. В результате тех, кто добивался разрешения на открытие храмов, обвиняли в организации пьяных драк с заезжими артистами-агитаторами.

В ходе следствия 37 человек были освобождены, на 13 завели дополнительное дело. 26 апреля 1930 года Тройка ОГПУ четверых приговорила к расстрелу, а оставшимся назначила наказания разной степени: от 10 лет лагерей до 3 лет ссылки.

8 мая в два часа расстрельный приговор привели в исполнение. Расстреляли самого отца Александра Плетнева, священника сел Тетеревино и Киселево Аркадия Субботина и двух мирян: бывшего помещика Якова Ивановича Ладыгина из села Сажное и бывшего судебного пристава Матвея Поликарповича Съедина из села Верхний Ольшанец.

Есть сведения, что по этому делу был арестован на короткое время и архиепископ Дамиан.¹¹² В вещах, изъятых при обыске у протоиерея Александра Плетнева, нашли письмо владыки, обращенное к благочинному, нашли копию архиерейского послания к пастырям и пастве. Чувствовалось по всему, что священномученик Дамиан ценил отца Александра, одобрял традицию соборных служб на престольные праздники, которую тот ввел в своем благочинии, сам хотел посетить его приходы, но власти не выпустили владыку из Курска.

Во время следствия по делу «плетневской организации» одним из лжесвидетелей оказался священник М.А.П., побывавший и в обновленчестве, и в григорианском расколе, и вообще не снявший с себя ранее сан лишь потому, что «жена пригрозила разводом». Он показал, что священники Плетнев и Субботин называли обновленцев и григорианцев большевиками, которых советская власть сделала своими агентами, и всячески выражали недовольство советской властью. На допросе протоиерей Александр Плетнев признался лишь в том, что «призывал священников к единству веры» и к борьбе с григорианским течением. Установка этой борьбы, по словам отца Александра, действительно «была дана архиепископом Дамианом, хотя борьба уже началась до поставления Дамиана в Курск».¹¹³

Необходимых материалов для расправы с архиереем «члены плетневской организации» не дали. Но само это дело послужило репетицией грядущих коллективных процессов против «церковников» в Курском крае.

112 Раздорский А. И. Дамиан... — с. 708.

113 Архив УФСБ РФ по Белгородской обл. АУД №7883. Том 1. л.д. 49.

«Обоянская организация» и священномученик Петр Григорьев

Осенью 1931 года в Обоянском районе и в Курске по делу новой «контрреволюционной церковно-монархической организации» было арестовано 58 человек. 36 из них получили различные сроки, остальные — отсрочку.¹¹⁴ Сотрудники ОГПУ не поленились сформулировать цели и задачи этой мифической организации: «Развить усиленную контрреволюционную агитацию против всех важнейших хозяйственно-политических кампаний, ослабить мощь Советского Союза и, в конечном счете, свергнуть соввласть и заменить другим политическим строем».¹¹⁵ Главой новой организации был объявлен священник Петр Федорович Григорьев, незадолго до этого возведенный архиепископом Дамианом в сан протоиерея.¹¹⁶ В материалах дела указывалось, что эта организация возникла в ноябре 1930 года и была «неразрывно связана с архиепископом Курским Дамианом».¹¹⁷ Владыка назван ее «вдохновителем».¹¹⁸

Логическим продолжением антирелигиозной войны, объявленной государством своему народу, была фабрикация в недрах Курского ГПУ десятилетнего дела, возбужденного против членов нововыдуманной контрреволюционной организации «Ревнителю Церкви» и ставшего самым масштабным и самым громким коллективным делом против верующих в Курском крае.¹¹⁹ Но громким оно стало позднее, когда на излете советского периода в нашей стране начался реабилитационный процесс и документы архива спецслужб были частично рассекречены. А в 1932 году все было тихо. Священники, монахи, активные миряне просто исчезали в недрах ОГПУ, и даже близкие родственники не знали, что там с ними происходит: еще ведется следствие или они уже трудятся на строительстве Беломорканала. Еще не установилась в Курске традиция арестовывать исключительно в темное время суток, и поэтому к процессу «изъятия контрреволюционного элемента» чекисты подходили творчески. Кого-то

114 Архив УФСБ РФ по Курской обл. АУД №П-12373. Тома 1–4.

115 Архив УФСБ РФ по Курской обл. АУД №П-11015. Том 10. л.д. 1 5.

116 Священномученик Петр Федорович Григорьев (1895–1937). Канонизирован на Архиерейском Соборе 2000 года. Подробнее о нем и пострадавших вместе с ним читайте в книге «Претерпевший до конца. Священномученик Петр Григорьев и обоянская «контрреволюционная церковно-монархическая организация». — Издание Покровского храма в селе Кунье, 2011. — 80 с.

117 Архив УФСБ РФ по Курской обл. АУД №П-11015. Том 10. л.д. 1.

118 Там же... л.д. 5.

119 В 1937 году сотрудники НКВД предпочитали избегать многотомных дел. Они дробили обреченных на заклятие церковников на мелкие группы (по благочиниями или приходам). Но собранная из этих дел-«пазлов» картина гонений ужасает и процесс против «Ревнителю Церкви» кажется уже не столь впечатляющим.

заманивали на допрос в качестве свидетеля, чтобы объявить об аресте, как иеромонаха Фоку (Антонова). Кого-то подкарауливали на улице, как иеромонаха Никанора (Езерского), который вернулся в Полукотельниково попрощаться с паствой и забрать вещи. Монаха Назария (Ключникова), бывшего келейником епископа Иоанна (Пашина), арестовали в Рыльске на понтонном мосту, когда он возвращался из бани. Священник Димитрий Павлович Мишнев из села Н-Березово Большетроицкого района при ночном аресте оказал сопротивление. Он в темноте ударил сотрудника ОГПУ метлой и чуть не столкнул его с колокольни.

Архиепископ Дамиан сопротивление не оказывал. Он был арестован 26 июля 1932 года, по всей видимости, на своей квартире.

По всем вопросам — к архиерею

Незадолго до своего ареста архиепископ Дамиан, видя, что сотрудники ОГПУ начинают свои репрессии против священнослужителей с благочинных, фактически упразднил этот церковный институт, не желая подвергать риску лучших представителей духовенства и оказывать невольную услугу гонителям. Он вызвал огонь на себя, предложив клирикам и представителям общин верующих по всем вопросам обращаться непосредственно к нему.

И потекли в Курск к владыке Дамиану народные волны. В допросе он указывал, что ежедневно к нему обращалось около десяти человек. Ни одного вопроса он старался не оставить без разрешения, ни одну расстроенную душу не отпустить без утешения. Приходили крестьяне из сел с просьбой назначить к ним священника, иногда предлагая кандидатов.

В курский период священномучеником Дамианом были рукоположены в священный сан иерей Михаил Иванович Муханов¹²⁰ (служил в с. Таволжанка), иерей Архип Карпович Черненко (служил в

120 Священник Михаил Иванович Муханов (1886–1937). Родился в с. Бутово (ныне Белгородской обл.). С 1909 по 1916 год был псаломщиком. Затем призван на военную службу. В 1919 году рукоположен в сан диакона и определен в Борисовку. 3 июня 1929 года священномученик Дамиан рукоположил отца Михаила в сан священника и назначил в село Ново-Таволжанку. Вскоре был приговорен к году принудительных работ. Наказание отбыл. По делу «Ревнителю Церкви» арестован 6 августа 1932 года и осужден на 3 года ИТЛ. Отбывал наказание в ДмитрЛАГе. Освобожден досрочно. Вернулся в родные края. В 1936 году епископ Курский Артемон (Евстратов) утвердил отца Михаила священником в селе Н-Таволжанка. Арестован 13 октября 1937 года. Проходил по одному делу вместе с благочинным Петром Венедиктовичем Гончаровым. 4 ноября 1937 года Тройка УНКВД по Курской обл. приговорила священника Михаила Муханова к расстрелу. — Архив УФСБ РФ по Белгородской обл. АУД №6534. Л. 146.

с. Благодатное), иерей Константин Иванович Мильшин¹²¹ (служил в с. Большеево), диакон Герасим Акимович Коршиков (служил в с. Колпна). По благословию владыки Дамиана епископ Иоанн (Пашин) рукоположил в сан священника Димитрия Никитовича Пашенко и назначил в село Снагость. Список священнослужителей, рукоположенных архиепископом Дамианом, еще не выявлен полностью. И все-таки ясно, что он не столь обширен, как требовали обстоятельства времени. Пророческими оказались слова, сказанные священномучеником Дамианом еще в 1917 году: «В ближайшем будущем пастырство не на словах лишь, но на деле явится подвигом, может быть, даже близким к мученичеству и мало посему найдется добровольцев на этот подвиг».

Но, несмотря на острый кадровый дефицит, владыка ни на кого не возлагал рук поспешно (1 Тим. 5.22), предлагая всем кандидатам серьезный экзамен. Некоторые нерадивые искатели благодати священства, испугавшись высоких требований, уходили к григорианцам или обновленцам...¹²²

Обращались за помощью к архиерею «бывшие люди» — вчерашние дворяне, помещики, офицеры царской армии и другие представители сословий, лишённые советской властью всяческих средств к существованию. Они, смиренные житейскими невзгодами, просили у владыки подаяния, а их за это записывали в контрреволюционеры и допрашивали, собирая материалы для осуждения архиепископа Дамиана.

Бывший помещик Александр Валерианович Исааков, закончивший до революции высшее сельскохозяйственное училище в Германии, мыкался в Курске без определенного места жительства и не мог устроиться даже сторожем. От него, вдобавок ко всем несчастьям, и жена ушла к «бывшему владельцу мельницы», который, вероятно, как-то смог приспособиться к новому строю. В 1931 году Исааков узнал от бывшей помещицы Екатерины Васильевны Шатохиной, что архиепископ Дамиан «организует помощь всем обиженным и недовольным советской властью».¹²³ В

121 Протоиерей Константин Иванович Мильшин (1900–1962). Родился в семье диакона. С января 1923 года служил диаконом в селе Соломино Фатежского уезда. 25 июля 1929 года священномученик Дамиан рукоположил отца Константина в сан священника и назначил в село Большеево. С середины 1930-х годов работал «чернорабочим, сторожем, завхозом, дезинфектором». А с 14 марта 1942 года был, наконец, определен к храму в село Хреновец. После закрытия и уничтожения храма в 1953 году батюшка остался в селе. Служил в молитвенном доме. По замечанию фатежского историка Анатолия Бирюкова, отец Константин «в любую стужу, зной за несколько десятков километров шел по первой просьбе человека. Этим и воспользовались его недоброжелатели, совершив убийство протоиерея октябрьским утром 1969 года». — Бирюков А. Ю. Фатежский край: прошлое и настоящее (Историко-краеведческий сборник). — Фатеж, 2007. — С. 182–183.

122 Архив УФСБ РФ по Белгородской обл. АУД №7883. Том 3. Приложение. Письмо архиепископа Дамиана протоиерею Александру Плетневу.

123 Архив УФСБ РФ по Курской обл. АУД №П–11015. Том 1. Лист 104.

своем письме на имя владыки Александр Валерианович указал, что его папа был ктиторм Скорбященской больничной церкви, владел имением, находящимся в пяти верстах от Коренной Пустыни, дружил с архимандритом Кассианом и принимал в гостях Курского епископа Лаврентия.¹²⁴ При личной встрече с архиереем Исааков пожаловался, что «настоящая жизнь для нас, бывших людей, становится нетерпимой».¹²⁵ А владыка Дамиан призвал его к терпению. На допросе бывшего помещика, пересказанные им слова архиепископа, были, разумеется, истолкованы, как прямое указание на приближающийся крах советской власти. (А. В. Исааков умер во время следствия, и дело в отношении него было прекращено).

Особой заботой архиепископ окружал пострадавших за веру священнослужителей, которые отбыв наказание в ссылках и лагерях, желали продолжить служение Богу и Церкви. Если не было возможности устроить их на приход, владыка Дамиан искал для них другое послушание. Так, священник Георгий Павлович Фивейский, отбыв в ссылке в Нарымском крае три года, был выслан властями в Курск. Знакомых в этом городе он не имел и потому обратился напрямую к правящему архиерею. Владыка, в конечном счете, устроил его в личную канцелярию.

Священник Михаил Семенович Самохин был определен техническим сотрудником при архиерее.

Административно высланный из Смоленской области в Курск в апреле 1929 года священник Сергей Васильевич Губчевский признавался, что владыка Дамиан официально ссылкой места не давал, но нелегально допускал их к службе в своей епархии. А тем, кому не мог помочь устройством на место, оказывал материальную помощь. Случалось, что в один день он выдавал денежное пособие десяти священнослужителям. Самого Губчевского архиепископ назначил в село 2-е Поньри.¹²⁶

Иеромонах Корнилий (Тысячный), отбывавший с 1928 по 1931 гг. срок в Соловецком концлагере, был назначен архиепископом Дамианом в село Хмелевое Фатежского района. На допросе отец Корнилий простодушно сказал, что владыка принял его хорошо. И это сотрудники ОГПУ расценили как еще одно доказательство любви архиерея к лицам, понесшим от советской власти «справедливое наказание».

Диакон К.И.Я., допрошенный 19 октября 1932 года, поставил свою подпись под такими показаниями: «...Двор Дамиана мы обычно считали биржей, куда на прием ежедневно к нему ездят много попов, диаконов и мирян. Там среди приезжих заводились разговоры против соввласти. И так это продолжалось ежедневно, пока не был арестован архиепископ Дамиан».¹²⁷

124 Епископ Лаврентий (Некрасов Михаил Иванович; 1836–1908), на Курской кафедре с 1898 по 1904 гг.

125 Архив УФСБ РФ по Курской обл. АУД №П–11015. Том 1. Лист 104.

126 Там же. Том 5. л.д. 85.

127 Архив УФСБ РФ по Курской обл. АУД №П–11015. Том 5. л.д. 64.

Начало «безбожной пятилетки»

В 1928 году, когда владыка Дамиан был назначен на Курскую кафедру, неутомимый борец с религией Емельян Ярославский создал «Союз безбожников», который через год был преобразован в «Союз воинствующих безбожников». В уставе эта организация именовалась «боевой» и ставила перед собой цели, которые можно назвать террористическими: «закрытие и снос церквей, организаторская работа по подготовке взрывов и разборке памятников русской архитектуры и истории, проведение антирелигиозных праздников и карнавалов, разведение костров из духовных книг, передача в НКВД сведений о лицах, отказывающихся закрывать и сносить церкви, сбрасывать колокола».¹²⁸

К началу 1932 года (за четыре года и три месяца) советский народ справился с первым пятилетним планом и принялся за второй. «К этому времени в Курске была окончательно ликвидирована безработица» и «значительно выросла промышленность».¹²⁹ Увеличилось число умеющих читать. Но чтению они учились уже не по Псалтырю, а по советским газетам.

Из газет советские люди и узнали, что 15 мая 1932 года декретом правительства за подписью Сталина была объявлена «безбожная пятилетка». Руководителям на местах давалась такая установка: «К 1 мая 1937 года «имя Бога должно быть забыто» на всей территории СССР».¹³⁰

Во втором полугодии 1932 года в Курской епархии резко уменьшилось число священнослужителей, находящихся на свободе.

В перечне важнейших событий истории Курска, изданном в советское время, 1932 год обозначен лишь вручением Красного знамени кожзаводу им. Серегина за победу в соцсоревновании с рабочими города Оффенбах.¹³¹

В церковной истории края можно отметить два события, произошедших в 1932 году: одно приятное, другое скорбное.

Ко дню Святой Пасхи 1932 года Заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополит Сергей «признал справедливым <...> Преосвященным архиепископам Рязанскому Иувеналию (Масловскому), Курскому Дамиану (Воскресенскому) и Воронежскому Захарию (Лобову) усвоить право ношения креста на клобуке...».¹³² Но едва владыка успел сфотографироваться с крестом на клобуке, как

128 Казаков С. В. Русская история. XX век: события и даты. — Ростов н/Д., 2009. — 377 с. — с. 160.

129 Курск. Очерки истории города. — Воронеж, 1969. — 280 с. — С. 206–207.

130 Цит. по книге Льва Регельсона. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. — М., 2007. — 648 с. — с. 488.

131 Страницы истории города Курска. Важнейшие события и даты с древнейших времен до наших дней. — Воронеж, 1981. — 190 с. — с. 117.

132 Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. — М., 2001. — 272 с. — с. 127.

вновь попал в темничные узы. На этот раз уже до конца своей земной жизни он оставался невольником тюремно-лагерного хозяйства СССР.

«Религия вам ненавистна, как свет хищным совам»

Чтобы почувствовать атмосферу времени порой нужно почитать не только то, что печаталось в старых газетах, но и то, что в них никогда не могло быть напечатанным.

В июле 1932 года в редакцию газеты «Орловская правда» пришло анонимное письмо, адресованное «гнусным комсобакам». Автор этого экспрессивного обращения к руководителям советской власти называл само издание «паскудно-лживой газеткой», а советское начальство — «преступными шакалами, изолгавшейся сволочью», которая высасывает «последнюю кровь из обманутого и глупого народа». «Величайшим презрением заклеймит история нахождение ваше у власти, как воров, мошенников, убийц, грабителей и уголовных преступников во главе с идиотом вашим Сталиным, — гневался автор, пожелавший остаться неизвестным и не особо надеющийся на публикацию своего послания в газете. — Гнусные комсобаки, будьте вы распрокляты отныне и до веку. Вот это единственное, что может сказать народ на ваше правление...». В письме содержались не только «дразнилки», но и угрозы: «Помните, окаянные и подлые трусы, гады ползучие, что нас много и у нас существуют организации, которые сплотят нас воедино против вас...».¹³³ Этот желчный и в то же время отчаянный крик, разумеется, не стал передовицей «Орловской правды», но, в определенном смысле, обращение «вышло в тираж», так как было размножено на печатных машинках сотрудниками ОГПУ.

Используя уже апробированную методику смешения в кучу всех обвинений, курские чекисты посчитали, что столь гневное послание вышло из недр организации «Ревнителю Церкви». Письмо было использовано для «подтверждения» существования такой организации и ее контрреволюционности.

Еще одно антисоветское послание, на этот раз с подписью, было отправлено из Орла в Москву на имя «Всероссийского старосты», председателя ВЦИК М. И. Калинина. Его автор пенсионер, бывший железнодорожный служащий Филипп Лукич Кунашко. По описанию медиков больницы при Орловском Доме Заключения, это был пожилой человек, не годный к физическому труду, с артериосклерозом, с выраженной старческой дряхлостью, с глухими тонами в сердце и почти беззубым ртом. Однако советская власть почувствовала, что этот беззубый инвалид сумел ее укусить. Филипп Лукич попытался открыть «широко закрытые» глаза

133 Архив УФСБ РФ по Курской обл. АУД №П–11015. Том 8. л.д. 146.

Михаила Ивановича. «Неужели Вы не видите, что дальше в таком положении жить нельзя, — писал Кунашко Калинин. — Если бы народ предвидел, что Вы ему преподнесете такую «свободу»-рабство, он бы за Вами не пошел...». Филипп Лукич указывал, что планом разорения России руководят из-за рубежа; называл государственную опеку крепостным правом, а колхозы — аракчеевскими военными поселениями; ставил в один ряд Бирона, Аракчеева и Сталина. «Последний горше всех, ибо задавил совсем проявление личной жизни, мысли, убеждений, свободы, совести и неприкосновенности личности. Теперь думать и рассуждать никто не имеет права, а все, как фанатики-мусульмане Коран, должны заучивать шесть заповедей нового Магомета — Сталина... Теперь <человек> зачинается в утробе матери, рождается, растет, ест, пьет, моется в бане, болеет, женится, получает супружеские удовольствия, стареет и умирает по звонку или по гудку, получая за это собачью подачку...».

Помимо социально-политического протеста, в письме Кунашко затрагивалась тема антирелигиозных гонений в СССР. «Вы проповедуете атеизм, но посмотрите на себя — атеисты ли Вы? Истинный атеист безразличен к религии, а вы, отвергая Бога, боретесь до упаду с Ним, преследуете веру в Бога, издеваетесь... Скажите, чему худому учит религия и откуда, как не из религии явилась опошленная, опахабленная, утрированная и примененная к личному благу, идея о братстве, равенстве, личной свободе? И кто Вам поверит? В Конституции вы обещали свободу вероисповедания, а на деле караете за это, как за преступление, даже хуже... Религия вам ненавистна, как свет хищным совам».

Орловский обличитель обвинил власти в спаивании молодежи: «есть нечего, а выпивки — хоть пруд пруди». В организации голода: «Знаете ли Вы, что идут убийства и самоубийства на почве голода? И было людоедство. И детей ели. Впрочем, Сталин сыт, но помните, что вы на вулкане...». И даже если бы Калинин читал все письма, которые ему слали вагонами из разных уголков страдающей страны, слова орловского пенсионера заставили бы его вздрогнуть: «Михаил Иванович, Вам скоро умирать. Неужели совесть не мучает Вас? За что Вы истязаете русский народ? Мало ли что взбредет в голову разным экс-Сталиным... Просим по-мирному. Просим не собачьей подачки, а свободы...».¹³⁴

Оба письма, частично процитированные выше, можно считать гласом народа (если не всего, то определенной его части), но едва ли стоит в них видеть образец христианского отношения к светской власти. Гневные угрозы и щедрые оскорбления имеют явно не церковное происхождение. Но сотрудники ОГПУ плели свою паутину.

«Наш лозунг — «Смерть коммунистам!»»

По делу «Ревнителй Церкви» был арестован и такой «вредный и опасный элемент» как Тит Давыдович Масленников, бывший чиновник. До апреля 1928 года он жил в Курске, но позднее переселился в Ольховатку Золотухинского района. Он был человеком церковным, но настроенным радикально. Обновленчество-живоцерковничество Масленников называл «омертвлением церкви», позиционируя себя сторонником тихоновского течения. В Ольховатке он нашел единомышленников в лице иеромонаха Виссариона (Лыткина Василия Гавриловича), псаломщика Ивана Матвеевича Жукова, председателя церковного совета Сергея Дмитриевича Богданова, ктитора Максима Яковлевича Панкратова и других активных «церковников». На встречах церковного актива в Ольховатке желанным гостем был монах Неофит (Горбачев Никита Емельянович) из Поньрей. Все эти лица были объявлены организаторами антиколхозного движения в близлежащих селах. А Тит Масленников — членом «Местного комитета Русской Национальной Партии, ставившей своей целью свержение соввласти». Впрочем, он и сам хотел казаться таковым.

В июне 1932 года Тит Давыдович написал печатными буквами на листке бумаги воззвание «Ко всем, кому дороги интересы русского народа!» и вывесил его «на ракитке у дороги». Конечно, это была политическая листовка, а не церковный документ. Адресовалась она не «верным чадам Церкви», а всему русскому народу «без различия веры и национальности». Воззвание призывало всех сплотиться «для защиты своих жизненных прав и своей самостоятельности от порабощения коммунистической властью».

«Русский националист» Масленников удержался от популярной в определенных кругах идеи, что советская власть в России — плод жидомассонского заговора. Он утверждал, что советские деятели (во всяком случае — местные) вышли из русского народа, хотя и не из самой лучшей его части: «Власть эта, состоящая из русских негодяев, воров и разбойников, разного рода международных проходимцев, окончательно довела русский народ до полного голода и разорения».

Причины ослабления деревни и назревающего в стране голода автор воззвания видел в политике государства и осуждал насаждение колхозной жизни: «Коллективизация сельского хозяйства привела страну к полнейшему разрушению. Нет хлеба, нет одежды. Поля остаются незасеянными, и голод в дальнейшем грозит охватить поголовно все население». Так и случилось. Гонимые голодом люди бежали из Украины в Черноземье, но и тут не всегда находили пропитание. По воспоминаниям старожилов, трупы умерших от голода подолгу валя-

лись на улицах без погребения. О них спотыкались впотьмах местные жители, бредущие на работу. Их видели в окно дети, сидя на уроках в школе.¹³⁵ Да и сами куряне, мягко говоря, не жировали. К примеру, в селе Никольском (ныне Горшеченского района Курской области), обезумевшая от голода мать съела своих детей и племянников.¹³⁶ Об этом, естественно, не писали в газетах, мало говорили между собой и опасались обобщать статистические данные.

Одних горе и бедствия побуждали к покаянию и горячей молитве. Других — к внешней активности, к политической борьбе, если не на деле, то хотя бы на словах. И в словах этих тучи гнева и ненависти по отношению к существующему строю затмевали собою тихий свет Божественной любви и не рождали, разумеется, никакого долготерпения. Лишь дразнили гусей. Раздражение порождало раздражение. И гуси (в данном случае сотрудники ОГПУ) больно щипали всех недовольных, без разбора на молитвенников и общественников.

Т. Д. Масленников, принадлежащий к последним, подлил масла в огонь своим гневным воззванием, которое едва ли провисело на придорожной раките долгое время и едва ли собрало большую читательскую аудиторию. «В настоящее время Советская власть находится в самых неблагоприятных условиях, — писал он, — и возможная в ближайшее время война пошатнет аппарат ее власти. Крестьянство должно воспользоваться этим положением, сбросить с себя иго коллективизации и захватить власть в свои руки, истребить всех коммунистов, дабы в дальнейшем облегчить себе борьбу за свои жизненные права.

Наш лозунг — «Смерть коммунистам» — должен проводиться в жизнь по всей России, а смерть наших родных и голод наших детей должны послужить нам стимулом для борьбы за свое освобождение».¹³⁷

На допросах Тит Давыдович не скрывал своего враждебного настроения против советского строя, храбрился, но под конец следствия сломался, признал себя виновным и уже высказывал сожаление о том, что писал эти печатные буквы на злополучном листе бумаги: «Составление листовки считаю преступлением перед Пролетарским Государством, глубоко сожалею о случившемся, раскаиваюсь в своем заблуждении и прошу снисхождения».¹³⁸

135 Воспоминания Веры Александровны Степановой, жившей в это время в Старом Осколе.

136 Воспоминания Зинаиды Агеевой, жительницы села Кунье Горшеченского района Курской области.

137 Цит. по книге Беспарточного, Ильиной, Карнасевица «Рассекреченные архивы КГБ»... — С. 178–179.

138 Архив УФСБ РФ по Курской обл. АУД №11015. Т. 5. л. 81.

«История ревнительских групп»

Вряд ли Масленников молился перед составлением воззвания, а уж тем более абсурдно было бы предполагать, что «Местный Комитет Русской Национальной Партии» в Ольховатке действовал по благословию священномученика Дамиана. Так что лозунг «Смерть коммунистам!» не стоит «подшивать» к духовному наследию владыки. Но и записывать его в проводники большевистской политики внутри Церкви, разумеется, не следует. Он стоял в вере отцов и потому противостоял большевизму давлению на церковную жизнь, а не боролся с советской властью, используя религиозные чувства. Он призывал к ревностной христианской жизни, а не к вооруженной борьбе с представителями безбожной власти. Он вел войну не против плоти и крови, а против духов злобы. А «духи злобы» обвиняли его в создании контрреволюционной церковно-монархической организации «Ревнители Церкви», созданной, на самом деле, воображением сотрудников ОГПУ (по меткому выражению исследователей).¹³⁹

«Историю возникновения ревнительских групп» в Курском крае чекисты попросили сочинить протоиерей Леонид Иваницкий,¹⁴⁰ чем он после своего ареста и занялся на допросах. Отец Леонид выполнил заказ не без научного подхода. Историю возникновения организации он разделил на несколько периодов: «Первый этап деятельности ревнительских групп в Курской епархии наметился еще при первом Курском выборном епископе Феофане (Гаврилове)... Но он просуществовал недолго, так как в октябре 1919 года Феофан уехал с белыми».

139 Карнасевиц В.Г. и священник Владислав Реутов.

140 Леонид Евгеньевич Иваницкий (1888–19...), протоиерей. Сын курского священника. Выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии. Член Поместного Собора 1917–1918 гг., на котором исполнял обязанности секретаря литургического отдела. Редактор «Курского епархиального вестника» (1918 г.). В 1919 году был участником чудесного обретения украденной чудотворной Курской Коренной иконы Божией Матери «Знамение». С 1922 года — активный деятель обновленческого движения, уполномоченный обновленческого ВЦУ по Курской епархии. Дата принесения покаяния и возвращение в Церковь и сам факт такового неизвестны. Имел пятерых детей. До ареста жил в Курске и работал в Курском Горздравотделе фельдшером. В 1932 г. был осужден органами ОГПУ за контрреволюционную деятельность и приговорен к 5 годам лишения свободы. Место отбывания наказания не указано. Вторично арестован 8.07.1938 (иная дата ареста — 21.11.1938 г.). Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 15.04.1939 г. заключен в ИТЛ сроком на 8 лет. О месте отбывания наказания и дальнейшей судьбе достоверных сведений нет. Есть версия, что протоиерей Леонид Иваницкий умер в ссылке в 1942 году. Реабилитирован 26.06.57 г. Источники: Архив УФСБ по Курской обл. Архивно-следственные дела №№П–6488; П–4550; П–11015.

Второй этап — «Назарьевский», по словам Иваницкого, начался в мае 1920 года, когда во главе Курской епархии стал владыка Назарий (Кириллов).

Третий этап — «Ювенальевский» «связан с прибытием в Курск архиепископа Ювеналия¹⁴¹ и, хотя был непродолжительным, около полугода, он был интенсивным по своему размаху, настойчивым по выполнению и ярко контрреволюционным по существу».¹⁴²

«Назначение ревнительских групп, — по протоиерею Леониду Иваницкому, — состояло ... в неуклонном достижении церковных интересов, в чем бы они ни заключались». А руководство группами осуществлялось всегда правящими епископами. Таким образом, архиепископу Дамиану отводилась почетная роль быть руководителем курских ревнительских групп в четвертый период их истории.

Протоиерей Леонид Иваницкий в своих показаниях от 14 сентября 1932 года, развивая «историю ревнительских групп», говорил, что декларация митрополита Сергия явилась для них как «гром в ясную погоду». По словам отца Леонида, «простая верующая масса окрестила его новообновленцем, чуть ли не изменником своему архипастырскому долгу, воспрещая за богослужениями поминовение его имени (как, например, это было во Льгове). Что касается собратий Сергия, епископов, то они, в большинстве своем внешне подчиняясь ему как своему непосредственному начальнику — И. Д. Патриаршего Местоблюстителя, якобы опираясь на необходимые для жизни наиболее красочные тезисы его декларации — внутренне (например, бывший Рыльский епископ Павлин или же архиепископ Дамиан Курский) следуют настроению бойкотирующих его масс и не принимают никаких мер по отношению к духовным лицам, уклоняющимся от поминовения его имени в соответствующих местах церковных служб».¹⁴³

К концу следствия сотрудники ОГПУ по канве, намеченной Иваницким, дописали историю «ликвидированной» ими организации «Ревнители Церкви», существенно дополнив эскиз отца Леонида контрреволюционным содержанием.

О ревности Божией и соцсоревнованиях

Нельзя не заметить, что власти сами стимулировали в советских гражданах дух ревности. Вернее, соревновательности. Соревновались все и со всеми. Завод бросал вызов другому заводу, город — городу, район — району. Производственная и общественная жизнь превращалась в некий спорт, а страна — в гигантский стадион.

141 Священномученик Ювеналий (Масловский).

142 Цит. по книге Карнаевича В. Г. и священника Владислава Реутова «Новомученики и исповедники земли Курской»... — с. 62.

143 Архив УФСБ РФ по Курской обл. АУД №11015. Т. 1. лл. 129–130.

Колизей, где все толпятся на арене, а на зрительской трибуне — горстка партийной элиты. Адреналин в крови и энтузиазм в душе имитировали полноту духовной жизни.

Соревнование — это такая форма деятельности, участники которой стремятся превзойти друг друга. Не та атмосфера царит в храме. Слава Бога единым сердцем и едиными устами, христиане вместе с тем ощущают личную ответственность перед Богом, лично предстоят перед Ним.

В светском советском лексиконе значение слова «ревность» сузилось до сферы чисто супружеских отношений. В «Толковом словаре» Ожегова и Шведовой ревность объясняется как «мучительное сомнение в чьей-нибудь верности, любви».¹⁴⁴ Второе значение ревности — «усердие, рвение» — признано составителями словаря устаревшим. Таким образом, ревнивцы на лексическом уровне вытеснили ревнителей. Устаревшее слово «ревнитель», как правило, использовалось для придания фразе комического оттенка. Исключением могли быть лишь словосочетания, типа «ревнитель Просвещения». («Ревнители Революции» мне в литературе не встречались, хотя я не очень хорошо знаком с творчеством таких большевицких ораторов, как Троцкий и Бухарин).

А в 1930-е годы в Курском крае краткая характеристика — «Ревнитель Церкви» — являлась основанием для ареста.

«Соревнователь, обожатель, подражатель, последователь» — такое объяснение дает слову «ревнитель» протоиерей Григорий Дьяченко в «Полном церковно-славянском словаре».¹⁴⁵ А для христианина подражать и последовать можно только Христу, обожать можно только Бога. И даже соревновательность христианская — это не состязательность спортивная, а соработничество Богу и его святым.

Слово «ревность» и произведенные от него глаголы и существительные неоднократно встречаются в Священном Писании. Причем Дух Святой, вдохновлявший писателей Библии, различает ревность по Богу и ревность по человеческому разумению. Последний вид ревности бывает погрешим, поскольку и сам разум человеческий после грехопадения стал очень ненадежным инструментом. Господь предостерегает человека от ревности злодеям (Пс. 36.1) и побуждает быть ревнителем доброго (1 Петр. 3.13) и ревновать о духовных дарах (1 Кор. 14.12). Апостол Павел, являющийся, пожалуй, одним из самых значимых «ревнителей Церкви» за всю ее историю, сожалеет, что до своего обращения был «неумеренным ревнителем» отеческих преданий (Гал. 1.14). Но Церковь Христова часто бывала гонима, и потому гонению подвергались и ревностно заботящиеся о ней люди. Уже псалмопевец Давид, накапливая материал для строительства Иерусалимского храма, признавался, что разжигаясь рев-

144 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1997. — 944 с. — с. 672.

145 Полный церковно-славянский словарь... — с. 546.

ностью, он страдает и от людского злословия: «ревность по доме Твоем снесает меня, и злословия злословящих Тебя падают на меня» (Пс. 68.10).

Сам Бог в Библии неоднократно проявляет ревность и предстает как Создатель и Ревнитель Своей Церкви, которую не одолеют и врата ада (Мф. 16.18). В периоды гонений становится ясно, что быть ревнителем Церкви — это значит быть готовым пострадать за нее, не допуская даже в мыслях возможность измены ей, ради облегчения страданий. «И кто делает вам зло, если вы будете ревнителями доброго? Но если и страдаете за правду, то вы блаженны» (1 Петр. 3.13), — утешает христиан апостол Петр.

Христианин, в котором нет ревности по Богу и Его Церкви, не последователь Христа, а тот теплохладный представитель млекопитающих, о котором сказано в Апокалипсисе: «Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3.16). В этой же книге, завершающей Библию, содержится пламенный призыв: «будь ревностен и покайся». (Откр. 3.19).

Таким образом, священномученика Дамиана (Воскресенского) можно назвать истинным ревнителем Церкви. Он ревностно заботился о вверенной ему курской пастве, всячески поддерживал церковные общины епархии, укреплял дух пастырей и пасомых. Но в скудном неписанном словаре сотрудников ОГПУ и для ревнителей Церкви, и для реакционного духовенства, и для контрреволюционеров-террористов, и для тайных монархистов находилось лишь одно объяснение: «обвиняемые по ст. 58 УК РСФСР».

Протоколы допросов как часть духовного наследия

Священномученик Дамиан не оставил отдельного духовного завещания, не написал прощального обращения к курской пастве, был лишен возможности подвести итоги своей литературной деятельности и составить сборник своих письменных трудов. Последнее по времени, что мы имеем из наследия владыки, это его ответы на вопросы следователей ОГПУ. Однако, читая их, мы не всегда узнаем слог владыки. Его мысли как бы проходят через «испорченный телефон».

Следователи, допрашивавшие арестованных по делу организации «Ревнители Церкви», начинали беседу, как гроссмейстер сеанс одновременной игры, с одного и того же хода. И фиксация показаний проходила по одному шаблону. Ни о какой презумпции невиновности никто и не вспоминал. Все попавшие на допрос уже считались виноватыми, нужно было лишь уточнить этиологию их враждебного отношения к советской власти. Поэтому большинство показаний начинаются со слов «будучи». Обвиняемые рассказывали о своей жизни до революции и политических убеждениях.

На допросе 28 июля 1932 года архиепископ Дамиан признался: «будучи русским человеком и уважая царя Николая II-го, как порядочного человека, стремившегося к созданию хорошей жизни всему русскому народу, я не мог не быть монархистом, причем хорошие положительные чувства к личности императора у меня сохранились до настоящего времени. В настоящее время я готов служить той части народа, которая принимает Бога». Дерзко прозвучало в кабинете следователя мнение владыки, что «преследование духовенства является органической частью деятельности соввласти».

На следующем допросе священномученик Дамиан рассказал о визите к нему в начале июня гражданина Д.Н. Жердева — представителя епископа Георгия (Константиновского), очередного Курского обновленческого архиерея. Не исключено, что сам факт этого визита и подробное содержание разговора сотрудникам ОГПУ уже было известно от самих обновленцев. Главной темой встречи была возможность слияния в Курской епархии обновленческого течения с тихоновским. Владыка Дамиан быстро закрыл эту тему, не считая конфликт с обновленцами внутрицерковным. Обновленцы вне Церкви и поэтому речь могла идти только о возвращении их в церковную ограду через покаяние, а не через договор. В беседе с Жердевым архиепископ Дамиан «утешил» его тем, что слияние обновленцев с православными невыгодно для них самих. Ведь повсюду власть относится к обновленцам с куда большим снисхождением, чем к староцерковникам. В Курске, к примеру, в 1932 году у обновленцев был свой свечной завод, курский обновленческий архиерей мог свободно перемещаться по городским храмам и даже совершать богослужения вне города. И налоговое бремя, возлагаемое на обновленческих священнослужителей, было более легкое, чем то, которое приходилось выплачивать тихоновским батюшкам. И тут владыка высказал еще одну антисоветскую мысль: «Эту поддержку обновленцам власть оказывает для того, чтобы обессилить церковь». По словам священномученика Дамиана, его разговор с Жердевым носил живую форму, и некоторые заявления он делал, отвечая на вопросы гостя. Можно добавить, на провоцирующие вопросы.

На допросе, состоявшемся 1 октября 1932 года, священномученик Дамиан говорил, что с самого начала управления Курской епархией он стремился к тому, «чтобы свободно прославлялось имя Божие и процветала христианская жизнь». А для этого собирал вокруг священнослужителей и отдельных глубоко верующих лиц «всех граждан, которые способны защищать интересы церкви и православия». Это, конечно же, расценивалось сотрудниками ОГПУ как работа по созданию организации «Ревнителей Церкви», хотя на деле было попросту организацией церковной жизни.

Когда в разгар колхозного строительства к владыке Дамиану хлынули массы обиженных людей, пострадавших от действия властей, сердце архипастыря не выдержало и он, обычно призывавший к терпению, сам

не вытерпел и допустил «политические ошибки». Утешая ктитора К. из Обояни, архиепископ Дамиан обронил фразу: «Колхозы недолговечны». Говорил владыка и том, что колхозы скоро развалятся, допуская, что эти его слова могли быть восприняты некоторыми горячими головами как «директива — разваливать колхозы». В разговоре с одним из церковных старост священномученик Дамиан сказал, что «при Татарском нашествии налоги на церкви были меньше, чем сейчас, и церковь, следовательно, была свободней». В разговоре с мирянином из Прохоровского района владыка припомнил историю западноукраинской части православной церкви и уподобил советскую власть еврею, «который ждет народ у храма с ключами и не разрешает его открыть, требуя уплаты налога».

Не отрицал священномученик Дамиан того факта, что в местах, где священнослужители отличались усердием, наблюдалось оживление приходской жизни. С другой стороны, некоторых людей в храм подталкивала... сама советская власть, проводившая политику притеснений. «Все притесняемые советской властью слои, — по словам архиепископа Дамиана, — стали значительно ближе к церкви и многие сделались истинными «Ревнителями Церкви». В качестве иллюстрации этого явления владыка привел слова одной женщины: «Нет тревоги — нет и Бога, как тревога — так за Бога». Священномученик Дамиан их прокомментировал так: «бывшие состоятельные люди в деревне и в городе, которые раньше жили не плохо и не так часто обращались к церкви, стали обращаться к ней, когда их задела советская власть и лишила всех прав».

В обвинительное заключение эта мысль переключалась в следующем «переводе»: «Вербовка в свой состав кулацкого и монашеского элемента, бывших людей». Так же арестованные вместе с архиепископом Дамианом епископ Иоанн (Пашин) и живший в Орле на покое епископ Николай (Могилевский) и другие «фигуранты дела» обвинялись в агитации против советской власти и колхозного строительства с использованием религиозных предрассудков.

Помимо трех архиереев, по делу «Ревнителей Церкви» были арестованы 127 священнослужителей, 106 монашествующих. То есть значительная часть Курской епархии. А ведь это дело было не первым и не последним. В 1932 году власти «вскрыли и ликвидировали» три «подпольных монастыря» (два в Орле и один в селе Полукотельниково Обоянского района). В конечном счете, материалы в отношении 128 человек были направлены в коллегию ОГПУ для рассмотрения во внесудебном порядке. Прокурор, ознакомившись с результатами следствия, и учтя, что «многие из обвиняемых ранее привлекались за контрреволюционную деятельность к ответственности», предлагал применить к ним «высшую меру социальной защиты». Указывал прокурор и на «большие политические последствия», которые вызвала деятельность «Ревнителей Церкви». В частности, церковников признали ответственными за широкое антикол-

хозное движение, охватившее в 1932 году 57 районов области, вылившееся в 580 массовых выступлений, в которых приняло участие около 63 000 человек. 3 200 колхозов на территории 450 сельских советов пострадали от недовольных коллективизацией. В иных местах выступления сопровождались разгромом помещений сельсоветов и правлений колхозов.

«Материалы следствия вскрывают социальную сущность и классовую природу «Сергиевщины» и определяют ее место в истории борьбы церкви против диктатуры пролетариата, — говорилось в документах дела. — Контрреволюционные выступления в западной части области в июне–июле 1932 года, как по организованности, так и по масштабу, как это установлено следствием, явились результатом подготовительной деятельности контрреволюционной церковно-монархической организации «Ревнители Церкви», возглавляемой указанным архиепископом Дамианом».¹⁴⁶

В фантазиях сотрудников ОГПУ весь Курский край был покрыт сетью первичных ячеек церковной контрреволюционной организации. Некоторые обвиняемые «под тяжестью улик» признавались, что так оно и было. Но порой эти «признания» поражают своей абсурдностью. К примеру, благочинный Курска под давлением следствия сознался, что по указу владыки Дамиана создал при своем храме ревнительскую группу из женщин-прихожанок. Правда, о том, что они состоят в этой группе, он им не сказал.¹⁴⁷

Священноисповедник Николай (Могилевский): 5 лет лагерей «за популярность»

Бесполезно в материалах следственного дела искать описание того, как содержался в тюрьме священномученик Дамиан, от чего страдал, в чем нуждался. Об этом можно догадаться, читая воспоминания священноисповедника Николая (Могилевского), епископа Орловского, разделившего участь с курским архипастырем.

«27 июля 1932 года я был арестован и отправлен в Воронеж, где велось следствие, — вспоминал владыка Николай, которого сотрудники ОГПУ назначили руководителем Орловского филиала «Ревнителей Церкви». — Об условиях жизни говорить не приходится, потому что в те годы вся наша страна испытывала нужду и в продуктах, и в одежде, и во всем необходимом».

Неизвестно и то, каких манер придерживался следователь, общавшийся с архиепископом Дамианом. Сам владыка Николай радовался, что попал к «хорошему следователю», который не оскорблял его и «не подвергал по-

146 Архив УФСБ РФ по Курской обл. АУД №11015. Т. 10. л. 44.

147 Архив УФСБ РФ по Курской обл. АУД №11015. Т. 1. л. 111.

боям, как было с некоторыми союзниками» орловского архиерея. Да никто специально и не подбирал для добрых пастырей добрых следователей.

Священноисповедник Николай (Могилевский) сначала был обнадёжен тем, что обвинения против него несостоятельны, а затем огорошен пятью годами ИТЛ. На вопрос «за что?» ему коротко ответили: «за вашу популярность». Судя по тайным рейтинговым опросам, проводимым сотрудниками ОГПУ, священномученик Дамиан был в два раза популярнее владыки Николая.

Соловки. «Подбивал верующих заключенных» к молитве

26 декабря 1932 года Коллегия ОГПУ СССР вняла просьбе прокурора и приговорила священномученика Дамиана (Воскресенского) к «высшей мере социальной защиты». И хотя расстрел был заменен десятью годами ИТЛ, фактически эта замена оказалась отсрочкой смертного приговора.

Более четырех лет владыка Дамиан был архиепископом «соловьинного края» и около пяти лет — соловецким узником. Но безбожные власти, лишив архиепископа внешних прав и свобод, не смогли лишить его свободы внутренней. Стойко перенося все тяготы заключения, священномученик Дамиан никак не хотел «перековываться» и оставался верным своему христианскому долгу. Находясь на лагерном положении, «ходил в лес молиться», «подбивал верующих заключенных» к организации общих молитв перед большими праздниками и даже «обработал в религиозном духе заключенного Шатилова, который дал согласие по выходе из лагеря стать священником».¹⁴⁸ Впрочем, вряд ли Шатилову дали выйти из лагеря.

Соловецкие тюремщики, конечно же, еще не обладали хитрой техникой для подслушивания и подглядывания за узниками. Но широкая сеть завербованных агентов среди самих заключенных позволяла им вести слежку за всеми «подопечными». В особые папочки заносился вольный пересказ недозволенных разговоров, которые велись в разных уголках Соловецких островов. Все это копилось для будущих расправ. Секретные осведомители в своих доносах упоминали некоторые фразы, сказанные священномучеником Дамианом во время его соловецкого заключения. В этих словах: трезвая оценка происходящего в стране и вера в торжество Божьей правды, что при известном соусе подавалось советской властью как «антисоветская агитация».

И на Соловках архиепископ Дамиан был истинным ревнителем Церкви, защищая ее от необоснованных обвинений. Это подтверждает

¹⁴⁸ Цит. по книге Карнасевица В. Г. и священника Владислава Реутова «Новомученики и исповедники земли Курской»... — с. 103.

текст справки, подготовленной руководством Соловецкой тюрьмы¹⁴⁹: «На замечания отдельных заключенных, что христианство разложилось и морально и качественно, заявляет: «Положение сейчас можно сравнить с четвертым-пятым веками, когда храмы делались зернохранилищами, а алтари уборными, христиане скрывались, но побеждали». В письмах к родным пишет: «Храмов мало — молитва пламеннее». Ожидает христианского социализма. Убежденный реакционер, и надеется на победу церкви и ее возрождение в государстве».¹⁵⁰

Сандормох — урочище-мощевик

Летом 1937 года священномученик Дамиан в числе многих других соловчан был переведен с лагерного режима на тюремный. Это была предварительная подготовка к физическому истреблению узников. Печально известный приказ Наркома НКВД Н. Ежова №00445 дал сигнал к большому террору.

На большой земле силовые органы, проводя репрессии, все-таки заботились о видимости соблюдения законности: заставляли ставить подлинными подписи под ложными показаниями или же выжимали нужные признания. Представители «власти соловецкой» не особо утруждали себя дополнительными расследованиями. Для того, чтобы приговорить невольника Соловецких островов к более суровому наказанию, достаточно было заказного доноса от секретного агента и кратенькой справки из старого дела, по которому, собственно, несчастный и оказался на Соловках. На основании этих документов в конце 1937 — начале 1938 годов Особая Тройка УНКВД Ленинградской области постановила расстрелять 1 825 заключенных, отбывавших наказание на Соловецких островах. Священномученик Дамиан (Воскресенский) был приговорен членами этой Тройки¹⁵¹ к расстрелу 9 октября 1937 года¹⁵².

¹⁴⁹ Справка подписана начальником тюрьмы майором госбезопасности Апетером и его помощником капитаном госбезопасности Раевским. Иван Апетер 26 декабря 1937 года был отстранен от должности, уволен из НКВД, а 28 августа 1938 года приговорен к расстрелу. Петр Раевский в октябре 1938 года переведен на должность начальника Новочеркасской тюрьмы. Расстрелян через год.

¹⁵⁰ Цит. по книге Карнасевица В. Г. и священника Владислава Реутова «Новомученики...» — с. 103.

¹⁵¹ В состав Тройки входили начальник УНКВД по Ленинградской области Л. Заковский, его заместитель В. Гарин и прокурор Б. Позерн. Заковский и Позерн были позднее расстреляны. Гарин весной 1938 года был отстранен от должности и переведен в Карелию. Умер в 1940 году при невыясненных обстоятельствах. По одной из версий причиной его смерти было самоубийство.

¹⁵² Протокол заседания Тройки №83. За один «присест» была решена судьба 266 человек. Всего 9 октября члены Тройки провели три заседания, на которых отравили на смерть 657 человек.

Расстреливали соловецких узников в три этапа. Последний массовый расстрел провели в феврале 1938 года уже на самих Соловках. Его жертвами стали 198 человек. 509 человек (второй Соловецкий этап) расстреляли в окрестностях Ленинграда в декабре 1937 года. Первый Соловецкий этап был самым массовым — 1 111 человек. Один из них — священномученик Дамиан. Установлено, что все, кто попал в этот этап, были в конце октября 1937 года этапированы по морю в Кемь, оттуда по железной дороге — в Медвежьегорск, где помещались в следственный изолятор Белбалтлага. Из СИЗО осужденных в связанном виде доставляли на машинах к месту расстрела, лесному урочищу Сандормох, находящемуся в 16 км от Медвежьегорска¹⁵³. Расстрелять в один день такое большое количество человек было трудно, поэтому выстрелы в лесном урочище звучали несколько дней: 27 октября, 1-4 ноября. Перерыв объясняется тем, что заключенные во время перевозки из СИЗО совершили попытку побега. Некоторое время потребовалось, чтобы усовершенствовать процедуру транспортировки.

Непосредственным исполнителем приговора признан капитан госбезопасности Михаил Матвеев¹⁵⁴. Иногда ему помогал комендант УНКВД Ленинградской области Алафер. «Ежедневно Матвеев расстреливал из револьвера около 200–250 человек в соответствии с численностью соответствующего протокола Тройки (по одному протоколу в день)»¹⁵⁵. 3 ноября очередь дошла до протокола №83, в длинном списке которого было и имя священномученика Дамиана...

С простреленными головами убиенных сбрасывали в квадратные ямы (4м на 4м). Узнать, в какую яму попали мощи владыки Дамиана, нет никакой возможности. Долгое время и само урочище Сандормох хранило тайну массовых расстрелов. До сих пор неизвестно точное число замученных здесь во время репрессий. По оценкам одних исследователей, не менее 6 тысяч человек. Другие историки считают, что более 9 тысяч.

Тема отдельного исследования

Долгое время «официальной датой трагической гибели архиепископа Дамиана считались 1940-е года, а причиной смерти называлась болезнь»¹⁵⁶. Лишь в середине 1990-х была открыта

153 Иофе В. Соловецкие расстрелы 1937 года. // НИЦ «Мемориал». — Санкт-Петербург. 2009. — Электронная версия.

154 «За успешную борьбу с контрреволюционерами», а вернее было бы сказать, за проведение массовых расстрелов в Сандормохе, капитан Михаил Матвеев получил награду — орден Красного Знамени. А вскоре его обвинили в выполнении незаконного приказа вышестоящего начальства и отправили в Волжский концлагерь на 10 лет. Но в начале войны Матвеев вышел на свободу. Умер он в 1971 году.

155 Иофе В. — Указ. соч.

156 Карнаевич В. Г. и священник Владислав Реутов. «Новомученики...». — с. 35.

правда о смерти владыки и установлено место его мученической кончины.

В августе 2000 года архиепископ Дамиан (Воскресенский) по представлению Курской епархии был прославлен в Соборе новомучеников и исповедников Российских. К лику святых причислены и оба епископа, записанные сотрудниками ОГПУ в организацию «Ревнителю Церкви»: епископ Рыльский Иоанн (Пашин)¹⁵⁷ как священномученик, митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Николай (Могилевский)¹⁵⁸ как священноисповедник.

Проследить судьбы всех, кто привлекался по делу «ревнителю Церкви», очень сложно. Одни из них сгинули в лагерях. Несколько человек скончались во время следствия или вскоре после вынесения приговора.

Священник Александр Григорьевич Силин (бывший священник с. Нежеголь Шебекинского района, ныне Белгородской области) умер 25 марта 1933 года.

Священник Василий Алексеевич Антонов умер 24 апреля 1933 года в Москве в больнице имени доктора Гааза. Причины смерти: порок сердца, острый катар кишечника, резкое истощение.

Священник Илья Григорьевич Андриевский умер от кровавого поноса 19 мая 1933 года в 13 часов 35 минут в больнице изолятора ОГПУ в Бутырках. Тело его было сожжено в 1-ом Московском крематории.

Семен Семенович Смоленский и монахиня Мария Павловна Ключникова (сестра келейника епископа Иоанна) умерли еще во время следствия.

Одни из «ревнителю» не вернулись из заключения. Другие вернулись, но в 1937-38 году вновь попали в жернова НКВД. Лишь единицы (как, к примеру, протоиерей Сергей Ханов) пережили шквалы репрессий и служили в Курской епархии после Великой Отечественной войны.

Но жизнь всех священнослужителей и мирян, проходивших по делу «Ревнителю Церкви», является темой отдельного исследования.

Голос святого

Свою речь при пострижении иерея Дмитрия Воскресенского в монашество владыка Сергей (Страгородский) завершил пожеланием, чтобы новопостриженный священноинок, «ощутив под своими ногами твердую скалу — постоянное присутствие Господа — в этом почерпнул себе силы смело и победоносно встретить все испытания жизни и все прилоги¹⁵⁹ врага и, при неотступной помощи и водительстве

157 Расстрелян 11 марта 1938 года в городе Чибью автономной республики Коми и погребен в неизвестной могиле. — Дамаскин (Орловский), игумен. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Февраль. — 504 с. — с. 451.

158 Пройдя лагеря, вернулся к служению. Почил 25 октября 1955 года в Алма-Ате. 159 Ухищрения, уловки (церковно-славянск.).

Божией благодати, сподобился достичь конечной цели монашества — Царствия Небесного».¹⁶⁰ За 33 года монашеской жизни священномученик Дамиан неоднократно вспоминал слова своего наставника, перенося многочисленные испытания и помня о главной цели монашеской жизни. И сама жизнь его стала житием, образцом для всех, желающих жить по-христиански.

По словам Зинаиды Дмитриевны Ильиной, «личность архиепископа Дамиана входит в ряд исторических, религиозных и общественных деятелей не только регионального, но и общероссийского значения».¹⁶¹ И весь корпус выявленных сочинений, а так же новые факты из жития священномученика лишней раз подтверждают правоту этих слов.

Собрание литературных трудов святого дает нам возможность как бы услышать голос самого владыки Дамиана. Он не только преподавал семинаристам гомилетику, но и сам в совершенстве владел искусством церковной проповеди. Его живая и образная речь, его пастырская забота, теплый юмор и глубокое чувство сопереживания, его неравнодушие к событиям церковной и общественной жизни своего времени не оставят равнодушным и современного читателя, интересующегося историей России и Русской Православной Церкви XX века.

Священник Владимир Русин

*Дни памяти свщм. Дамиана (Воскресенского):
3 ноября — день мученической кончины;
1 августа — Собор Курских святых;
23 августа — Собор Соловецких новомучеников.*

160 Богословские труды Патриарха Сергия... — с. 393.

161 Ильина З. Д. Владыка Дамиан: Сохранение православного культурного наследия в России и Курском крае // Пятое Дамиановское чтения (материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Курск, 26–28 марта 2008 г., ч. 1). — Курск, 2008. — 224 с. — с. 7.

Недостатки русской иконописи и средства к их устранению.

(Историко-критический очерк)

I

Внимательному наблюдателю при посещении наших храмов невольно бросаются в глаза недостатки нашей иконописи, особенно сельской; и обычный постоянный посетитель храмов православных без особенного труда находит их, если только захочет дать себе отчет в том, что и как нарисовано на стене, или изображено на иконе. И нам кажется, что теперь, с пробуждением интереса к вопросам веры и Церкви, когда и мысль, и чувство всех направлены исключительно к устранению всяких недочетов, люди, которым дороги интересы Церкви, должны обратить свое внимание на иконопись и ее недостатки.

Если бросим краткий взгляд на прошлые судьбы русского иконописания, на практиковавшийся у нас надзор за иконописцами, то легко убедимся, что две мысли проходят красной нитью во все время жизни Русской Церкви, начиная со второй половины XVI в.: мысль о необходимости и полезности цензуры и — о трудностях организовать надзор за иконописанием. Вопрос об иконописи много раз всплывал на поверхность жизни нашей Церкви, неоднократно решался при этом; вспомнить об этих решениях необходимо не с тем только, чтобы воспользоваться указаниями прошлого, ибо история не повторяется, но и с тем, чтобы при решении поставленного вопроса, по крайней мере, избежать прежних ошибок.

Начнем с эпохи Стоглавого собора. XVI век, особенно во второй своей половине, имел чрезвычайно важное значение в истории древнерусской иконописи. В это время впервые в русской иконописи ясно обозначились зачатки нового направления; направление это, — в противовес старому, строго державшемуся унаследованных от Византии иконописных преданий и типов, — начало допускать подражание западным живописным образцам. Постановления Стоглава и известный «Розыск» по делу дьяка Висковатого навсегда останутся памятниками этих двух направлений; вместе с этим в этих же письменных памятниках нельзя не видеть зародившегося в нашей иконографии раскола, разделившего потом русских людей на два различных лагеря: сторонников византийской иконописи и поклонников итальянской живописи.

Обращаемся к уяснению причин, вызвавших рассуждения отцов собора об иконописи.

Здесь надо взять во внимание умственное и нравственное развитие иконописца и рассмотреть те требования, которые предъявляли к нему и к иконописи современники. Наши древнейшие и наиболее замечательные иконописцы — прп. Алипий Печерский, Андрей Рублев и др., — стояли под живым влиянием византийских мастеров и выходили из монастырей. Как то, так и другое вполне естественно и понятно. От греков предки наши приняли веру, от них же шли иконы — «корсунские» — и иконописные традиции, древние же русские монастыри были первыми рассадниками просвещения; для искусства же церковного они были почвой во многих отношениях благоприятной. Весь склад монастырской жизни невольно развивал в иконописце церковный взгляд на дело, которому он служил; в его душе, как и в душе афонского подвижника, к которому всегда стремился русский инок, как к высшему идеалу, не было почти места для тех интересов, которые принято теперь называть эстетическими, светскими, — напротив, он боязливо отстранялся от подобных впечатлений, чтобы не смешать своего дела со служением целям недостойным. Весь запас умственных сведений и интересов иконописца исчерпывался тем, что давало чтение богослужебных книг, житий святых и много-много писаний отеческих. С течением времени параллельно с возникновением особых церковно-исторических событий в жизни Русской Церкви и в зависимости от этих событий изменились и условия иконописного дела в России и самое положение иконописного мастера.

По мере того, как христианство распространялось по окраинам Руси, — повсюду возникало стремление к сооружению храмов, укоренился обычай ставить в домах иконы, — все это увеличивало спрос на иконы, увеличивая и самое число иконописцев. Ни в одной из стран христианского мира в XV–XVI в.в. спрос на иконы не был так велик, как в России. Он вызвал обширное приготовление икон, начиная от миниатюрного складня или пядницы, и кончая большими картинами сложного содержания, так называемыми «многоличными иконами», представлявшими из себя нечто в роде живописных религиозно-исторических поэм. Множество рабочих рук потребовалось теперь для приготовления икон; иконописное дело от греков и их непосредственных учеников монахов и клириков по необходимости должно было перейти к лицам мирским — горожанам и поселянам. В половине XVI в. число иконописных мастеров так увеличилось, что они стали составлять из себя как бы особые промышленные цехи, и самая иконопись стала ремеслом, более или менее выгодным. Новая среда, мирская, а не монастырская, в коей приходилось теперь вращаться заурядному иконнику, во многом отличалась от прежней; менее ее богата была художественными знаниями и вообще духовным содержанием и не могла благотворно влиять на его

произведения. Да и масса простого населения не предъявляла больших требований к церковному живописцу, не рассчитывала на него, как на художника. По недостаточной еще осведомленности с христианством, при неглубоком проникновении его идеями, русские люди того времени спрашивали с живописцев сюжетов не только художественных, сколько занимательных и назидательных и удовлетворялись, когда неуклюжие миниатюры и топорной работы священные изображения приходили на помощь их религиозно-нравственному воспитанию.

Чтобы лучше понять историческую почву, на которой развивалось тогдашнее (XVI в.) иконописание, к сказанному прибавим, что с половины XV в., с падения Византии, совсем порвалась художественная связь, соединявшая доселе Россию с православным востоком, а между тем на западе в это время иконопись, покончив совершенно с иконописными преданиями, стала подражать образцам искусства античного и преследовать цели художественного реализма, оставив в стороне интересы религиозные. И Церковь Русская, всегда в лице своей иерархии стоявшая на страже древнего иконописного предания, имела в то время действительные основания опасаться вторжения в иконопись новых идей и появления в ней мотивов, чуждых общепризнанным Церковью образцам. За возможную близость этой опасности говорило напряженное состояние тогдашней богословской мысли, затронутой религиозным учением Башкина¹ и Косога.² Их отрицательные мнения (против почитания святых, мощей, икон и пр.) сильно волновали книжный русский мир той эпохи, возбуждая в умах и сердцах разного рода вопросы и недоумения.

Таковы были причины, вызвавшие на Стоглавом соборе внимание духовной и светской (в лице Иоанна Грозного) власти и русского общества (в лице Висковатого) к делу церковной иконописи. Нас отделяют от этой отдаленной эпохи три с половиной столетия, и теперь можно спокойно и объективно высказать взгляд на правильность и целесообразность принятых отцами Стоглавого собора мер к улучшению русского иконописания. Как видно из 43 главы Стоглавника, участники собора смотрели на иконописное дело, как на одну из отраслей церковной

1 Башкин Матвей Семенович (XVI в.), еретик. Отрицал таинства Причастия и Исповеди, называл иконы идолами, не признавал догматы и определения, принятые на Вселенских Соборах. «В XVI в. Имя Башкина было включено в анафематствования синодика, читавшегося в Неделю Православия». — Архим. Макарий (Веретенников). Башкин Матвей Семенович. // Православная энциклопедия. Т. IV. — М., 2002. — 752с. — С. 401–402.

2 Косой Феодосий (XVI в.), еретик. По словам историка А.В. Карташева, «это был русский протестант, взрожденный на... почве продолжавшегося скрытно живущего вольномыслия». Призывал сокрушать, как идолов, не только иконы, но и кресты. Бежал в Литву. — Карташев А. В. История Русской Церкви. — М., 2005. — 912с. — С. 376–377.

службы и к иконописцам относились, как к лицам высшей нравственной категории; по мысли их, это был как бы особый, средний класс между монахами и мирянами. Несомненно, они прекрасно помнили недавнее, высокое и почетное положение иконописца в русском обществе, видели ясно и те новые условия, в которые силой вещей был поставлен теперь занимавшийся прежде в тиши монастырского уединения своим любимым делом иконописец и, в видах предохранения иконописного искусства от профанации, прежде всего обратили внимание на нравственные качества живописного мастера и на его поведение. «Подобает быть живописцу, — читаем в соборном определении, — смиренну, кротку, благоговейну, не празднословцу, не смехотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьянице, не грабителю, не убийце, более же всего хранить чистоту душевную и телесную со всяким опасением; а кто не может так пребыть до конца, пусть женится по закону». Надо сознаться, что воззрение отцов Стоглава на иконописцев, как на людей, служащих делу высокому, святому и потому нравственно обязанных быть благонастроенными, по крайней мере, во время работ своих — есть, в сущности, воззрение правильное, — оно нисколько не отдает, как это казалось некоторым, напускным внешним благочестием, непонятной отсталостью; нам кажется, что воззрение это должно бы иметь силу и для нашего времени, руководя нашими иконописцами. Православный русский человек, как это приходилось нам наблюдать, скорее примирится с неудачно исполненным рисунком живописца, не осудит его строго за историческую неточность, но не простит ему каких-либо обидных замечаний по адресу вековых святынь, осудит его за пьянство, ссоры при работах в храме. Зато как вырастает в глазах народа тот заезжий иконописец, что делает свое дело с молитвою и пением псалмов.

Надо, впрочем, сказать, что участники Стоглавого собора не ограничились одними нравственными требованиями от иконописцев. Нет. Они справедливо признавали чрезвычайно нужной и техническую подготовку для иконописцев. Но, требуя от каждого готовящегося к иконописи предварительного изучения своего дела под руководством опытного мастера, определения Стоглава, к сожалению, ничего не говорят об умственном развитии этих лиц, ограничиваясь одним исчислением их нравственных качеств. Отсутствие умственного развития и теоретических знаний у иконописцев собор надеялся восполнить тем, что лишил права заниматься живописью тех, кто практически не был подготовлен к занятию иконописью и брался за нее по грубому расчету — видел в ней только средство к прокормлению. «Не всем человекам иконописцами быть: много различных рукоделий даровано людям от Бога для пропитания и жизни, кроме иконного письма», — справедливо говорили отцы собора.

Существенный же характер воззрений Стоглава на иконопись заключается в том, что иконы должны быть писаны «с древних образцов»,

или, как пояснено в другом месте, «по образу, по подобию и по существу на образ древних живописцев и пресловущих русских мастеров». В руководство и подражание рекомендовались иконы рублевского (Андрея Рублева) письма и требовали «не описывать Божества от самосмышления, своими догадками»; в самодеятельности иконописца Стоглаву виделся произвол, нарушающий чистоту византийско-русского иконописного предания. Стоя на совершенно правильной точке зрения, высший надзор за иконописанием Стоглав предоставляет митрополиту, архиепископам и епископам, каждый из коих в своей епархии должен избрать нарочитых мастеров и поручить им ближайшее наблюдение за всеми иконописцами. Мера эта в принципе должна быть признана вполне целесообразной: несомненно, епископы лучше мирян могли оценить и художественное достоинство иконы, и соответствие ее древним иконописным преданиям. Следует при том помнить, что в то доброе старое время многие из епископов сами занимались иконописанием и могли быть компетентными судьями даже в иконописной технике; таковы митрополиты: Макарий, Варлаам, Афанасий, Симон, ростовский архиепископ Феодор, архимандрит Исая, игумен Адриан, монахи Алипий и Григорий Печерские, Благовещенский протопоп Андрей, диакон Григорий из Новгорода и многие другие лица духовного звания. Не следует также забывать, что при патриарших, митрополичьих и епископских домах, равно как при монастырях, издревле существовали иконописные школы, которые по самому положению своему должны были находиться под непосредственным надзором духовной власти.

Помимо указанной полезной стороны архиерейского надзора за иконописью, надзор этот преследовал и другие задачи. В жизни иконописцев того времени были нередки случаи, когда мастера по родству, или по другим невысокого нравственного качества побуждениям, аттестовали с хорошей стороны учеников, явно не заслуживающих такой аттестации; чтобы вернее достигать своей цели, мастера при этом выставляли в качестве работ аттестуемых учеников чужие произведения. Посему Стоглавый собор возлагает на епископов обязанность строго преследовать подобные неблагоприятные поступки, тщательно исследовать обман, виновников обмана отдавать под запрещение, а ученикам, несправедливо аттестованным, запрещать на будущее время занятие иконописным делом. Бывали, без сомнения, и другие случаи, когда мастера, по низким же побуждениям, иногда из зависти, чтобы талантливые ученики не превзошли их самих, скрывали таланты своих учеников, давали неодобрительные отзывы об их работах. Бывало, наконец, что мастера скрывали от учеников нечто из своих познаний. Епископы, по определению Стоглава, в случае открытия подобных злоупотреблений в отношениях иконописных мастеров к ученикам, обязывают отдавать мастеров под запрещение, а ученикам воздавать большую честь.

Как видим, основное начало, которое проходит в главном определении Стоглава «писать иконы по преданию», вполне соответствует характеру древнерусской иконописи, и разумное приложение его к делу, как твердый оплот против чуждых нововведений и вредных искажений, могло бы составить серьезную заслугу Стоглавого собора. Но собор этот, по меткому выражению проф. Н. В. Покровского, не построил прочного моста от теоретического начала к самому делу. Нужно было оказать непосредственное воздействие на иконописные школы, поставить гораздо шире указание на древние образцы, установить контроль по существу дела и правильно организовать его. Вот почему в Москве, где торговля иконами сосредоточена была в определенных местах, а изготовление их — в известных мастерских, некоторый надзор был возможен и действительно существовал: митрополит Макарий, как «иконному писанию навычен», лично наблюдал за этим. Другое дело — в провинциальной глуши, где был почти повсеместный недостаток в хороших иконописцах и куда не мог проникать высший надзор иерарха. Соборные мероприятия, заслуживающие уважения сами по себе, не были доведены до конца; можно лишь предполагать, что иконописцы стали с большим вниманием относиться к иконописным преданиям, собирать и систематизировать эти предания, — как говорят о том дошедшие до нас списки иконописных подлинников.

На состояние иконописного дела на Руси после Стоглава довольно яркий свет проливает известное дело дьяка Висковатого.³ Следуя порядку хронологическому, к нему мы и переходим.

Недоумения и сомнения в голове Ивана Михайловича Висковатого возникли по следующему поводу. После пожара Москвы 1547 г. новгородским и псковским иконописцам поручено было писать иконы для соборов Благовещенского и Архангельского и для Воскресенского монастыря. По поводу работы этих пришлых иконописцев серьезный, начитанный для своего времени дьяк утверждал, что их изображения противны церковным правилам так же, как и иконописным преданиям. Он находил неправильным изображение Распятого со сжатыми руками и прикрытого херувимскими крыльями; сжатие руки Спасителем вопреки словам канона «длани на кресте распростер», а также и крылья херувимские он считал

суетным мудрованием и латинским мнением. Истинный же внутренне скрытый смысл довода Висковатого тот, что западное искусство, чуждое русскому, изображало распятие Христово со многими символическими подробностями, представлявшими славу Распятого.

Всматриваясь внимательно в окружающую его действительность, Висковатый высказывает пожелание, чтобы «иконы писались одним образом, дабы было несоблазненно; а то в паперти одна икона, а в церкви другая, то же писано, а не тем видом». Сильно сомневался мыслящий дьяк и насчет того, что вопреки установившемуся доброму обычаю на иконах не было надписей, которые объясняли бы их смысл и содержание: «кого спросишь — и они рассказать не умеют; а надписи нет». Наконец, Висковатого соблазняла живопись, которою расписывались царские палаты, и с особенным ударением он указывает на пляшущую жёнку (быть может, классическую грацию). Получив от митрополита Макария разъяснение на все свои возражения, Висковатый раскаялся, просил прощения в своем заблуждении и написал особый покаянный ответ. Для нас, впрочем, важен не этот конец дела Висковатого, а указанные им недостатки иконописи. Существование и характер этих недостатков, с одной стороны, красноречиво говорили о том, как необходим был правильный и авторитетный надзор за иконописью даже в Москве; с другой — о том, что надзора этого не существовало в той мере, в какой желательно было бы его видеть.

В поисках правильного надзора за иконописным делом мы естественно вступаем в XVII век.

Век этот был замечательнейшей порой в жизни древнерусского общества; теперь встретились старорусские предания с новым сильным течением, шедшим к нам с запада через Литву, Польшу и Малороссию. Занимающая нас церковная живопись, наряду с литературой, в сильной степени подверглась западному влиянию. Наши церковные живописцы стали перенимать манеру западных живописцев с их реальной кистью и принялись трактовать такие сюжеты, которых прежде боязливо сторонились, или чаще совсем не знали. У нас появляются и «немцы, латиноученицы, младоумнии иконописцы», которые, вопреки традициям древнерусской иконописи, начали преследовать преимущественно и почти исключительно цели художественно-артистические. Московский собор 1667 г. в статье об иконописцах, несомненно, имел в виду это новое направление церковной живописи, но, занятый преимущественно борьбой со старообрядцами, оставил в тени эту сторону церковной жизни и ограничился общим замечанием об охранении церковного предания в духе Стоглава.

Различие между определением собора 1567 г. и Стоглава заключалось лишь в том, что последний не давал никакой оценки этому преданию: «до нас положено — лежи свято», а собор 1667 г. проверяет иконописное предание с точки зрения исторической и теоретической мысли; здесь

³ Висковатый Иван Михайлович (1520-е — 1570), государственный деятель, автор рассуждений о принципах древнерусской иконописи. На Большом Московском Соборе 1566–1567 годов отлучен от Церкви, «не за сомнения в отношении икон, но за широкое разглашение своих мыслей, вызвавших смущение и волнения среди православных». После письменного покаяния принят в общение с Церковью. После конфликта с царем Иоанном IV Грозным по его приказу «был с особой жестокостью казнен в Москве». — Архим. Макарий (Веретенников), А. Л. Хорошкевич. Висковатый Иван Михайлович. // Православная энциклопедия. Т. VIII. — М., 2004. — 752с. — С. 536–538.

видно уже стремление отнестись критически к традиционным формам, очистить их от случайных приражений и раскрыть их истинный смысл.

Вот свидетельства литературных памятников XVII в., раскрывающие тенденции иконописцев-западников и указывающие на способ борьбы с ними русской иерархии; мы разумеем духовное завещание патриарха Иоакима и известный «Щит веры». В первом документе читаем, что латинствующие и лютеранствующие иконописцы на хартиях пишут и печатают святых «дебелыми и утучненными лицами и убеленными телесы и с нагими тела некими частями, им же лепотствует быти покровенными ради благообразия». Составитель же «Щита веры» раскрывает мысль, что «епископы, или их наместницы ведети доли женствуют и назирати, каковы в церкви образы попушати... Того убо ради надлежит иконописцам ко епископам носити иконы на благословение, и да благообразные и по преданию древнему написанные примутся, не таковые же да возбранятся». Несмотря, однако, на предостережение духовной власти и негодование ее представителей, чересчур свободные, вольнодумные произведения западной кисти мало-помалу переходят к нам в виде икон, изготовленных на французский образец, живописных картин и особенно печатных или гравированных листов, коими во множестве снабжали Русь немецкие земли. К великому соблазну благочестивых людей того времени, они появились в открытой продаже и нашли себе значительный спрос. Будучи большим знатоком греческих обрядов и ревнителем византийских иконописных преданий, патриарх Никон едва ли не первый из духовных властей начал горячо бороться со злом. На соборе 1654 г. всенародно, в присутствии царя и Антиохийского Патриарха Макария, он предал анафеме в Неделю Православия всех, кто впредь будет писать, или держать в своем доме фряжские иконы. Зло, однако ж, и после этого не уменьшилось, а напротив, усилилось, благодаря вмешательству в дело защитников всякой доброй и худой старины и благодаря усилиям личных врагов патриарха. Но это уже область расколоведения, и вторгаться в нее мы не станем.

Примирить византийско-русские иконописные предания с началами новой итальянской живописи взяла на себя школа царских жалованных и кормовых живописцев, учрежденная в 60-х годах XVII столетия царем Алексеем Михайловичем и все время состоявшая на содержании и под охраной правительства. Из этой школы вышел и много лет во главе ее стоял знаменитый изограф того времени Симон Федорович Ушаков, далеко опередивший своих современников по новизне и широте своих художественных понятий. Талантливый, трудолюбивый и чрезвычайно плодовитый иконописец Ушаков оставил нам много икон своей кисти. Он не порывает связи с преданиями древнерусской иконописи, никогда не становится в противоречие с церковным взглядом на задачи ее, но смело и открыто заявляет о своем недовольстве ре-

месленническим характером иконописи; с беспристрастием истинного художника он отдает должную дань удивления успехам западного искусства, справедливо находя, что в произведениях западных мастеров библейские лица и исторические события изображаются как бы живые. «Когда у иноземцев мы видим Христов или Богородичен образ «выдрукован» (напечатан) или премудрым живописателем изображен, тогда очи наши многой любви и радости исполняются», — говорит Ушаков, передавая свои впечатления от образцов западной живописи.

Изограф Ушаков, далее, аскетический элемент в иконописи старался провести в должной мере никак не более. Известно, что один из преобладавших мотивов поздне-византийской и древнерусской иконописи определялся аскетической настроенностью умов того времени: вследствие этого почти все без различия святые появлялись на иконах с выражением сосредоточенности и даже угрюмости в лицах, со смугловатым цветом тела, изможденного трудами и лишениями вольного подвига о спасении. Этой основной идее вполне отвечал и самый фон изображения, обыкновенно очень темный, густо наведенный, отчего и вся икона принимала совсем мрачный характер. Художественное чувство лучших мастеров царской школы, воспитанное на образцах западной живописи, возмущалось этим мрачным, односторонним колоритом, и хотело внести побольше света, радости и жизни в русскую иконопись. Сам Ушаков горячо отстаивал ту мысль, что аскетический характер, с каким без различия изображаются на иконах лики святых — далеко не всеобщий и неизбежный для всех атрибут святости, что изможденное состояние плоти, которому предавались христианские подвижники, есть временный, переходный момент в их жизни, что он разрушается и сменяется в конце концов состоянием просветления, славы и духовного торжества, что останавливаться художнику на времени земного уничижения святых значило бы забывать важнейшее.

Но главное, против чего с особенной силой восставал Ушаков, это укоренившийся (вероятно, вследствие недостатка технических средств) обычай изображать свежие и молодые тела святых с оттенком сухости, мрачности и старчества. «В изображении Благовещения, — пишет ближайший друг и апологет Ушакова, изограф Иосиф, — архангелово лицо должно быть написуемо световидно и прекрасно, юношеское, а не зловидно и темнообразно. В изображении Рождества Христова — отроча младо в яслях лежащее; а если отроча младо, то как же можно лице Его мрачно и темнообразно писать? Напротив того, всячески подобает Ему быть белу и румяну паче же лепу, а не безлепичну».

Русский иконописец XVII века, сам того не замечая, по одному подражанию лучшим западным образцам, в суждениях своих о характере и сравнительном достоинстве иконописных изображений Спасителя, Богоматери и святых, стал на почву первохристианских художествен-

ных воззрений. По крайней мере, если иметь в виду памятники катакомбной живописи, то нельзя не признать, что древнехристианское искусство чуждалось изображений мрачных и суровых, что оно избегало сюжетов, оставлявших тяжелое впечатление в зрителе, стараясь возбуждать в нем чувства радости, торжества... В первохристианском искусстве не встречается типов страждущего и вообще уничиженного Христа, но Он изображается там в чертах свежего, цветущего возраста, в торжественные моменты Своей земной жизни, как великий Учитель, Царь и Чудотворец. Художественные воззрения живописной школы Ушакова и его сторонников, как это мы видели, до известной степени соответствовали этому светлomu идеалу древнехристианского искусства и вместе составляли протест против крайностей того сурового, антихудожественного направления, к которому принадлежали дьяк Висковатый, инок Зиновий и их единомышленники; направление это, как известно, удержалось и до сих пор в так называемой клинцовой (старообрядческой) иконописи.

Художественное начало, введенное Ушаковым в иконопись, продолжало жить в произведениях учеников его и оказало несомненное влияние на характеры иконописных подлинников. Сравнивая позднейший, образовавшийся в конце XVII или начале XVIII столетия, подлинник с другими более ранними подлинниками иконописными, легко заметить, что первый допускает много новых живописных деталей, характеризующих изображаемую личность или библейское событие, что в нем общая картина оживляется часто подробностями из действительной жизни, что вводится в иконопись начало естественности и портретности.

Направление школы Ушакова при всех неоспоримых своих достоинствах требовало, во всяком случае, большой осторожности и осмотрительности, особенно от простых иконописцев, не обладающих в достаточной мере художественным чутьем и точным знанием древнего иконописного предания. Что можно было позволить самому Ушакову, то не всегда было бы полезно для иконописи, когда за дело примутся рядовые иконописцы.

Вот почему правительственные мероприятия XVII–XVIII вв. все клонились к тому, чтобы предохранить нашу иконографию от крайностей тогдашней западной иконописи, от вторжения в нее светских мотивов и, чтобы удержать наших живописцев на уровне иконописного предания. В этом духе составлены два указа 1667 и 1669 гг. царем Алексеем Михайловичем; в этом же духе выражается и грамота восточных патриархов и русского первосвятителя Иоасафа II, данная 12 мая 1668 года на имя «царской палаты начальнейшего изографа Симона Ушакова». Государь не раз приказывал, чтобы честные иконы писались только «самыми искусными иконописцами и самым добрым мастерством по преданию святых богоносных отец, по необходимому обычаю святой

восточной церкви, по приличности дел и лиц». Это, собственно говоря, основа, на которой держался и Стоглавый собор, но, с другой стороны, в царской грамоте ценится уже и естественность изображений: «всякое нелепие и неприличие, — читаем в ней, — да не вообразится, хитрость же и благоискусство весьма, со всяким тщанием да хранимо будет..., да не виною неискусного начертания образ лица никоего святого в небрежении будет».

Патриархи в своей грамоте, а вслед за ними и царь Алексей Михайлович, разделяли живописцев на шесть разрядов по степени их подготовленности и создавали как бы целую иконописную школу. Ученики этой иконописной школы подчинялись надзору и руководству «самых искусных живописцев и благоговейных иконописателей», без свидетельства и одобрения коих не могли заниматься иконописью. Школа эта, заметим здесь, являлась до известной степени прототипом для иконописных школ нашего времени.

Вступаем в XVIII в.; он открывается реформами Петра. У преобразователя на все были указы, и недостатки церковной живописи не остались им незамеченными. Указом 1707 г. им учреждено «ради лучшего благолепия и чести святых икон» особое для иконописи управление с митрополитом Стефаном Яворским во главе. Органом этого управления в Москве явилась палата изуграфств исправления, подчиненная ведению Ивана Петрова Зарудного. Ему «как искусному в том художестве» поручено было смотреть, чтобы живописцы и иконописцы святые иконы писали «благолепно и удобоподобно по древним, свидетельствованным подлинникам и образам», чтобы от неискусного и худого письма иконам святым от иностранных посмеяния и зазрения не было. Этот надзор простирался на всю организацию иконописного дела и определял как правоспособность живописцев к занятию своим делом, так и достоинство их произведений.

К сожалению, дело и начато, и проведено было исключительно бумажным порядком; личный персонал иконописцев не вполне отвечал сущности дела, а через это и самое дело не могло стать жизненным. Палата полагала свою задачу не столько в том, чтобы указывать настоящие пути для русской иконописи и поддерживать в ней строго церковное направление, сколько в том, чтобы сосредоточить управление ею в одном центре, прибрать к рукам художников и иконописцев, обложить их пошлиною и устранить частные злоупотребления и недостатки. Сам Зарудный был скорее художник, чем иконописец, и не мог, разумеется, придерживаться того церковного консервативного направления, которое имелось в виду. Контроль со стороны духовной власти имел характер внешний и даже случайный.

Неудивительно посему, что 12 апреля 1722 г. Государь в присутствии Синода и Сената снова объявляет свою волю об иконном исправлении, и

снова закипела бумажная работа. По синодальному распоряжению изготовлена была выписка из определений собора 1667 г.; выписка была дополнена глухим указателем на иконы, «поругание творящая» своим безобразием, и часто «до гадости» неискусно сделанные; указывалось там же на изображения, противные естеству, истории и самой истине; таковы изображения мученика Христофора с песьей головой (можно видеть и ныне в Суворовской церкви при Николаевской Академии Генерального Штаба на оборотной стороне деревянного запрестольного креста), мучеников Флора и Лавра с лошадьми и конюхами, распятого херувима и проч. В результате постановление Синода: иконы тщательно исправлять и писать добрым мастерством; резных, лепных и подобных им икон в церквах не употреблять, кроме распятий и других изображений на высоких местах; епархиальным архиереям заботиться об исправлении иконного письма, главный же надзор поручить Зарудному — вот сущность синодских постановлений.

Зарудный только теперь приступил к делу и, к сожалению, повел его по-канцелярски, придав всему характер административный. Начав с устройства канцелярии иконного изображения, продолжив просьбою подчинить своему смотрению не одних только иконописцев, но финифтщиков, резчиков, лепщиков, граверов, мастеров золотых и серебряных дел, присоединив еще просьбу о даровании для канцелярии удобных палат кирилловских, а потом и казанских, Зарудный кончил тем, что в конце концов попал под арест. Московские цеховые иконописцы подали на него жалобу, обвиняя его в притеснении и незаконных поборах. Жалоба эта послужила источником продолжительных бумажных препирательств, и в пылу увлечения ими самое иконописное дело было забыто; Зарудный и его помощники нехотя исполняли порученное им дело надзора. Между тем, переписка продолжалась восемнадцать лет — дело стояло; вскоре умер и Зарудный, но должность главного надзирателя за живописью и иконописью, очень заманчивая по власти и небездоходная, осталась.

За кандидатами на этот почетный и выгодный пост дело не стало. 8 марта 1761 года мы уже видим господина Антропова синодальным художником. По данной ему инструкции, Антропов обязуется обучать иконописи учеников, которые будут присланы ему из епархий, об успехах их рапортовать Синоду по третям года, писать вновь или исправлять старые иконы и иконостасы для заграничных и походных церквей, а равно и для церквей внутри России, все это делать без отговорок и не требуя особой платы. В октябре 1767 года Антропов доносит уже Синоду, что осматривая в Москве по должности своей иконы, он нашел, что многие из них не только неискусно написаны, но даже несогласны с учением Церкви и преданием святых отцов, что встречались ему иконы, вытесанные из камня, вырезанные из дерева, лепные из бумаги

без всякой пропорции. Неграмотные крестьяне носят иконы по улицам в мешках, а печатные на Спасском мосту и в других местах по заборам расставляют; от продажи вымышленных икон, — писал Антропов, — чинится соблазн, а от иностранцев — бесславление.

Художник старался исправить дело на месте: некоторые иконы им вновь переписаны, иные по его распоряжению убраны и сняты с мест, но приходилось ему терпеть и неудачи, ибо некоторые священники и продавцы икон не признавали полномочий Антропова. С этим донесением представлен был в Синод и реестр усмотренным на иконах неисправностям. В нем, наряду с серьезными и возмущающими эстетическое чувство недостатками (мученики Флор и Лавр с лошадьми и конюхами, познание Адамом Евы, почил Бог в день седьмой), отмечены Антроповым и такие, о коих можно иметь другое мнение, совсем не то, какое высказывал полномочный синодальный художник. Профессор Н. В. Покровский прямо говорит, что те нумера реестра, где показаны Антроповым некоторые признаки непристойности и неблагообразия, в действительности свидетельствуют лишь о полном незнакомстве Антропова с древними иконописными преданиями и о вредном стремлении его поставить на их место свое личное художественное понимание, личный произвол. Троекратное изображение архангела на иконе «Благовещения» совсем не означает ни троекратного благовещения, ни иконографической ошибки, ни трех отдельных архангелов, как это кажется Антропову; на самом деле это — три момента одного и того же события: архангел получает от Бога повеление благовестить Пресвятой Деве — первый момент, Архангел в пути — второй момент, и Архангел благовествует — третий момент. С точки зрения новейших понятий о живописи такое совмещение разных моментов может казаться нарушением единства картины; но в византийско-русской иконописи, знаменитой не столько соблюдением требований художественного единства, сколько глубиной и полнотой религиозного содержания, замкнутого в узкие рамки иконо-символическим развитием сюжета — такое соединение моментов не составляет безобразия и повторяется множество раз. Примеры тому можно указать и в древнейших мозаиках Равенны VI в., и в миниатюрах кодексов бесед Иакова XI в. и др.

Но возвратимся к Антропову; полномочия его растут и растут; он описывает иконы, запрещает их продажу и чинит всем «немалыя прицепки». Дальнейшие донесения Антропова были еще более неопределенны и голословны. Из них видно одно, — что он широко пользовался запретительными полномочиями и жаждал еще больших, но дело от этого нисколько не улучшалось. Иначе не могло и быть. Здесь не было ни одного из условий, необходимых для успеха дела: цель не была выяснена; руководитель дела, не имея надлежащих понятий о русском иконописании, своими мероприятиями причинял ему только вред, сбивая его с

торного традиционного пути на распутья. Одновременно с Антроповым в ведении Синода состоял еще другой надзиратель: Мина Колокольников, а совсем в конце XVII в. — Логгин Шустов. И эти надзиратели вели дело в том же духе, как и Зарудный с Антроповым. И вообще, канцелярский формализм и неустойчивость воззрения на задачи иконописания — плохие спутники иконописного прогресса. Древние остоны русского иконописания были расшатаны в XVIII веке, а новые пути для него не открыты. В таком состоянии русская иконопись переходит в XIX в.

В тридцатых годах истекшего столетия вопрос о мерах к улучшению иконописания поставлен был русской духовной властью так широко, как никогда не ставился ни раньше, ни после. Потребованы с разных мест мнения сведущих заинтересованных в церковной иконописи лиц, уяснены были многие недостатки ее и намечены верные пути к их устранению. Мнений и соображений, касающихся существа иконописного дела, доставлено было в Синод очень много, и исходили они, большей частью, от епархиальных преосвященных. Не упоминая о каждом подробно, мы приведем кратко самую сущность этих мнений.

По согласным отзывам епископов, старая порядочность в иконописном деле оставалась во всей силе: были точные копирования с латинских образцов, была масса запрещенных Церковью изображений, заметно было господство старообрядческих тенденций, видна была и техническая небрежность.

Что касается мер к устранению недостатков и злоупотреблений в иконописи, то на первых порах заповедовались прежние, испытанные по своей бесполезности, это: запретить, отобрать, предписать, произвести строжайший досмотр и донести кому следует; все эти меры, равно как наблюдение за иконописанием и продажей икон, исходят теперь от духовенства: консисторий, благочинных, приходских священников; светские власти к содействию привлекаются теперь по требованию духовных лиц.

Было бы, впрочем, несправедливо утверждать, что этим и кончались заботы об улучшении иконописи. Немногие из сведущих лиц близко и верно подходят к практическому решению вопроса. По мнению некоторых епископов, в том числе и митрополита Филарета, частная продажа икон в лавках вместе с другими товарами должна быть запрещена. А епископ Тульский Дамаскин предложил организовать при городских церквях особые комитеты для продажи икон. Комитет, по его мнению, приобретает иконы у иконописцев по добровольному соглашению в стоимости, поручает продажу их ктиторами при главных храмах в городе; ктитория ведут реестры проданным иконам и дают отчеты епископу или консистории; населению же объявляется по епархии через духовенство, чтобы иконы покупались только в комитетских лавках. Так практически решался вопрос о продаже икон.

Гораздо важнее и серьезнее был вопрос о руководствах для иконописцев. Путь для его решения помечен был знатоками иконописи митрополитом Евгением Болховитиновым и епископом Минским Анатолием. Эти лица рекомендовали издать в руководство иконописцам печатные эстампы в красках с лучших образцов с необходимыми пояснениями касательно колорита, размеров иконы и пр. Эта прекрасная мысль (отчасти и донныне ждущая своего осуществления) намечала верный путь к практическому разрешению вопроса. К сожалению, она прошла незамеченной и совершенно затерялась среди канцелярской рутины и теоретических мудрствований.

Наряду с этой полезной мерой, некоторые епископы предлагали учредить классы церковной живописи при духовно-учебных заведениях и архиерейских домах, а Владимирский архиепископ Парфений признавал нужным существование иконописной школы во Владимире; для заведывания ею можно было бы воспитать одного из лучших местных (иконописные села — Холуй, Мстеры и Палеха) иконописцев в академии художеств; общее же наблюдение за школой должно предоставить, по мнению преосвященного Парфения, одному духовному лицу, которое осматривало бы все иконы и неискусно написанные не допускало в продажу.

Но все дело иконописного исправления, столь широко задуманное, неожиданно остановилось и сдано было в архив. Предположение же архиепископа Владимирского осуществлено лишь в XX веке. Из всего большого дела 30-х годов минувшего столетия дороже всего для нас то обстоятельство, что громадное большинство епископов рекомендовало для надзора за иконописанием учредить цензурные комитеты; комитеты эти имели обязанность следить за направлением иконописания в духе Православной Церкви и устранять всякие приращения к нему римско-католических, униатских и раскольнических тенденций. Конечно, вывод настоящей главы тот, что история иконописи и надзора за ней говорят ясно о необходимости надзора духовной власти, но непременно надзора, правильно организованного.

II

Представленный в первой половине нашего труда краткий очерк мер к улучшению иконописи и контроля за иконописцами на протяжении четырех столетий дает возможность видеть всем, что ненормальности в иконописи не были и не могли быть устранены. Состояние иконописного дела со второй половины XIX в. и до наших дней тоже говорит о недостатках и недочетах своих. Вот указания на эти недочеты.

«Представлен мне, — пишет от 25 августа 1850 г. митрополит Филарет (Дроздов), — пропущенный цензурным комитетом литографированный лист жития преп. Сергия. Не имея времени рассматривать его в

подробности, я заметил, однако, неправильности, противные церковному чину, искажающие историю. Над надписью «рукоположение преп. Сергия в иеромонахи» картина представляет преп. Сергия и архиерея, стоявших одного по правую, а другого по левую сторону. В чине рукоположения такого положения рукополагающего и рукополагаемого нет. Рукополагающий стоит пред престолом, а рукополагаемый по правую сторону престола в коленопреклоненном положении. Над надписью «Воскрешение отрока» представлен на картине отец отрока с гробом. История показывает, что отец нес сына больного к преподобному, что сын умер на пути, но отец по вере в преподобного не возвратился, а пришел прямо с мертвым к преподобному. Откуда же гроб? Разве отец знал, что сын умрет на пути и запасся гробом?»⁴ Правда, это замечание митрополита Филарета относится к литографированному листу жития преподобного и ничего не говорит о недостатках иконописи; но беда в том, что отсюда сюжет этот легко мог перейти и в церковную живопись, особенно для стеной росписи храма, посвященного преп. Сергию.

Тот же московский святитель пишет от 2 февраля 1859 г. обер-прокурору Св. Синода А. П. Толстому свое мнение о предложенных в руководство иконописцам так называемых иконописных святцах. «Иисус Навин (под 1 сентября) изображен в славянском шлеме. Св. пророк Захария (под 5 сентября) изображен в первосвященнической одежде; но поверх его мантия и на голове рогатая митра. В описании первосвященнической одежды в книгах Моисеевых нет ни красной мантии, ни рогатой митры, а на голове кидар с повязкой и золотой дщицей. И на древних святцах в лавре святой Захария не имеет рогатой митры; она нерассудительно заимствована от западных епископов.

Пресвятая Дева (икона Рождества Богородицы), только что рожденная, изображена уже сидящей на руке няни, или родственницы. Подле кресел балдахины с драпировкой или завесами и тут же городская стена: все это не в природе.

В изображении Воздвижения Честного Креста святитель держит малый крест на голове. Это несогласно с историей. Воздвигнут был для зренья народа всецело обретенный Крест, на котором распят был Господь наш.

Преставление преп. Сергия (25 сентября). Преподобный изображен лежащим во гробе, который стоит на земле, близ Троицкого собора, представленного в том виде, в каком он существует ныне. Преп. же Сергий скончался и положен во гроб, без сомнения, в келии. Непонятно, для чего бы он во гробе положен был на земле, где и могилы не видно. Нынешний же Троицкий собор построен по прошествии тридцати лет по кончине преподобного». Можно было бы привести мнений митро-

полита Филарета по данному вопросу много; но ограничимся этими, пойдем к иному свидетелю.

Вот что говорит один священник о замеченных им иконописных настроениях; относятся его замечания к концу 60-х годов прошлого столетия. В старинных сельских церквях нередко встречаются изображения нерукотворенного образа необыкновенной величины, с ликом колоссальных размеров. К числу подобных икон можно отнести образ, находящийся в нижегородском кафедральном соборе, принесенный из Суздаля и прославленный чудотворениями. Вот свидетельство. Нам нет нужды входить по поводу его в рассуждение о вкусе наших предков, а следует лишь заметить, что, вероятно, такого размера иконы назначались для большого расстояния, ставились на горнем месте или в глубине купола. Правильно же поставленная иконописная цензура справедливо потребует, чтобы такие иконы или вовсе не писались, или же ставились в перспективе отдаленных мест, потому что вблизи они не всегда производят то впечатление, на какое рассчитывает художник.

По замечанию Буслаева⁵, Христос-Богомладенец наших иконописцев обыкновенно больше походит на маленького взрослого человека, с резкими чертами вполне сложившегося характера, как бы для выражения той богословской мысли, что предвечный Младенец, не разделяя со смертными слабостей детского возраста, и в младенческом Своем образе являет строгий характер Искупителя и небесного Судии.

Разница в одеждах святых для наших немудрых иконописцев служит часто единственным средством отличать лики святых жен. В самом деле, присмотритесь к изображениям святых жен, вы не найдете среди них разницы в возрасте, нет среди них ни старых, ни молодых. Богоматерь у яслей вифлеемских и у гроба Спасителя часто решительно одинакова. Несообразность явная — тридцать три года не безделица.

Вольностям художников вообще открыт большой простор. Митрополит Филарет с прискорбием признает, что много погрешают неученые иконописцы в писании икон, но еще больше их грешат ученые живописцы, изображая лица духовных и святых людей с натуры весьма плотской. В Казанском соборе в С.-Петербурге есть портрет мещанина под именем ап. Павла, и это еще не самый худой пример. Сам же митрополит Филарет поручает наместнику Троицкой лавры исправить в соборном храме изображения: а) Страшного суда, где в аде написаны люди в мундирах с эполетами и журналист с торчащей из кармана тетрадкой; б) Святителя Николая, ударяющего Ария в ланиту, и в) самого Ария со злым духом на шее.

Переходим к нашим дням.

Есть икона — так называемая «Не рыдай Мене, Мати». Ее размер большой, вершков 12х20. Поясное изображение Богоматери почти в натуральную величину, в пурпурном одеянии со звездочками и каймой, с богатыми поручами; руки Ее сложены вместе; взор Ее покоится на лежащем во гробе Спасителе. Спаситель в одну восьмую натуральной величины лежит во гробе без плащаницы, но с опоясанием по чреслам; гроб не то каменный, не то деревянный, по форме совершенно таков, как наши. Несообразностей много; а между тем, внизу подпись: «от московского духовно-цензурного комитета печатать дозволяется. Москва, 29 января 1892 года. Цензор протоиерей Симеон Вишняков».

В церкви святого Павла исповедника при С.-Петербургском Александро-Невском духовном училище над жертвенником имеется образ Тайной Вечери. Здесь мы видим в сосуде виноград, на столе несколько хлебов, корзину с какими-то плодами, всего более похожими на наши груши, здесь же Иуда высыпает на стол свои сребреники. Можно бы было привести множество других примеров, где иконописцы показывают простое незнание с евангельскими событиями, но достаточно приведенных. Последнее, относясь, главным образом, к идущим в народ иконам, приводит к мысли о необходимости самой строгой цензуры для народной иконописи, для икон, изготавливаемых во множестве.

Тот же надзор имеет все данные для своего применения и к трудам художников-иконописцев. Почивший в Бозе Государь Александр III, утверждая проект новой стенной росписи великой лаврской церкви в Киеве, написал следующее: «Согласен. Надеюсь, что не будут слишком фантазировать».

Эти державные слова следует понимать, конечно, в ином смысле, как в том, что в иконописи и церковной стенописи следует строго держаться церковного предания и не уклоняться слишком в сторону новомодных требований светской живописи — требований индивидуальности, типичности и экспрессии, требований, часто резко тенденциозных и способных смутить религиозное чувство богомольца.

И нам кажется, не совсем прав проф. Н. И. Петров, когда находит, что в стенной росписи Киево-Владимирского собора сделаны значительные уступки современным течениям светского живописного искусства потому, что они именно в этом соборе имеют полное право на существование. Вот основания сему, по мнению проф. Петрова. С одной стороны, Киево-Владимирский собор есть храм новый, не имеющий за собой вековых священно-исторических преданий и, следовательно, в нем уместнее, чем в великой лаврской церкви, делать опыты применения мотивов современной светской живописи к священным церковным изображениям. С другой стороны, новая стенопись этого собора все-таки способна питать религиозное чувство известного класса людей, именно, людей с развитым эстетическим чувством, людей интеллигентных.

В настоящее время уже довольно ясно определился удельный церковно-общественный характер Владимирского собора с его внутренним и внешним убранством как храма аристократического, куда ходят не столько, или, по крайней мере, не только для молитвы, но и для эстетического созерцания и удовлетворения художественного созерцания. Вот сущность мнения проф. Петрова.

Нам кажется, что для удовлетворения художественного вкуса есть много иных средств и мест, каковы: музеи, картинные галереи. Православные же храмы никогда не могут и не должны ставить своей задачей удовлетворять исключительно потребностям эстетики, будучи прежде всего и непременно домом молитвы. Православная Церковь, далее, иконопись всегда назначала и ныне назначает не для удовлетворения художественного вкуса, а для благоговейного почитания ликов святых и для назидания верующих.

Затем, непонятен нам удельно-аристократический характер собора св. Владимира. Нам известно, что собор этот сооружен в память величайшего для русского народного сознания события — крещения Руси, и что храм этот охотно и непременно посещается нашими паломниками из простонародья. И, наконец, кто дал право проф. Петрову отрицать художественный вкус и эстетическое чувство у русского народа? Наше глубокое убеждение, что простой народ может и видеть, и судить о произведениях художников и иконописцев иногда правильнее интеллигентов. Ведь эстетическое чувство, вкус не приобретается воспитанием, а только образуется или искажается им; это — дар природы, нечто врожденное всем; а природа, как известно, никогда не давала никаких привилегий аристократам перед плебеями. Простое чувство простолюдина может иной раз лучше и точнее определить достоинство художественного произведения, особенно со стороны соответствия его иконописным традициям, чем забитое всяческими теориями разумение знатоков и тонких ценителей искусства.

Забвение простой истины, что картина — предмет эстетического наслаждения, а икона — предмет благоговейного почитания, часто приводит к печальным недоразумениям. Вот пример художественной картины на тему священноисторическую. На наших глазах один из представителей школы известного Репина, желавший взяться за реставрацию стенописей новгородского Софийского собора, изобразил на своем эскизе св. архидиакона Стефана в виде приземистого толстого сельского отца диакона, с красным мясистым носом, чересчур развязно размахивающего кадилом.

— Вероятно, многие из киевлян, — пишет тот же свидетель, проф. Петров, — помнят еще, как на одной из передвижных художественных выставок, бывших в Киеве, выставлена была картина известного, знаменитого в своем роде художника Ге, изображающая Спасителя в образе нищего, которому какая-то женщина только что подала чашу

студеной воды. Тип лика Спасителя тут реальный, схваченный, так сказать, прямо с натуры; а между тем он даже на выставочную публику произвел крайне тяжелое впечатление, так как лицо нищего, в контуре напоминающее лик Спасителя, запечатлено было какой-то забитостью и тупостью какого-нибудь реального нищего крестьянина.

Далее. Известный Репин не особенно давно выставил свою новую картину, на которой изображается искушение Христа от диавола в пустыне; внизу картины сделана надпись славянскими буквами: «иди за мной, сатано». Рассматривая это произведение, пресса обнаружила некоторое колебание в определении главной его идеи, и обратились за разъяснением к надписи. К удивлению, вышло так, что последняя для многих литераторов оказалась еще более загадочной. «Если мы взглянем на полотно, то пред нами является жалкая фигура Христа, скорее похожего на оборванного нищего христарадника, — передает свое впечатление от картины проф. Н. Н. Глубоковский, — и колоссальная фигура архибезобразнейшего сатаны. Такому Христу не только невозможно приглашать другого к следованию за собой, но едва ли легче и Самому сдвинуться с места. Это совсем не прекрасно, кроме разве того, единственно, что подобный реализм убивает сам себя...»

Указанные ненормальности в художественной церковной живописи вызывают к жизни надзор и контроль Церкви и ее представителей. При рассматривании художественных работ надзор этот, по нашему мнению, выразиться будет исключительно в оценке их с церковно-археологической точки зрения, то есть со стороны верности композиций и вообще художественных сюжетов древним иконописным преданиям — живописным и письменным. Это совершенно то же самое, чего в свое время домогался митр. Филарет в письме к графу Протасову. «Полезно было бы, — писал митрополит, — ограничить произвол и побудить живописцев, чтобы они, желая изобразить святого, смотрели, сколько можно, на его истинный образ, преданный древней иконой, или словесным описанием в книге священной, отеческой, исторической или археологической».

И нельзя сказать, чтобы разумные и справедливые требования деятелей Церкви совсем игнорировались служителями искусства. В декабре 1858 года митр. Филарет писал московскому военному генерал-губернатору графу Закревскому, что эскиз для запрестольного образа в храме Христа Спасителя «Тайная вечеря», составленный проф. Нефом, в церковном отношении одобрен быть не может. В сем эскизе представлен Христос Спаситель сидящим за трапезой, с десницей, положенной на трапезу, и с шуйцей, поднятой над чашей, с расположением перстов, взятым в то мгновение, когда они слагаются для благословения. Но благословение левою рукою неуместно. За трапезой сидят только четыре апостола, а прочие стоят. Это противно евангельскому повествованию. Трапеза на картине так мала, что при ней остается пустого места не более, как

для двоих. Следственно, из восьми стоящих апостолов шесть никогда не сидели за трапезой и не могли сидеть. Это опять противно евангельскому повествованию. По сию сторону трапезы, направо от Господа, сидит, конечно, Иуда с крепко сжатыми кулаками. Нельзя представить мысли, которую бы Иуда побужден был, сидя за священной трапезой, принять такое положение. В результате на место «Тайной вечери» запрестольным образом в храме Христа Спасителя явилось изображение Рождества Христова, согласно церковному песнопению «Дева днесь».

То же имело место при росписи стен великой лаврской церкви в Киеве проф. Верещагиным. Представители церковно-археологического общества проф. Н. И. Петров, В. В. Завитневич и др. рассматривали часть работ проф. Верещагина еще до заключения условий последним с духовным собором лавры. Они указали при этом на некоторые отступления от установившихся типов и норм церковной живописи, и Верещагин охотно согласился устранить эти отступления.

До сих пор у нас велась речь о необходимости контроля духовной власти над широкой областью церковной иконописи, при этом исходным пунктом для нас служили данные исторические и факты наличной действительности. Покончив с этим, нам хочется привести теперь некоторые чисто теоретические соображения в пользу цензуры за иконописью. Прежде всего к этой мысли естественно ведет высокое понятие и воспитательное назначение иконописи в Православной Церкви; к ней же приводит необходимость оградить себя от укоров старообрядцев, от насмешек иноверцев и от влияния их на нашу иконопись. В конце концов, заметим, что правильно поставленное дело контроля за иконописью нисколько не стесняет так называемой художественной свободы.

Поскольку труд изучать и изображать созданного по образу Божию человека несравненно выше смиренного копировщика остальной природы, в той же мере, если не больше, живопись религиозная, церковная выше и благороднее других отраслей живописи: пейзажной, исторической, портретной и др. По преимуществу художник тот, кто стяжал себе завидный удел изображать лики людей, просиявших неземной мудростью, благочестием и добродетельной жизнью. Высшая задача искусства изображать святых, то есть людей, в коих вся низменная, грязная, животная сторона человека подавлена, а те качества духа, которыми человек наиболее уподобляется Богу, сияют во всей красоте своей. И эту-то задачу берет на себя церковная живопись.

Иконописцы никогда не должны забывать исконную черту русского народного воззрения на икону; будучи предметом религиозного почитания, она служит одним из лучших учительных средств для народа; икона для неграмотных людей, по мнению св. Иоанна Дамаскина, то же, что книга для грамотных; для слуха слово, а для зрения икона.

Мы имели возможность видеть, что потребность в согласии иконописи с высотой ее задачи, с данными истории и археологии прямо ведут к необходимости церковного надзора за иконописью. Полумер в деле столь высокой важности, как церковная иконопись, должно всячески избегать.

Большое и сложное дело упорядочения иконописи, по нашему мнению, не может быть осуществлено, далее, без близкого активного участия в нем православного духовенства. Бояться, что среди духовенства не найдется достаточного числа компетентных лиц, не следует. Само духовенство имеет достаточную теоретическую подготовку к тому, чтобы уметь сознательно разобраться в этом трудном и сложном деле. В преимущественной мере можно это сказать об умершем в сентябре валаамском иконописце, управлявшем художественной мастерской в валаамском монастыре около четверти века, отце Алипии. В новом Валаамском соборе и в скитах есть много работ покойного, производящих глубокое впечатление. Влияние иконописца признается громадным, так как Валаам — учитель иконописи на весь русский север. О. Алипий ученик Академии художеств. На одной из академических выставок работы его, уже в ту пору монаха, были удостоены первой награды за композицию. Его место занял ученик Академии художеств, тоже инок. Еще недавно саратовская консистория, сообщая к сведению причтов, старост и попечительств об открытии в Саратове мастерской живописи одним лицом, окончившим курс Академии художеств с отличием, вместе с тем заявляет, что епархиальному начальству желательно, чтобы в церкви приобретались иконы искусного письма. Если же мы примем во внимание, что при многих русских монастырях мужских и женских (Дивеево, Борисовка Курской губ., Воскресенский Новодевичий) есть иконописные иконы и мастерские, то боязнь за духовенство и монастыри много теряет в своей силе.

При организации контроля за иконописным делом приходится еще считаться с старообрядчеством, с одной стороны, и с новым расколом южного происхождения, штундизмом. Еще во время Симона Ушакова, вопреки его разумно эстетическому направлению, в иконописи выработалось особое направление, так называемая клинцовская живопись. Кроме выше отмеченных особенностей ее, характерным для этой живописи признаком является копирование с готовых старых образцов. Образцы эти нередко сомнительной древности и невысокого достоинства; вся задача клинцовской школы сводится к тому, чтобы передать в копии не только достоинства, но и недостатки оригинала, ибо древняя икона есть святыня и изменять ее формы, даже мелочи нельзя и в копии. Разумеется, взгляд этой школы узкий, рутинный и далеко небезопасный, поскольку в него вносятся старообрядческие тенденции и произвольные мудрования ума, непричастного научной дисциплине. Понятно отсюда, что живопись эта нуждается в сдерживающем контроле. А между тем, икон этой школы изготавливается очень много, расходятся они и среди православного насе-

ления. Вот новое побуждение, почему изготовление и распространение их должно быть подчинено контролю духовной власти, который здесь естественно должен быть усилен в видах охранения чистоты православного иконописного предания и защиты его от чуждых лжетолкований. Не менее необходим этот контроль в виду тех упреков, что посылают старообрядцы по адресу нашей иконописи, уличая наших иконописцев в пристрастии к западу и усматривая в нем отпадение от веры, никонианство. В то время как старообрядцы склонны находить в православной иконописи новшества, штундисты-иконоборцы не оставляют без внимания каждую мелкую историческую неточность или незначительный технический недостаток на иконах. Приходится слышать, как на ярмарках юга и центра России они смеются над православными, указывая, что последние кланяются разным Христам и различным Богородицам (до такой степени несходно изображают небрежные иконописцы пречистый Лик Спаса и Богоматери!). Невольно при этом приходит на мысль, что в свое время Висковатого смущало различие переводов иконы; он желал бы «писать иконы одним образцом чтобы было несоблазненно, а то в паперти одна икона, а в церкви другая, тоже писаное, а не тем видом».

Ничего, кроме пользы для дела, не вышло из того, что доселе Библия и церковно-богослужебные книги изъяты из области частной книгопродавческой предприимчивости и издаются исключительно Св. Синодом в собственных типографиях. Но тут все сводится лишь к точности типографского повторения, а для сего нужна просто безупречная корректура. Совсем не то в искусстве, где даже копирование непременно бывает свободным и индивидуальным, а творчество всецело зависит от автора. Тут шаблон немислим и невозможен, почему обязательно позаботиться, чтобы свободные произведения творческого духа человеческого в области иконописи соответствовали своим высоким целям учения, назидания и вдохновения церковно-религиозного, исходящего от Церкви и регулируемого ею во всех проявлениях.

Для полноты очерка нам остается уяснить частный вопрос: не стеснит ли церковный контроль свободу художественного творчества? Отвечаем: нисколько. Предлагать цензуру и необходимость иконописцам и живописцам следовать и справляться с подлинниками и лицевыми святынями никогда не значит сковать свободное творчество художников, заставляя их изображать по писанному. Наоборот, художнику развитому, с природным вкусом и даром творчества эти руководства послужат только пособием, необходимой справочной книгой, и нисколько не будут связывать его творческого воображения. Смирным же уездным иконописцам, которые работают в провинциальной глуши, было бы лучше не распускать паруса воображения, строго держаться берегов, копируя с хороших образцов, даваемых святынями и иконописными подлинниками. По мнению проф. Покровского, древняя византийская иконопись до

эпохи упадка и древнерусская иконопись удовлетворительно выражают воззрения Православной Церкви. Отсюда и наша современная иконопись должна в этом источнике древности искать для себя руководственных указаний, и личный художественный произвол должен быть подчинен авторитету предания, как выражению высшего церковного разума. Требование это не исключает сполна участия личного чувства художника в деле; элементы субъективный и объективный допускают взаимное гармоническое сочетание как в церковной поэзии, так и в художественной живописи. Мы далеки от мысли заставить современных художников и живописцев копировать прямо с древних образцов. В памятниках древности встречается множество таких, которые, при всей их важности для истории искусств, не могут служить образцами для подражания. Правильно поняв и оценив данные древней живописи, современный художник всегда сумеет дать изображаемому лицу особое выражение, разнообразить монотонные фигуры события, оживить их исторической мыслью. Митрополит же московский Филарет эту мысль изображает на примере. «Объяснимся, — говорит он, — о позволенной и непозволенной церковному живописцу свободе примером. Крещение Господне обыкновенно изображается в Православной Церкви так: Христос Спаситель стоит в водах Иордана; Креститель, стоя на краю берега, простирает руку на главу Спасителя. Если бы кто вздумал изобразить Крестителя, возливающего воду на Спасителя из сосуда, — сего не должно было допустить, потому что это несогласно с Евангелием, и есть латинское изобретение, ищущее оправдание обычаю обливательного крещения. Но если бы кто вздумал изобразить Спасителя, по погружении выходящего из воды, над ним, в отверстых небесах, Святаго Духа в виде голубя, а Иоанна благоговейно взирающего на небесное явление, не было бы причины осудить такое, без руководства подлинника, свободно составленное изображение, как согласное с Евангелием: только бы в изображении лиц не было противного преданию, или несообразного с идеей священного изображения». Под этими строками, без сомнения, охотно подпишется самый свободный художник.

Ведь, по существу своему, иконописный подлинник представляет из себя полную энциклопедию иконописного дела. Он указывает формы изображений сложных и единоличных; он же содержит в себе массу сведений по иконописной технике; так смотрели на дело древние иконописцы, и этот взгляд должен быть признан единственно правильным.

Известно, что древние подлинники — Строгановский и Антониева Сийского монастыря (оба XVII века) составлялись самими иконописцами; в этих подлинниках, особенно Сийском, трудолюбивые иконописцы сообщали все сведения, заимствованные из предания и практики отцов и дедов иконописного дела. Чернец Никодим (впоследствии архимандрит), составитель Сийского подлинника, с любовью собирал воедино

разрозненные листы изображений, написанных на одни и те же темы иконописцами разных мест и времен. Вот почему в Сийском подлиннике мы находим снимки с икон, приписываемых евангелисту Луке, митрополиту Петру, царю Мануилу, Симону Ушакову и другим.

Первоначально подлинники предназначались для тесного, небольшого кружка лиц, для одной какой-либо иконописной школы, или мастерской; с течением же времени они получали все большее и большее распространение, проникали во все иконописные мастерские, делались необходимыми, настольными книгами и естественным руководством. Они давали иконописцу твердое основание и авторитетное указание по разным занимающим его вопросам. Нужно ли было ему знать, какие иконописные типы и композиции должны быть приняты в практике — он находил прямой и ясный ответ в подлиннике. Затруднялся ли он, как варьировать одни и те же композиции — подлинник приходил к нему на помощь. Хотел ли он знать, насколько близко отстоят его композиции от древних художественных прототипов — он находил это в подлиннике. Судить о самом достоинстве своих работ ему было возможно, сравнивая их с данными подлинника.

Понятно само собой, что всякий иконописец не будет искать в лицевом подлиннике детальной отделки и полной законченности; в подлиннике он не найдет раскраски и растушевки фигур, в нем и самые цвета лишь изредка намечаются. Естественно, что образцы подлинника могут быть вполне пригодными только для опытных иконописцев, хорошо знакомых со всеми приемами иконописного дела. И не будет ничего удивительного, если два иконописца с неодинаковыми вкусами и разным техническим умением, пользуясь одним и тем же образцом подлинника, напишут две неодинаковые по своим достоинствам иконы, но всегда один напишет лучше, а другой — хуже.

Однако, повторяем, ни один подлинник не должен иметь притязаний на деспотическую роль в искусстве церковной живописи; многое должно быть предоставлено художественному вкусу и умению иконописца, а подлинник должен только давать ему советы и служить руководством. Из древних подлинников можно смело рекомендовать Сийский: лучшим его достоинством следует признать иконографическое разнообразие и полноту, к тому ж, и время происхождения его совпадает с эпохой полного расцвета русского иконописного искусства.

Очерк был издан отдельной брошюрой в 1905 году в Санкт-Петербурге с подписью «Иеромонах Дамиан». Электронная версия опубликована на сайте «Богослов.ру».

Слово на торжественном Всенощном Бдении в Богоматерской церкви 2 августа сего года накануне великого крестного хода из Смоленска на Бородинское поле

*«Даждь нам, Господи, память сего славного Твоего посещения
тверду и непрестанну имети в себе,
яко да в Тебе утверждени сыновним страхом,
и верю, и любовию, и Твоею крепостию ограждени, выну,
якоже днесь, поем и славим имя святое Твое».*

(Из молитвы умиления на молебном пении в день Рождества Христова)

По необъятному простору русской земли началось уже в разных местах столетнее воспоминание («память») грозного и славного посещения Богом нашего Отечества в 1812 году. Там вспоминают вступление неприятельских армий в пределы России, в другом месте приводят себе на память переходы Наполеоновых войск через реки, занятия ими русских городов, здесь вспоминают движение и соединения наших армий, там вспоминают отдельные битвы и подвиги русских героев великого года Отечественной войны.

Среди этих разноместных и, по-видимому, разнородных воспоминаний есть нечто общее. Это общее — чувство любви к родине и живая вера народная, столь ярко, как никогда, проявившаяся в эти дни. Всюду вспоминают теперь русские люди столетие всеобщего небывалого подъема высокого патриотического чувства. Того чувства, которое мощно сплотило в великие исторические дни в одну дружную согласную семью крепостного человека и помещика, воина и его командира, пастыря и его паству — а всех русских людей соединило с благословенным Царем и Отчизной. И эта русская любовь к родине не похожа ни на какую другую. Она чужда рассудочности холодной, в ней нет расчетов, она вся в ощущении, вся в чувстве,

вся в решимости. С одного конца России до другого она, словно молния на небесном своде, проявлялась в те дни одинаково. Все твердо тогда решили бороться до конца, не щадя своей жизни и имущества, все принести на алтарь Отечества, лишь бы Россия была спасена. Эти же чувства, ту же святую решимость, те же тревоги переживали и смоляне в 12 году.

Для нас в настоящие дни памятно столетие грозного вторжения Наполеона с его полчищами в пределы Смоленского края и славная геройская защита города в дни 4 и 5 августа. Особенно же памятен для нас ратный подвиг Царицы Небесной, в храме которой мы ныне собрались вознести похвальные и благодарственные пения Нерушимой Стене нашего Царства. Сто лет назад сей чудотворный образ Богоматери был свидетелем всех грозных, печальных и радостных событий, разделяя с нашими войсками все ужасы 12 года. И многое может поведать Богоматерь верующей душе. Душе, имеющей христиански настроенное воображение и привыкшей молитвенно беседовать с Пречистой.

Поведает Богоматерь этой христианской душе, где, у кого находило в те дни успокоение нежное сердце любящей супруги, когда она получила весть, как с оружием в руках, с крестом на груди и в сердце пал жертвой любви к Отечеству ее достойный супруг. Поведает верующей душе Богоматерь, кто отирал тогда слезу со скорбного лица отца и особенно матери, когда они узнавали, что сын их, опора старости, геройски пал на поле кровавой брани. Поведает, кто утешал их мыслию, что, хотя сын их недолго жил, убит в цвете юности, однако довольно жил для отчизны, довольно — для своей чести. Не посрамил и чести родительской. Что, хотя и не достиг он высших почестей на земле, но за то уготовал себе венец на небе.

Поведает и нам Богоматерь, как сто лет назад у стен древнего Смоленска и на славных полях Бородинских русские воины, подходя к нашему чудотворному образу, расстегивали мундиры свои и, снимая с креста или образка последнюю монету свою, отдавали ее на свечи. Поведает нам Богоматерь, какой могучий огонь святой решимости горел в их глазах, сколько таилось в сердцах их живой веры в Божию помощь, в заступничество Царицы Небесной, как велика была надежда их на победу, как тверда была их готовность победить, или умереть. Каждый воин в те великие дни отходил от нашего чудотворного образа как бы обновленным, с новыми неизведанными силами. Отходил вдохновенным и готовым к бою, готовым умереть за свою родину, душу свою «положить за други своя», чтобы спасти целостность государства, сохранить величие и славу народа, дабы познали враги, что русские — это язык избранный, люди Божии, что Россия есть страна, покровительствуемая самим небом.

Поведает нам Богоматерь с сего чудотворного Лица, как сто лет назад, 6 августа, воздвиглась Пречистая с этого храма, как Она ходила с войсками нашими в самый трудный период кампании в течение трех

месяцев, поставленная на передок отдельного зарядного ящика. Как совершила Она ряд походов с войсками третьей артиллерийской бригады, доколе не был сокрушен рог врага лютого, доколе не изгнан был из Смоленских пределов непобедимый дотоле Наполеон.

И крепко верили тогда русские люди, верим и мы ныне, что это-то присутствие Богоматери среди воинства русского, это Ее сопутствие ратным ополчениям нашим больше всего укрепило тогда воинов русских поразительным мужеством и непреодолимой твердостью стать и устоять на полях Бородинских. Известно, что накануне Бородинского боя, 25 августа, Кутузов в виду всего войска приказал принести наш чудотворный образ, отслужить пред ним молебен. Поклонившись до земли, приложился седой фельдмаршал святому образу, долго-долго не отрывал своей головы от иконы. За ним последовали генералы, офицеры и солдаты. Знаменательно, что в это время Кутузов увидел над дивным образом Богоматери вьющуюся птицу и предсказал победу. Хорошо быть ученым, но еще лучше быть опытным, знать человеческое сердце, ведать все изгибы солдатской души. Ученик великого Суворова, старый Кутузов отлично знал душу русского солдата, он имел этот редкий военный опыт и своим предсказанием в этот тревожный, решительный час возбудил бодрость в душе солдат.

На равнинах Бородинских накануне битвы был, можно сказать, главный подвиг нашего образа Богоматери, главное знамение милости Божией через этот образ. И напоминает этот подвиг Смоленской иконы спасение Руси от татар в 1395 году от образа Божией Матери Владимирской, когда грозный Тамерлан, вполне готовый к бою, никем не сраженный при одном виде царственной Жены, грозящей ему своим скипетром, поспешно отступает со своими дикими полчищами от Москвы. Вспоминается и спасение той же царственной Москвы, нашей твердыни, от поляков 1612 году при явном заступлении Богоматери в лице Ее Казанском. И чтит святая Русь наравне с Владимирской и Казанской иконами и наш дивный лик Богоматери Смоленской.

После сего ратного подвига Богоматери сто лет Ее чудотворный Лик хранится в Смоленске в этом храме и благоговейно почитается всеми, а всего с лишком 300 лет Смоленск имеет у себя этот образ. Десятки поколений сменились за это время, а Богоматерский образ стоит нерушимо. И сколько за эти три столетия, а особенно за последние сто лет, сколько горячих материнских слез молитвенных за дорогих детей, то в немощах лежащих, то на брани сущих, то путешествующих, то страждущих и обремененных жизненными невзгодами — зрела Царица Небесная в этом храме, любвеобильно взирая с сего образа на скорбных матерей земли? Сколько предотвращено за эти 300 лет общественных бед и напастей сею чудотворною иконою? Сколько горя и радости принесено к ее подножию? Сколько пролито благодарных слез умиления в этом благословенном храме? Сколько успокоено и облегчено верующих душ,

подавленных скорбями и печалью, а иногда близких к отчаянию? Сколько тяжких вздохов покаяния и сердечного сокрушения о грехах кротко выслушала Богоматерь у этого дивного образа? Сколько последовало от него исцелений телесных и душевных?

Поистине, наша родная и отечественная святыня — этот чудотворный образ Богоматери, как любящая мать родная, защита отечества и града нашего, утешение во всех скорбях и радостях, в болезнях и благополучии, в безнадежном отчаянии и в светлом уповании на Бога. Вот почему во всякую службу церковную вы видите в этом храме, как душой стремятся к дивному образу и юные дети, и зрелые мужи, и тихая старость. Как охотно идут сюда богатые и убогие, господа и слуги, матери и дети. Все жаждут освятить и подкрепить себя у дивного образа Божией Матери.

И вот завтра торжественным крестным ходом Заступница наша грядет на поля Бородинские для общерусского поклонения. С Ее священным, спасительным, почитаемым Ликом смоляне на время должны расстаться. Для набожного усердия к Богоматери, конечно, не радостна мысль даже о временной разлуке с Ее Ликом. Но эта мысль не может и не должна смущать нашего сердца, не может и не должна поколебать нашей веры. С нами остается первоначальный чудотворный Лик Божией Матери, хранимый в Соборе. И настоящий образ, памятный по 12 году, после всероссийских торжеств снова узрим в Смоленске. Богоматерский образ оставляет смолян на время. Среди нас Царицей Небесной сделано многое, весьма многое по вере нашей. Необходимо в эти юбилейные дни, чтобы она возвеселила Чудотворным образом Своим и прочие грады и веси. Необходимо, чтобы в столетие Бородинского боя зрели Пречистый Лик Божией Матери светлые очи Царя нашего. Необходимо, чтобы принесли Ей там свои благодарные мольбы представители нашего христоролюбивого воинства.

Посему пусть не смущаются, а скорее радуются сердца верующих смолян о сем временном отшествии от нас Богоматерской иконы. Ведь и по существу, вера живая и истинная любит жить не столько в видимом и осязаемом, сколько в невидимом и духовном. Для духа же, как известно, не существует пространства и расстояний. Он обитает там, где находится предмет его поклонения и любви. Посему, если мы во истину любим Богоматерь, если мы крепко верим в Ее заступление, то всегда духовно будем с Нею, как бы далеко ни находился от нас Лик Ее. Наш долг, наша святая обязанность сопровождать Ее отходящую и встречать приходящую. И, надо признать, что этот долг и обязанность легки и приятны: ибо это неотразимая потребность благодарного сердца. Это должно быть с нашей стороны слабою данью Царице Небесной за Ее, так сказать, сожителство и пребывание с нами в чудотворном Лике Ее, за Ее бесчисленные милости к нашему граду.

Ободренные и успокоенные этими мыслями, с миром изыдем завтра вси на сопровождение образа Божией Матери; изыдем все, несмотря на возможную непогоду, на возможность дождя, который стучит сейчас по крыше этого храма. Кто знает, не испытывает ли Богоматерь этим нашего усердия к Ней, не хочет ли знать меру нашей к Ней веры? Изыдем же вси и, воздав заступнице нашей прощальное на этот раз поклонение, рцем вси из глубины души: «Мати Божия! Сто лет назад Ты защитила нас и всю святую Русь от врагов многочисленных. Слава за сие Твоему милосердию! В годину крайней для нашего отечества опасности Ты, Пречистая, сплотила всех верных сынов России крепким союзом любви. Зриши, Милосердая, поколебалось ныне это святое единство в стране нашей, поколебалась верность сынов России отеческому православию, забываются добрые заветы отцов и дедов. И ослабела ныне Русь. Не остави же нас, Надежда наша, своею крепкою помощью, объедини нас, как сто лет назад, любовью к вере отеческой, к Царю — Божию помазаннику и милому отечеству. Сохраняй, Пречистая, Русь святую, храни град наш и живущих в нем, паки гряди в Смоленск и вселися среди нас в чудотворном Лике Твоем!»

Взывая так к Богоматери, не забудем, русские люди, что только нравственный подвиг возрождения спас Россию в 1812 году. А этот подвиг невозможен без всецелого обращения к оставленному нами Богу, к Его святой Церкви, к евангельским заветам. Русские люди в 1912 году должны вспомнить и правильно оценить знаменательные события 1812 года и в связи с этими великими воспоминаниями должны проникнуться и великими заботами.

Тверду и непрестанну имея память грозного посещения Божия в 1812 году, мы призываем воспитать в себе страх Божий, веру и любовь и ни на минуту не забывать, что, как сто лет назад, так и теперь, и всегда в эпоху общей опасности, Русь может быть спасена, пойдет верным путем к величию и славе только всенародным напряжением всех лучших своих сил, а более всего милостию Божиею и заступлением Царицы Небесной! Аминь.

Смоленские Епархиальные Ведомости, 1912 г. №15.

Слово пред изнесением образа Смоленской Надворотней иконы Богоматери из Спасо-Бородинского монастыря 27 августа 1912 года

Были некогда дни у израильтян, когда велась у них война с филистимлянами. Это было время Судей (1 Цар. 4.3–11), когда первосвященник Илий был и гражданским правителем народа, разделяя власть с двумя сыновьями своими. И выступили израильтяне в сражение с филистимлянами, и понесли поражение, потеряв на поле брани до 4 000 человек.

Потерпев неудачу, скорбные израильтяне порешили вновь выступить против врагов. А дабы иметь верный успех в битве, порешили взять с собой на ратное поле национальную и церковную свою святыню — ковчег завета. И взяли они ковчег завета из Силома, говоря: «пойдет он среди нас и спасет нас от руки врагов наших». Но не судил Господь осуществиться этой надежде Израиля. Правда, филистимляне, слышав крики и ликования в стане израильском, вначале смутились и утрашились, но все же решили вступить в бой и вновь поразили израильтян. И побежал каждый воин израильский, уцелевший на поле брани, в шатер свой. Поражение было столь велико, что 30 000 израильтян пало на месте, и самый ковчег Божий взят был в плен филистимлянами.

За что же постиг израильтян гнев Божий? Отчего присутствие в стане их великой святыни не помогло им, когда так надеялись, что с этой святыней поборает за них Сам Господь Сил? Столь печальная участь постигла их за нечестие правителей его, за мздоимство сыновей Илия и за неверие, жестоковейность самого народа. Таков уже закон высшей правды, не раз осуществлявшийся в истории народов земли. Когда подорвана самая основа царства — вера народная, когда иссякает «семя правды» — причина «стояния его», тогда не спасают народ даже вековые святыни его. Так не помог древнему Израилю в

его борьбе с филистимлянами и ковчег Божий — та святыня, что служила видимым знаком пребывания Бога с народом своим.

Не то было с новым Израилем — со святою Русью — сто лет назад. Благоверный и благословенный православный Царь с верным народом своим вел, можно сказать, мировую борьбу не с одним народом, а с просвещенными народами всей Европы, предводимыми всемирным завоевателем. И казалось, все предвещало конец царству нашему: и безмерное превосходство сил неприятельских, и славный боевой победный опыт войск Наполеоновых, и разбросанность наших армий, и тот ореол непобедимости, коим окружен был сам Наполеон, и, наконец, бранные успехи его уже в пределах нашей земли.

Но Господь судил иное о царстве нашем. Он призрел на скорбь нашу и на потребление царствующего града, в немже от лет древних призывалось имя Божие (молитва на Рождество Христово). Господь благоволил еще раз явить миру, что не от множества войска бывает победа на войне, но с неба приходит сила (1 Мак. 3.19). Господь призрел на благочестие благоверного и благословенного Императора, призрел Он с небесе святого Своего и на веру народа, на его верность и преданность Церкви, на его любовь к Царю и Отчизне, и подал им Свою непобедимую силу. И вот новый кивот Божий, святыня Нового Завета, сама Богоматерь в чудотворном образе своем Смоленском грядет, спешит на помощь ратным русским людям из опустошенного уже Смоленска на Бородинское поле, где произошло тогда сражение самое кровопролитное и решительное. Богоматерь грядет с войском, дабы подкрепить, утешить воинов, уверить их в конечном торжестве русского дела, нашего оружия.

И ныне, сто лет спустя, пришла на Бородинские поля Богоматерь из Смоленска. Только теперешний путь Ее совершен при другой обстановке, чем сто лет назад. Правда, и тогда, и теперь Богоматерский образ следовал как раз по пути отступления нашей армии, усыпанном костями своих и чужих воинов. Но тогда шествие людей по этим полям и дорогам сопровождалось канонадой пушек. Сама смерть витала на этом пути. Теперь на расстоянии всего пути в 250 верст одни звуки молитв несутся к небу. При дивном молчании природы только в городах и селах гремит колокольный радостный «красный» звон, столь знакомый и приятный русскому слуху.

Тогда, при отступлении наших войск от Смоленска, население бежало в ужасе. Толпа, таща на себе свой скарб и падая ниц пред дивным образом, умоляла о спасении и помощи. Женщины, дети, старики — все рыдали. Громко провозглашал тогда священник «вечную память» убитым. Молодая женщина, писал очевидец, с грудным младенцем своим отчаянно бросилась пред образом и кричала: «Матушка, Царица Небесная, за что Ты нас покинула?»... Ныне

Владычица шествует торжественным крестным ходом, несомая верным народом своим, шествует Московским большаком. Много старинных хоругвей с почерневшей уже парчей, много новых хоругвей, сверкающих яркой позолотой, несут впереди образа Богоматери. Но среди хода мало заметны и хоругви — эти знамена воинствующей Церкви. Плывет, шествует над головами верующей толпы одна священная хоругвь русской армии, Смоленская икона, размеры которой представляются особенно грандиозными. Величественный, вместе и благостный лик Владычицы, а равно вдохновенный взор благословляющего Младенца, обращены к необозримым нивам, лесам и лугам. По обе стороны дороги склонились большие раскидистые, столетние березы. Они, эти березы, и сто лет назад жили, как живут теперь, созерцая и осеняя своими ветвями и бранное и мирное шествие Владычицы. Трогательно видеть, как женщины, иногда с малыши детьми, желая милости и осенения Богоматери, склоняют свои головы, проходят под носилками образа. При этом во время дождя они чуть ли не падают в грязную воду, а над ними плавно проходит чудотворная икона.

Тогда, в 12 году, образ Смоленской Богоматери несли по пути, обильно политом русской и вражеской кровью. Несли его утомленные дневными переходами русские солдаты на отдельном зарядном ящике синего цвета. Ныне в городах и селах путь Владычицы усыпают цветами и зеленью, население не жалеет своих роскошных цветников. Выносят столы с хлебом и солью, украшают сами носилки простыми и расшитыми полотенцами и деревенским, ручного изделия, холстом. Там устраивают зеленые арки из ельника, в другом месте на арке среди зелени висит сноп ржи — символ мирного крестьянского труда. В числе несущих много женщин, но молодых девушек больше всего. Они помогают нести иконы, хоругви. Они звонкими молодыми голосами славят Невесту Невестную, величают Заступницу усердную рода христианского особенным, за душу хватающим напевом. Несущие идут в тишине и благоговении, помня, Кого они несут. Им незнакомы ни усталость, ни страх пред дождем и грязью. И проливной дождь нисколько не мешает свободному проявлению народной веры. Слышатся выражения восторга, видны непритворные слезы умиления, нередко слышатся и рыдания. Но трудно сказать, что плачет — горе или радость.

И чувствуется неволью при этом торжественном великом крестном ходе с образом надворотней иконы Смоленской Божией Матери, что с Нею идет сама святая, еще серая Русь, что эта верующая Русь возле своего Божества, возле своей вековой Защитницы и Путеводительницы. И неволью же приходит на память одно дивное церковное песнопение. В нем Церковь победно и пророчески зыва-

ет, что «к одушевленному Божию кивоту, к Деве Марии Богородице, пусть не касается дерзновенно рука скверных». Всякая к сему попытка будет погибельна для дерзновенных, как печален был для французов в 12 году их поход на Русь и ее святыни. «Уста же верных» сынов и дочерей теперешней России «пусть немолчно взывают» Нерушимой стене нашего царства: «Истинно вышши всех еси, Дево чистая!» Аминь.

Смоленские Епархиальные Ведомости, 1912 г. №17.

В лоно Церкви

(Из современной церковно-общественной жизни)

Народ наш после угара 1905–6 годов уже отрезвляется. Есть признаки религиозного выздоровления и русской интеллигенции. Всякий раз, когда бываешь в храме в какой-либо праздник, то невольно поражаешься массой народа, которая наполняет его. И вспоминаешь то недалекое прошлое, когда пустовали храмы Божии, когда всеми правдами и неправдами отвлекали простой народ от богослужений, нагло издеваясь над святынями Православия. И приятно бывает видеть теперь, что наш народ не успели обмануть ни темные силы врагов Церкви, ни проповедь революционной пропаганды. Но вместе с тем как-то невольно вспоминаются и интеллигенты. Хоть в храмах их немного по-прежнему, тем не менее, становится заметным возвращение их к более чистым идеалам. Сердца интеллигентов уже готовы воспринять в себя семена чистой религиозной жизни и обещают принести богатую жатву. Нам думается, что начинается, наконец, выход из тюрьмы нравственной, из этого тупика религиозного, в который была ввергнута наша интеллигенция событиями последних лет. Она желает заполнить свою пустоту. Некогда «в стране далече» сын понял, что он погибает; он уже стал питаться «от рожец, что ели свиньи». Но он вспомнил о здоровой и целебной пище в доме Отца Небесного. И ужаснулся он своей слепоты и с раскаянием пошел «в объятия Отча». Это происходит ныне с нашей интеллигенцией: и она вспомнила забытого ею Христа, благодатную пищу в Его Церкви и готова, видимо, принести повинную...

Напрасно учитель нашей интеллигенции граф Толстой учил, будто Церковь Православная лишена внутренней духовной силы, что она неспособна руководить жизнью народа, что от нее ничего не осталось, кроме храмов, икон, парчи и колоколов. Нет, в Церкви Православной осталось все необходимое к животу и благочестию. Сохранена в ней живая связь со Вселенской Церковью, назданной на основании апостолов и пророков, при краеугольном Камне — Христе. Сохранилось в ней преемство апостольского служения. Живет в ней вера,двигающая горы. Действуют в ней спасительные Таинства Святого Духа. А посему есть Христос в Православной Русской Церкви, есть в ней жизнь во Христе. Наша Церковь по-прежнему остается источником духовной жизни, очагом света и тепла для холодного мира, орудием Царства Божия на земле.

Правда, в Церкви есть храмы, иконы, парча и колокола. Но не слагается ли из всего этого то дивное по красоте, возвышенности и величию богослужение, которое так приводило в восторг наших предков (припом-

ните послов Св. Владимира в Цареградской Софии) и ныне восторгает, умиляет и трогает даже иноверцев и неверующих? Не сам ли Толстой дал доказательства этому на многих страницах бессмертных своих произведений («Война и мир», «Детство» и «Отрочество») художественным изображением могущественного действия православного богослужения на душу человеческую в горе и сомнениях, в скорби и унынии?

Жива в Церкви Русской и вера,двигающая горами. Есть в ней и народ, движимый этою верою. Главным образом, простой русский сельский народ, с его Гришами юродивыми, Каратаевыми и другими живыми людьми, от соприкосновения с которыми оживали для веры Левины, Пьеры и другие интеллигентные мертвецы Толстого. А народ этот с этой своей верой дан никем иным, как Православной Церковью. Ею он рожден, воспитан. Действием живущей в ней божественной силы он сохраняется... Не этой ли силой собираются воедино народные массы, бесконечной волной приливающие к гробницам преподобных, к монастырям и святыням народным? Что объединяет верующий народ в огромную живую силу возле имени о. Иоанна¹ на его свежей могиле, как не эта внутренняя духовная мощь Церкви? Что влечет на поклонение, на панихиды к Святителю Иоасафу в Белгород, как не живая связь народа со Святителем, почившим полтора столетия назад?

Пример того, что творится в настоящее время с нашей интеллигенцией — налицо. Это известнейший писатель В. В. Розанов.² Странный писатель, странная судьба. Розанова многие считают заклятым врагом Церкви. И они по-своему правы: врагом Церкви он был, но врагом особого рода.

На самом деле это, бесспорно, религиозная душа. И вникнуть в суть одного из крупнейших раздвоений этой раздвоенной души весьма любопытно, а с точки зрения поворота в сторону Церкви нашей мыслящей интеллигенции — прямо-таки необходимо.

Розанов в личной своей жизни был среди многих других людей глубоко, болезненно ранен одним из церковных процессов. И то, что его мучило, довело его до озлобления. Убившись, так сказать, об один из выступов Церкви, Розанов подумал, ему показалось, что он ненавидит всю Церковь. В сущности же у него ко всей Церкви было странное, ложное чувство: любовь, мучительная для него самого и мучащая предмет любви. Да и в том, что он в Церкви, по-видимому, ненавидел, он был непоследователен.

Розанов с виду — враг монашества, защитник семьи, певец ее быта. И, казалось бы, что, при его ненависти к монашеству, особо яркие воплощения монашества должны быть ему особенно ненавистны. На деле — совсем нет. Эта ненависть была бы естественной у всякого

другого писателя, кроме В. В. Розанова. И он из Сарова, от раки старца Серафима, пишет строки захватывающие, волнующие строки напряженного религиозного чувства. Вся душа его растекается там в нежном умилении. Он же, В. В. Розанов, мастерски живописует поэтический, одухотворенный образ оптинского старца Амвросия, которого сам он живым не видал, а лишь слышал о нем от близкого ему лица.

Монашеский клобук представлялся Розанову издали мечом, занесенным над семьей, и многое множество резких, буйственных слов выпало от него по адресу этого клобука. Но вот там, в обители, на месте, где все семьяне — и старцы, и молодые, и те, чье сердце впервые расширяется любовью — ищут себе поддержки; он (В. В. Розанов) чувствует и видит там не меч, а ласку, направленную на всю широту жизни, греющую и самую семью. И падает он ниц, и благовествует, и целует народные слезы, проливаемые у этой раки святого Серафима Саровского...

И если бы эти отзвуки сердца у В. В. Розанова были редки, единичны! Нет, они у него так часты, что самые верующие и наблюдательные люди, даже помня все буйственные слова г. Розанова, должны были, думая о нем, мысленно спрашивать его библейским вопросом: «Наш ли еси ты, или от супостат наших?».

Розанову казалось порой, что он в какой-то неистовой радости рвет белоснежную ризу Церкви. Но через несколько минут он мог бессознательно и жадно целовать эту ризу. И против этой привязанности к Церкви, соединенной с чувством ополчения против нее, он сам был бессилен.

Заслуживает особого внимания та резкость, раздраженность, с которою господин Розанов обрушивается на лиц, легкомысленно и поверхностно решающих религиозные вопросы. Как ополчался он и на Луначарского,³ и на Л. Андреева⁴ за его «Иуду», и на других. От этих и подобных лиц, совершенно лишенных религиозных переживаний, ими не страдавших, не смотревших в небо то с благословениями, то с проклятиями, не искавших Бога со скрежетом зубным. От этих лиц

3 Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), нарком просвещения РСФСР с 1917 по 1929 гг. До революции приобрел некоторую известность как литератор. По мнению профессора М. М. Дунаева, Луначарский одно время «увлекался» богоискательством, подыскивая замену православию, не «соответствующему духу времени». (См. книгу М. М. Дунаева «Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках». — Москва, 2003. — 1056 с. — с. 669).

4 Андреев Леонид Николаевич (1871–1919), русский писатель. В начале XX века был одним из самых популярных. Рассказ «Иуда Искариот» написан им в 1907 году. Перед его написанием, по словам Горького, Андреев даже не озаботился чтением Евангелия. Христа писатель изобразил только лишь человеком — слабым, эмоциональным и недалеким. Иуду, естественно, вывел в герои. Умер Андреев, не завершив начатого романа «Дневник Сатаны».

1 Святого праведного Иоанна Кронштадтского (1829–1908).

2 Розанов Василий Васильевич (1856–1919), русский философ и писатель.

В. Розанов, по словам Е. Поселянина (Погожева),⁵ отличается тем, что все, что он сам говорит о религии, все это у него выстрадано, досталось ему дорого и болезненно.

Прежнее отношение Розанова к Церкви прекрасно выразилось названием вышедшей лет семь назад его книги «Около церковных стен».⁶ Это — человек, неуверенно просовывающий голову в двери Церкви, готовый слиться душой с охваченною там одним чувством толпою, но удерживаемый чем-то внешним. И в этой книге уже были чистые порывы своеобразного наивно-религиозного чувства.

Но вот недавно (в 1912 году) явилась его новая книга — «Уединенное», изданная «почти на правах рукописи». Этой книгой Розанова отмечается уже иное, новое отношение его к Церкви. Тут уже Розанов не «около церковных стен», а смело и открыто входит в них. И, как все, в них входящие, он находит успокоение измученной душе своей. Книга эта — целый ворох мыслей, приходящих в голову в часы уединения, в часы ночной работы, дневного раздумья, когда человек остается только с самим собой. Это вихрь, ураган мыслей, большею частью мелькающих тенью и бесследно исчезающих, и им остановленных в их течении и записанных.

В этой книге множество разительных, блестящих мыслей, попадают страшные по откровенности и глубине проникновения в душу характеристики. Всего важнее те места книги, где автор говорит о своих религиозных переживаниях, о своем отношении к Церкви. Здесь поражает страстность порывов нежной любви к Церкви. Вот изумительное, простое и яркое объяснение Розановым его отношений к Церкви:

«Церковь есть единственно поэтическое, единственно глубокое на земле. Боже, какое безумие было, что лет 11 я делал все усилия, чтобы ее разрушить. И как хорошо, что не удалось. Да чем была бы земля без Церкви? Вдруг обесмыслилась бы и похолодела... Как пуст мой «бунт против христианства»: мне надо было хорошо жить, и были даны для этого (20 лет) замечательные условия. Но я, — признается В. В. Розанов, — все испортил своими «сочинениями». Жалкий «сочинитель», никому в сущности не нужный — и поделом, что не нужный...

60 раз только, в самом счастливом случае, я мог простоять в Великий Четверток «со свечками» Всенощную. Как же я мог хоть **один** четверток пропустить?!!

Боже! Да и Пасх 60! Так мало. Только 60 Рождеств!!! Как же можно из этого пропустить хоть одно?!!

5 Е. Поселянин — литературный псевдоним Погожева Евгения Николаевича (1870–1931), известного духовного писателя и публициста дореволюционной России, расстрелянного 13 февраля 1931 года.

6 Книга «Около церковных стен» была издана в 2-х томах в Санкт-Петербурге в 1906 году.

Вот основание «ходить в церковь» и «правильного круга жизни», с родителями, с женою, с детьми. Мне вот 54: а я едва ли был 12 раз «со свечками».

И все поздно...».⁷

«Да что же и дорого-то в России, как не старые церкви? — спрашивает много лет стоявший около церковных стен писатель. — Уж не канцелярии ли? Или не редакции ли? Церковь старая-старая. **А тепло только тут. Отчего же тут тепло, когда везде холодно?** Хоронили **тут** мамашу, братьев; похоронят меня; будут **тут же** жениться дети; все **тут**. Все важное... И вот люди надышали **тепла**».

Покаянно, сособой теплотою и чувством говорит автор «Уединенного» и о представителях Церкви, когда сравнивает их со светскими людьми. О доброте нашего духовенства он пишет: «Сколько я им корост засыпал за воротник. Но между тем, кто знал меня, да и из незнавших **многие** относились, — отвергая мои идеи, враждуя с ними и в печати и устно, — не только добро ко мне, но и любяще. Чего: Гермоген⁸ (епископ), требовавший летом отлучить меня, в ноябре дважды просился со мною увидеться».

Перечислив свыше десяти лиц из духовенства, В. В. Розанов говорит: «И везде — деликатность, везде — тонкость: после такой моей страшной вражды к ним и совершенно непереносимых обвинений. Но светские: какими они ругательствами меня осыпали, едва я проводил рукою «против шерстки» их партий. Из этого я усмотрел, до чего Церковь теплее светской жизни en masse,⁹ сердечнее, душевнее, примиреннее, прощающее... И я бросился (1911 год, конец) к Церкви: одно в мире **теплое, последнее теплое** на земле.

Вот моя биография и судьба...

Иду в Церковь! Иду! Иду!»¹⁰

7 Розанов В. В. Уединенное. — М., 1990. — 544 с. — С. 82–83.

8 Священномученик Гермоген (Долганев Георгий Ефремович, 1858–1918). Будучи епископом Саратовским, выступал против постановки в местном театре пьес Леонида Андреева «Анатэма» и «Анфиса». «Епископ Гермоген приготовил и прочел в Святейшем Синоде доклад, где приводил обоснования необходимости отлучения некоторых русских писателей от Церкви. По инициативе автора доклад был отпечатан и роздан членам Государственного Совета и многим влиятельным лицам. Государственные чиновники остались к нравственной стороне поднятых вопросов равнодушны, в большинстве своем малодушно боясь задевать общественных кумиров». Цит. по книге «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Июнь». — Тверь, 2008. — 712 с. — с. 272.

9 В целом (франц.).

10 Розанов В. В. Уединенное. — М., 1990. — с. 79. Священномученик Дамиан пропустил в этой обширной цитате один абзац писателя, который может украсить эту публикацию возвышенными мыслями: «Религиозный человек выше мудрого, выше поэта, выше победителя и оратора. «Кто молится» — победит всех, и святые

И уразумел В. В. Розанов после этого, что кто любит народ русский, не может не любить Церкви. Потому что народ и его Церковь — одно. И только у русских это — *одно*. И уразумел он, что душа православия — в даре молитвы, тело его — «обряды, культ».

Из приведенных немногих мест «Уединенного» видно, как хорошо, до экстаза, чувствует себя Розанов в Церкви. Гораздо лучше, чем тогда, когда ополчился на Церковь. И как этот буйный ум прав, когда признает, что он совершенно запутался. Всю жизнь посвятить «на разрушение того, что одно в мире люблю: была ли у кого печальнее судьба?»¹¹

Смоленские Епархиальные Ведомости, 1913 г. №8.

Наша интеллигенция

(Из современной церковно-общественной жизни)

Русская интеллигенция — это те верхние слои русского народа, которые, отделившись, выделились из народной массы и подверглись чрезвычайно сложному и запутанному перевоспитанию на европейский образец. Через это перевоспитание, через оторванность от родных народных корней эти верхние русские слои, эти, так сказать, сливки русского общества совершенно утратили внутреннюю и непосредственную связь с народом. Ту связь, которая основывается на общих идеалах, заветах и ведет к сходному, близкому жизнепониманию.

Наша интеллигенция справедливо ведет свою родословную от реформы Петра I. Они есть, по удачному выражению, то прорубленное великим Петром окно в Европу, через которое вот уже двести лет входит к нам воздух Западной Европы, одинаково живительный и ядовитый.

Духовная жизнь русского интеллигента представляла и доселе представляет чрезвычайно пеструю смену крайних увлечений в области мысли, верований и жизни.

Так, в XVIII веке развивается среди образованного класса общества вольнодумство и вольтерьянство. В следующем веке его сменяет масонство с его исповедным безразличием, увлекаются философией Гегеля. Позднее господствует увлечение материализмом и теорией Дарвина. Ближе к нашему времени над передовыми умами господствует учение Толстого, которое в самое последнее время смешивается с экономическим социализмом и теорией Маркса. И все это закончилось на наших глазах классовой, политической борьбой и революционными выпадами.

Длинный ряд увлечений, быть может, говорит и в пользу русской интеллигенции, свидетельствуя об искренности ее, о силе и широте ее духовных исканий и о неудовлетворенности вечных запросов бессмертного духа. Но этот же самый факт непрерывных увлечений с неотразимой убедительностью доказывает, что наша интеллигенция даже сама для себя не в состоянии была выработать определенного и устойчивого мировоззрения — ни сама в себе, ни в народе, ни в прошлом не имела глубоких корней.

Насильственная оторванность от текущей жизни, мечтательность, прекраснотушие, недостаточно развитое чувство и сознание действительности также характеризует наших передовых людей. В связи с указанными чертами находится и та черта русской интеллигенции, по которой для нее, несмотря на близость к идеалам Западной Европы, все же остается психологически чуждым прочно установившийся на

Западе уклад повседневной жизни европейца, с его мелкими добродетелями, с его трудовым хозяйством, но и с его бескрылостью, ограниченностью, скукой. В этом неумении устроить себе западноевропейский уклад обыденной жизни, несомненно, сказалась доля наследственного барства, в целом ряде поколений свободного от мелких забот о хлебе насущном и потому обленившегося. Есть здесь значительная доля просто непривычки к упорному, систематическому труду и размеренному, спокойному укладу жизни, никак не мирящемуся с широкой русской натурой, которая удовлетворяется *только* подвигами. Но, несомненно, есть здесь и доля бессознательного религиозного отвращения к «царству от мира сего», усвоенная от предков. Известная неотмирность, мечта о грядущем царстве правды (под разными социалистическими псевдонимами) и затем стремление к спасению человечества (непреренно человечества, ибо того требует могучая русская душа, на меньшем примириться она не согласна) если не от греха, то по крайней мере от страданий, составляют, как известно, неизменные и отличительные особенности наших интеллигентов.

В этом стремлении нашей интеллигенции к вечной правде, в сравнении с которой бледнеет земная действительность, она сохранила, быть может, в наиболее распознаваемой форме черты утраченной церковности. И вообще духовными навыками, воспитанными Православной Церковью, объясняется далеко не одна лучшая черта русской интеллигенции. К сожалению, она утрачивает эти черты, по мере своего удаления от Церкви. Например, чистоту и патриархальность домашних, семейных нравов, своеобразный аскетизм, вообще, строгость личной жизни.

Русским передовым людям — особенно в прежних поколениях 60-х, 70-х годов — свойственно было живое чувство виновенности пред народом. Это своего рода социальное покаяние, но не перед Богом, а перед темным, великим народом. Эти покаянные чувства особенно сильны были среди учащейся молодежи, наиболее живой и отзывчивой к народному страданию. От них, как от источника, исходило то хождение в народ, которое часто приводило к печальным для ходоков результатам. Следует, однако, признать, что и в этом хождении в народ, с его покаянным характером, имеется большая доля старого барства.

Если ко всем названным чертам присоединить неизменную готовность лучших представителей нашей интеллигенции на всякие жертвы ради блага народа, то мы без труда пойдем, как близки русской интеллигенции черты особой религиозности, воспитанной Православной Церковью.

Правда, нигде на свете нет интеллигенции, более равнодушной к Церкви, более атеистической, чем русская интеллигенция. Атеизм для наших интеллигентов есть их общая вера. Веру эту разделяют и ученые, и неученые, и старые, и молодые. Так повелось на Руси изначала, еще с

духовного отца русской интеллигенции Белинского. Религиозный индифферентизм, а нередко и атеизм, считается у наших интеллигентов чуть ли не признаком хорошего тона. Однако справедливость требует сказать, что религиозное равнодушие и безбожие отнюдь не являются у русской интеллигенции сознательным отрицанием, плодом сложной, мучительной и продолжительной работы ума, сердца и воли. Дело стоит проще: и атеизм, и равнодушие берутся чаще всего на веру, без тщательной проверки, без разумной критики.

Лучшим подтверждением высказанного взгляда на русский атеизм служит его история. Он усвоен передовою русскою мыслью с Запада. И приняли его русские интеллигенты как последнее, самое модное слово западной науки, сначала в форме вольтерьянства в славный век Екатерины. На многоветвистом дереве западной цивилизации, своими корнями идущем глубоко в историю, русские передовые люди облюбовали только одну ветвь, не зная и не желая знать ни корней, ни ствола, ни остальных ветвей этого дерева. И оставались они при этом в полной уверенности, что прививают себе, пересаживают на русскую почву самую последнюю европейскую цивилизацию, последнее ее слово.

В художественной литературе русской много раз указывалась духовная оторванность интеллигенции нашей от родного народа, отсутствие религиозных между ними связей и взаимное непонимание на этой почве. По мнению Достоевского, эта оторванность пророчески предуказана была еще Пушкиным — сначала в образе вечного скитальца Алеко, а затем Евгения Онегина, открывшего собою целую серию «лишних людей». И действительно, чувство кровной исторической связи с народом, с его верованиями, идеалами, стремлениями — чувство любви к своей прошлой истории поразительно слабо у наших интеллигентов.

Всем известен космополитизм русских передовых людей. Это — граждане всего мира. Редкий из передовых русских людей решится сразу при первой встрече с иностранцем признать себя русским. Характерным признаком для них служит отсутствие здорового национального чувства, воспитываемого не на одних лишь этнографических и исторических основаниях, но прежде всего на основаниях религиозно-культурных. На этих именно основаниях принимали национальную идею крупнейшие выразители нашего народного самосознания — Достоевский, Вл. Соловьев и славянофилы, связывавшие ее с мировыми задачами русской Церкви.

Но глубочайшую пропасть между русской интеллигенцией и народом все же составляет отношение их к религии и Церкви. Народное мировоззрение и духовный уклад в сильнейшей степени определяются христианскою верою в форме восточного православия. И как бы ни было далеко здесь расстояние между идеалом и действительностью,

как бы ни был темен народ наш, но идеал его — Христос и Его учение, а норма жизни его — христианское подвижничество.

Невольно припоминается здесь поразительно верный взгляд Достоевского на глубокую религиозность русского народа в его целом. «Пусть в нашем народе, — пишет Достоевский, — зверство и грех; но вот что в нем есть неоспоримо: это именно то, что он в своем целом, по крайней мере, никогда не принимает и не примет своего греха за правду. Грех есть дело преходящее, а Христос — вечное. Народ грешит... ежедневно, но в лучшие минуты, в Христовы минуты он никогда в правде не ошибается. То именно и важно, во что народ верит, как в свою правду, в чем ее полагает, как ее представляет себе, что ставит своим лучшим желанием, что возлюбил, чего просит у Бога, о чем молитвенно плачет. Идеал народа — Христос. А с Христом, конечно, и просвещение, и в высшие роковые минуты свои народ наш всегда решает и решал всякое общее и народное дело свое всегда по-христиански».

Норма народной жизни — подвижничество. Чем, как не подвижничеством, была вся многовековая история русского народа, с давившей его сначала злой татарщиной — стоянием на его посту охраны западноевропейской цивилизации и благополучия и от диких народов, и от песков Азии? Чем, как не подвижничеством, была вся жизнь народа русского в этом суровом климате, с постоянными голодовками, холодом, страданиями? И если народ наш мог вынести все это и сохранить неистраченной свою душевную силу, выйти живым, хоть и надломленным, из этих испытаний, то лишь потому, что он имел источник духовной силы в своей вере и в идеалах христианского подвижничества, составляющих основу его национального здоровья и жизненности.

Подобно лампадам, теплившимся в иноческих обителях, куда на протяжении веков стекался народ русский, ища там нравственной поддержки и поучения, светили на Руси эти идеалы подвижничества, этот свет Христов, и, поскольку народ наш обладает этим светом, при всей своей неграмотности, он просвещеннее своей интеллигенции. Но ко всему, что касается веры народной, интеллигенция русская относилась и доселе относится с полным непониманием и даже презрением. Поэтому-то соприкосновение интеллигенции и народа есть прежде всего столкновение двух вер, двух религий — и влияние интеллигенции выражается прежде всего в том, что она, разрушая народную веру, разлагает вместе с нею и народную душу, сдвигает ее с незыблемых доселе вековых оснований. Разрушение же в народе этих давних и испытанных устоев освобождает в нем темные стихии, которых так много в русской истории, глубоко отравленной злой татарщиной. В исторической душе русского народа всегда боролись заветы обители преподобного Сергия и Заволжской Сечи или вольницы, наполнявшей полки самозванцев — Разина и Пугачева.

Приведенная характеристика русской интеллигенции, объясняя ее глубочайшие, добрые по существу, основы и не скрывая серьезных теневых сторон ее, показывает нам, что дело не столь безнадежно, хоть недуг силен и грозит печальными осложнениями, если своевременно со стороны интеллигентов не будут приняты меры предохранения. Этот недуг — религиозная теплохладность, холодность интеллигентов к Церкви, безразличие к ее судьбам, неверие во внутренние силы, сокрытые в Православии, и происходящая отсюда ожесточенная критика церковной жизни, ее представителей и порядок.

Смоленские Епархиальные Ведомости, 1913 г. №19.

Празднование 300-летия царствования Дома Романовых в Смоленской Духовной Семинарии 14 марта сего года

**Речь, сказанная Ректором Семинарии
Архимандритом Дамианом пред
благодарным молебным пением в храме
святого Иоанна Богослова при Смоленской
Духовной Семинарии**

За последнее время много юбилеев чрезвычайного, государственного значения отпраздновано на Руси. Прошел юбилей Петровский — Полтавской победы. Только что окончились воспоминания великой Отечественной войны 12 года. Недавно вспоминали 50-летие освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Совершенно исключительное место среди всех этих юбилеев занимает юбилей 300-летия царствования Дома Романовых. Мы еще переживаем юбилейные дни, связанные с воспоминанием призвания Романовых на царство. Ровно триста лет назад, 14 марта, в сегодняшний день великая своим смирением инокиня Марфа дала свое благословение, а юный Михаил Федорович Романов изъявил свое согласие принять правление над царством русским. Уступили они усиленным просьбам представителей Церкви и земли русской. Вам хорошо известно, как велика была в этом деле заслуга Церкви и веры православной. Известно вам и то, как велики были заслуги Царей и Императоров из Дома Романовых на пользу России. Поэтому мне нет нужды на этом останавливать ваше внимание.

Скажу кратко, что продолжающийся юбилей 300-летия царствования Дома Романовых, помимо своего фамильного, династического значения, имеет еще и то бесспорное историческое значение, что Россия окрепла и выросла за этот период времени, превратилась из державы полуазиатской в державу первоклассную, европейскую, с

славным историческим прошлым и великим будущим. Ведь в прошлом подготавливается и создается почва для настоящего и будущего; на этой почве принимаются или вянут, растут или гибнут новые семена и побеги. И верится, что хорошее прошлое даст нашему царству и блестящее будущее.

Вот почему текущий юбилей поднял в стране русской глубокую патриотическую волну. В сердцах русского народа за эти юбилейные дни било ключом священное чувство любви и преданности своим царям. Вам пришлось пережить эти дни, видеть этот благородный подъем благодарного чувства — с народом, в селах, когда вы были на отпуске в домах ваших родителей. Но своей семинарской семьей, с вашим ближайшим участием в торжестве — мы переживаем, — нас захватила эта волна сегодня, в этом храме, где в учебное время мы приносим свои молитвы Царю Царей.

И вот — вчера за вечерней молитвой, и сегодня за литургией — принесли мы земной поклон и вечную благодарность великим Государям — Царям, Императорам и Императрицам, всем от рода Царей из Дома Романовых преставившимся, — а равно их сподвижникам, героям и всем деятелям, умом, волею, трудами, потом и кровью коих строилась, была хранима и возрастала русская земля за эти 300 лет.

Сегодня на благодарном молебном пении помолимся «единими усты и сердцем»: да продлит милосердный Господь в долготу лет благополучие и драгоценную жизнь царствующего над нами Государя Императора. Да хранит и утвердит Царь Небесный верховные, державные права в Августейшем роде Его на долгие годы в неизменном единении Царей с народом. Да хранит Господь и да возвеличит еще более родину нашу — Святую Русь.

Смоленские Епархиальные Ведомости, 1913 г. №9.

Речь пред благодарственным молебствием 8 июня 1913 года окончившим курс воспитанникам Смоленской Духовной Семинарии

Приветствуем вас, возлюбленные питомцы, с окончанием учебного курса. Образование и воспитание ваше под кровом этого святого храма в нашей Семинарии закончилось. Господь благословил успехом ваши шестилетние труды.

Для многих из вас сейчас же за порогом школы начнется трудовая жизнь, некоторые — имеют продолжать свое образование в высших школах. Приветствуя в настоящий день и тех, и других, хочется остановить ваше внимание на том, что символически изображено на нашей общей фотографической группе, на днях мною от вас полученной.

Там, на этой группе, виднеется корабль, готовый к отплытию. Пред ним безбрежное море. Образ этот, поэтически раскрытый одним из наших писателей — припомните «Белеет парус одинокий в тумане моря голубом», — есть образ человеческой жизни. Не чужд этот образ и церковному сознанию; его можно находить и в Слове Божиим, и в богослужебных песнопениях. Здесь «житейское море, волнуемое бурей напастей» указывает верующему «тихую пристань» — Господа-Спасителя, Который некогда сказал о Себе, что Он для последователей своих «есть путь, истина и жизнь» (Ин. 14.6). Близок к этому и иной символ вашей курсовой группы. На ней изображена ровная, гладкая дорога. Она обнесена частоколом и поднимается в гору. Пусть же и ваша жизненная дорога будет ровной и спокойной, и пусть она ведет вас в гору, к нравственному преуспеянию, к духовному росту.

Обращаясь к переживаемым вами в настоящий день чувствам, обязуюсь отметить, что вы переживаете сложное душевное настроение, ваши чувства носят смешанный характер. В них обильная радость

чередуются и идет рядом с понятным чувством грусти. Ведь вы прожили вместе шесть лет, жили общими учебными интересами, молились едиными устами и сердцем в одном храме. Все это сближает, роднит человеческие души. Особенно крепко роднит в светлые юношеские годы. И понятно, что не без грусти оставляете вы нашу школу, где ко многому даже во внешней обстановке вы привыкли, считали своим. Многих успели и уважать, и любить. Однако эта грусть с избытком покрывается радостным сознанием, что многолетний труд окончен, успех достигнут. И эта преизобильная радость также в вас в настоящий день, как естественна радость путника, когда он достиг цели своего путешествия. Ваша сегодняшняя радость напоминает ту чистую радость крестьянина, когда в раннюю осеннюю пору он с веселым видом любит плоды своих весенних и летних трудов, когда в короткий осенний день выходит он довольный на установленное скирдами гумно и всей душой благодарит Господа, Который вспаханное и посеянное крестьянином возрастил и приумножил.

И не боюсь нисколько омрачить вашей чистой радости при окончании учения упоминанием о вашем долге. Долг этот — возблагодарить ныне и всегда благодарить Господа Бога, по милости Своей помогавшего вашему духовному росту. Возблагодарить и святую Церковь, благоустроющую учебные заведения для вашего просвещения, воспитания и образования. Здесь, в этом церковном рассаднике духовного просвещения, учителя и воспитатели предлагали вам то, что усовершенствует и обогащает умы, облагораживает сердца и направляет к добру волю. И чтобы лучше и яснее сознать долг благодарности Богу и Его святой Церкви, представьте себя хоть на время лишенными полученных вами плодов вашего образования, поставьте себя мысленно на место тех, кто лишен был возможности получить законченное образование. Тогда ясно будет божественный Промысл о вас и вашем духовном преуспеянии. О всем, возлюбленные питомцы, «благодарите: сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас» (1 Сол. 5.18).

Скажите, что о благодарности к Тому, от Кого исходит добро, нет нужды и напоминать. То бесспорно, что восприявший благое должен благодарить Бога Щедродателя и питать признательность к тем ближним, которые послужили его благополучию. Но так ли это всегда бывает? Из десяти мужей, которые очистились, по милости Господа, от проказы, только один самарянин возвратился прославить и возблагодарить Небесного Целителя. «Не десять ли очистишася? Да девять где? Како не обретошася возвращающиеся дати славу Богу, токмо иноплеменник сей?»¹ — сказал Иисус Христос. Так еще в евангельскую пору девять из десяти прокаженных мужей, этих несчастных, отверженных людьми,

¹ «Тогда Иисус сказал: не десять ли очистились? где же девять? Как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменника?» (Лк. 17.17–18).

получив исцеление, а с ним и возможность снова проживать в человеческом обществе, забыли о своем долге возблагодарить Того, Кто подал им врачующую и исцеляющую помощь. Почему же нельзя допустить, что и теперь, спустя девятнадцать веков, люди, физически здоровые, достигнув известной степени духовного роста, станут присваивать весь успех себе самим, своим силам и способностям, своему усердию и трудам, и позабудут возблагодарить Содетеля — Бога? Присмотритесь внимательно к жизни, к окружающей действительности, и вы увидите, что девять из десяти забывают о долге и чувстве благодарности.

С вами да не будет этого печального забвения. Пусть ясное сознание долга перейдет у вас в живое чувство благодарности, и это чувство, как и все живое, выявится наружу, обнаружится в вашей дальнейшей, плодотворной деятельности. Так бывает пора в жизни признательных детей, когда они с пламенной готовностью воздают своим родителям за все их заботы и попечения, за всю родительскую любовь, когда они питают и ухаживают за теми, кто их родил, вскормил и воспитал. С окончанием курса, возлюбленные питомцы, наступила эта пора и для вас, чтобы вы достойным трудом выразили благодарность, воздали ответную любовь святой Церкви, воспитавшей вас для спасения собственного и для забот, для служения спасению других людей. И хочется думать нам, и мы надеемся, что какой бы род деятельности — церковной, педагогической, врачебной, судебной, административной — вы ни избрали, вы будете людьми церковными, ни один из вас не будет сознательным врагом Церкви. Но особенно близки нам по духу и по службе будут те из вас, кто прямо пойдет на служение Церкви. Те из вас, что займут места народных учителей, псаломщиков, потом будут рукоположены во диаконы и пресвитеры, представляют из себя «род избранный, взятых в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего их в чудный Свой свет» (1 Петр. 2.9).² Побуждаемые неохладающим чувством благодарности к Богу, выйдут они, эти избранные, каждый на свое дело с утра жизни до позднего ее вечера. Выйдут с полной готовностью и нелицемерной любовью, не будут искать только «своих си»,³ твердо зная, что «достойн делатель мзды своея»,⁴ и понесут в народный ум и сердце свет Христов.

Дорогое время земной жизни избранные эти охотно, неуклонно и по мере своих сил посвятят тому спасительному труду, к которому подготовила их наша школа. Успех в выполнении своих обязанностей их

2 Полный стих из Первого Послания святого апостола Петра звучит так: «Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Пет. 2.9).

3 «Любовь... не ищет своего» (1 Кор. 13.4–5).

4 «Трудящийся достоин награды своей» (1 Тим. 5.18).

ободрит и утешит, поднимет их дух к дальнейшим трудам. А трудности пастырского долга, неизбежные невзгоды и лишения они будут переносить терпеливо, памятуя их неизбежность и нравственную пользу (Иак. 1.2–4).⁵ Забывая задняя, в предняя же простираясь, благодарные питомцы духовной школы, почти все происходящие из духовного звания, будут стремиться «к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе» (Флп. 3.13–14).⁶

Завершая время ученической жизни вашей благодарным к Богу молением, мы искренне испрашиваем у Него благословения вам, возлюбленные питомцы, на предстоящий вам жизненный труд. Мы будем искренно радоваться о вас, когда вы не закопаете в землю полученных талантов, но к воспринятым уже пяти или двум талантам присоедините и другие пять, или два таланта (Мф. 25.14–23),⁷ и понесете ваши молодые силы для служения во славу Божию, на пользу святой Церкви и счастье великого русского народа.

Смоленские Епархиальные Ведомости, 1913 г. №12.

5 «С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка» (Иак. 1.2–4).

6 Полные стихи из Послания святого апостола Павла Филиппийцам: «Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе» (Флп. 3.13–14).

7 Евангельская притча о талантах.

Речь при пострижении в монашество духовника Смоленской духовной семинарии протоиерея Иосифа Сергеевича Алмазова

Приветствую тебя, возлюбленный брат священноинок Иоасаф, с обручением великого ангельского образа.

Господь милосердый, яко Отец чадолюбивый, зря твою готовность и смирение, ввел тебя ныне в духовный свой двор, приял тебя в Свои Отчие объятия в ту пору, когда жизненный путь твой уже перевалил за полдень и склоняется к вечеру. Но да не смущается этим видимым запозданием сердце твое. Конечно, решимость выбрать Христа и царствие Его, всецело отдать себя Ему Одному, отдать Ему весь еще неизрасходованный запас духовных сил имеет особую ценность, когда она приносится в ранние годы. В эти годы особенно сильна бывает в человеке чуткость ко всему святому, чистому, идеальному. В ту пору человек горит желанием весь свой жизненный путь безраздельно и без остатка отдать Христу. Но в ранней решимости кроется часто источник падения, когда не рассчитаны должным образом силы; ведь ранним годам столь свойственны увлечения, от коих больше застрахован зрелый возраст. Жизненный опыт уже научил тебя, возлюбленный брат, оберегать себя от невольных ошибок и падений, хранить от соблазнов сердце свое в чистоте.

На эту-то чистоту сердца, на горение духа Господь-Сердцеведец зрит более, чем на продолжительность духовного делания в иночестве. И вообще у Него Своя мера при оценке подвигов духа. В его винограднике получают равную плату работавшие с первого часа дня под палящим солнцем, перенесшие всю тяготу дня, и работавшие только один час из всего дня прохладным вечером.¹ «Аще кто точию достиже и во единонадесятый час, да не устрашится замедления, — вещает Златоуст в бесподобном пасхальном слове своем, — любочестив бо сый Владыка приемлет последняго, якоже и перваго. Упокоевает иже во единонадесятый час пришедшаго, яко же делавшаго от перваго часа». Взирая

присно на это неизреченное милосердие Владыки Небесного, помни, возлюбленный брат, когда и как пришел ты к решимости принять пострижение. Помни, что «не от некия нужды, или насилия», не под давлением обстоятельств ты принял обручение великого ангельского образа. Ты стал монахом «от своего ти произволения», по собственному, личному строго обдуманному и зрелому решению.

В кратком приветственном слове я не имею возможности и времени изложить всю сущность монашества, начертать тебе правила монашеской жизни, показать все подробности монашеского устройства. Только что выслушанный тобою чин пострижения дает полный ответ на эти вопросы. В нем сильно, ярко и выпукло представлены и обеты монашества, и смиренная вера, и покаянное настроение, и жажда высшей помощи, и сила непрестанной молитвы. Посему ограничусь немногим. Дабы закрепить и усилить святую решимость твою, обратимся, возлюбленный брат, к дням земной жизни Спасителя. И тогда многие, видя чудеса Христа, пораженные дивным учением Его, изъявляли готовность во что бы то ни стало следовать за Ним, горели тем желанием, что и ты в этот единственный, знаменательный час твоей жизни. «Господи! — говорил один из таковых, — я пойду за Тобою, куда бы ты ни пошел», а Господь ему в ответ: «Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где преклонить главу» (Лк. 9.57–58). Приветствуя готовность следовать за Ним, Христос Спаситель предостерегает от поспешности, дает понять Своим ответом, что последователь Его должен обречь себя не только на труды, но и на лишения, неудобства, должен отказаться от мысли устроиться как-нибудь по-своему, с удобствами, оставить мысли и Христу служить, и себя не забывать.

Другой человек, по-видимому, не боялся ни трудов, ни лишений, но думал, что исполнение некоторых обязанностей по отношению к родным не помешает его последованию за Христом, посему и говорит Ему: «Господи! Позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего». Но Господь сказал ему: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов; а ты иди, благовествуй Царствие Божие» (Лк. 9.59–60). Значит, последователь Христа должен пожертвовать для Него и самыми дорогими своими привязанностями, как бы ни были они для него священны, законны и естественны.

Почему же последователь Христов, истинный монах, должен порвать не только с миром, его прелестями и соблазнами, но и с естественными привязанностями? Ответ на это дан Самим Христом, когда Он изрек третьему вопрошавшему: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк. 9.62). Всякое раздвоение мысли и сердца, все наши расчеты служить Богу и маммоне, всякие сожаления с оглядкой на прошлое, с сожалениями об

этом невозвратном прошлом не должны иметь места в иноке, раз он хочет действительно следовать за Христом, ибо монашество по глубокой сущности своей — прямое последование за Христом; оно есть более трудный, но и более прямой и верный путь ко Христу.

Памятуя приведенную беседу Спасителя с Его современниками, готовыми следовать за Ним, потщись, возлюбленный брат, откинуть сомнения, колебания, кои естественны даже в твои годы. Твое прошлое уже предрешало твою настоящую решимость. Оно рассеивало эти сомнения. Заветной мечтой твоей еще в годы юности было следовать за Христом. Верный этой мечте, ты внял гласу Спасителя «идти и проповедовать Царствие Божие», когда по окончании школы определял свой жизненный путь. Смело и твердо ты избрал для себя жребий сельского священника, чтобы служить простому народу, с которым сроднила тебя совместная жизнь в годы твоего детства и воспитания. Когда семейная жизнь твоя была разрушена, ты стал духовным отцом и руководителем будущих пастырей Церкви. Поприще делания твоего расширилось. Богатый опыт приходского священника ты перенес в духовную школу, сам следуя за Христом и других молитвенно направляя к Нему. Ныне ты, как зрелая пшеница, восходишь на высшую ступень, вместе с сонмом иноков становишься в непосредственную близость к Спасителю. Да поможет же тебе Господь укрепиться в иноческой жизни, возрастая в ней духовно от силы в силу.

Итак, возлюбленный брат, священноиннок Иоасаф, со святой решимостью своей, «возмогай отныне о Господе и в державе крепости Его» (Еф. 6.10). Всего себя, все свои силы, весь остаток дней своих предоставь Христу Спасу. Смело, радостно и твердо «шествуй на предлежащий тебе подвиг, взирая на нашего Подвигоположника и Совершителя веры Иисуса» (Евр. 12.1–2) и на целый сонм святых, во иночестве просиявших, к светлomu жребию которых да причтет и тебя Господь. Аминь.

Смоленские Епархиальные Ведомости, 1914 г. №21.

Русское православие и западные исповедания в богослужении и обряде

(Очерк)

*«И придохом же в Греки, и ведоша ны, идеже служат Богу своему,
и не свемы, на небе ли есмы были, ли на земли:
несть бо на земли такого вида, ли красоты такая»
(Слова посланных кн. Владимиром в разные земли для испытания веры)*

Православное богослужение — драгоценное сокровище

Православная Церковь и западные исповедания различаются между собою не только в догматах и верованиях, но также в церковной молитве и обряде. Всякому известно, что нигде так сильно не чувствуется духовная близость друг к другу лиц, принадлежащих к одной Церкви или исповеданию, как в храме, во время церковной молитвы. Как бы ни было велико различие между ними по возрасту, состоянию, общественному положению, умственному развитию — в храме, во время общей искренней и горячей молитвы, все они представляют «единыя уста и единое сердце».

Это вполне понятно и естественно. Самое существенное и драгоценное в церковном исповедании связано и сплетено множеством самых тонких и неуловимых корней не только с духовною природою каждого отдельного человека, но и с особенностями целого народа и даже племени. Духовный облик народа и племени, исторически сложившееся мирозерцание народа, бытовые его особенности — все это сильнейшим образом влияет на верования народа, сплетаясь с ними неразрывным образом.

Вот почему разноплеменные и разноцерковные люди могут при встрече почувствовать себя братьями, подать друг другу руки. Но, чтобы они почувствовали себя братьями в одном храме, соединились в религиозном общении духа, для этого им необходимо долго прожить вместе, понять друг друга во всей жизненной обстановке, сплестись между собою в самых внутренних корнях глубины душевной. Так иногда немец, долго проживший в России, бессознательно и незаметно для себя привыкает веровать по-русски, и в православном храме чувствует

себя, как дома. Но чтобы то или иное общество протестантов, вдалеке от нас стоящее, могло, по книжному соглашению о догматах и обрядах, соединиться органическим союзом в одну церковь с нами и стать едино с нами по духу — этого представить себе невозможно.

В настоящем очерке делается попытка показать характерные особенности русского православия и западных исповеданий в их богослужении и обрядах. Ввиду особой сложности вопроса читатель не найдет здесь исчерпывающего его решения. Но задача предлагаемого очерка в том, чтобы показать православному читателю, какое драгоценное сокровище, какую неопределимую жемчужину имеет он в своем богослужении. И, если этим читателем будет православный священник, если он по достоинству оценит это дорогое сокровище, если он при исполнении служб церковных раскроет всю красоту, все величие нашего богослужения, все разнообразное богатство его содержания, то цель автора можно считать достигнутой. Ибо верующий народ, тело Церкви, если не умом, то непосредственным впечатлением и чувством поймет и оценит красоту нашего богослужения.

В протестантском храме: «Школа религиозных отвлеченностей»

Войдем в немецкий храм (кирху). Православного человека прежде всего поразит в нем отсутствие той обстановки, вызывающей благоговение и молитвенное настроение, какая имеется в наших храмах. Голые скамьи и голые стены. Невольно закрадывается предчувствие, что вы находитесь не в доме молитвы, не в храме Бога живого, а в школе религиозных отвлеченностей. Ваше предчувствие вскоре оправдывается. Богослужение у протестантов сокращено до последней степени. Почти все оно заменено слащавым речитативом кантат Лютера, лишенных силы, духа и жизни. Трудно молиться, читая и воспевая эти кантаты, поучающие вас чему-то чуждому и непонятному.

Но вот на кафедре появляется проповедник-пастор и своею часовой проповедью окончательно убеждает вас, что вы не в храме Божием, где воспитывается, возгревается и возвышается религиозное чувство, а в школе протестантского богословия, где по всем правилам логики и диалектики поучают истинам морали. На лицах богомольцев написана уверенность, что они принадлежат к числу спасенных избранных, и что им нет нужды с усилиями, скорбями и борьбою входить в Царство Божие и творить правду.

На стенах протестантской кирхи нет ни изображений святых угодников, ни картин из священной истории, кроме очень немногих иллюстраций к библейскому тексту (например, Иисус Христос из Апокалипсиса, стоящий у дверей и стучащий). Это и понятно. Почитание святых у лю-

теран отринуты; молитвенного общения с умершими членами Церкви нет; немногие таинства превращены в отвлеченно-поучительные символы для усвоения спасительных истин. Отвергнута там вся история Церкви; разорвана связь прошедшего с настоящим. Самая видимая Церковь, земное Царство Божие, уничтожено и сведено к единоличной особи каждого верующего.

Насколько лучше убранство нашего храма, понимают часто сами лютеране. Вот голос одной лютеранки: «Наша лютеранская вера бледнеет и меркнет пред вашей православной. Одно только внутреннее убранство ваших храмов — великолепия! Когда приходишь в ваш храм, то чувствуешь, что действительно здесь можно отдохнуть и душой, и телом, получить утешение в молитве. А у нас? Могила, а не храм, от которой веет чем-то сырым, неприветливым. Скажу одно: лучше православной веры нет. Вот есть же люди, не верующие в святых. Но они жестоко ошибаются, не испытав их милости. У нас нет икон. Но, когда я чувствую нужду помолиться, я иду помолиться пред иконою».¹

Каждый протестант — сам выразитель и представитель Христа, Коего глас он должен выслушивать в себе самом, не проверяя себя соборным самосознанием всех членов Царства Божия на земле. Там каждый христианин есть царь, священник и учитель себя самого. До полного отрицания евангельской истории, исторического Христа и христианства, до разрешения всего в символ, миф, идею, до обоготворения каждой особи человеческой и возведения ее в самоискупителя — остается там один шаг.

Справедливо говорил еще А. С. Хомяков (Богословские сочинения. Т. 2., 113), что в совершенном одиночестве стоит в протестантском храме молящийся. Кроме музыки и условного обряда, чувствует ли себя отдельное лицо в протестантском храме связанным чем-нибудь еще с собранием молящихся? Относится ли он к собранию, как к чему-то таковому, по отношению к чему его личная жизнь составляла бы только часть? Небольшая община, собравшаяся в храме, чувствует ли за ее стенами присутствие чего-либо более широкого, из чего бы она почерпала свою духовную жизнь? Чувствует ли она действительно свое общение с миром духов высших и чистейших? Обращается ли она (община) к этому невидимому миру с просьбами о помощи или, по крайней мере, о единомыслии в его молитве? Нет и нет. Протестант и протестантская община тщательно этого избегают. Не достаточно ли для них заступничества Спасителя? И к чему бы они стали, без всякой для себя пользы, расходовать свои молитвы? Так одинок в мире протестант, одинок он и в своем храме.

Протестантский молитвенный обряд, при всей видимой простоте, требует от священнослужителя высокой степени умственного разви-

¹ «Колокол», 1911 г., 7 октября, №1653.

тия и большой молитвенной настроенности. Оттого только глубоко духовные или очень талантливые люди могут быть просты и естественны, совершая этот обряд. Остальные, то есть огромное большинство, принуждены подстраивать себя и прибегать к аффектации, которая именно в храмах протестантских чаще всего замечается, производя тяжелое впечатление на непривычного человека.

Когда видишь пастора, как он, стоя посреди храма, лицом к чинно размещенному на скамьях собранию, произносит молитвы, воздевая глаза к небу, сложив руки в известный всеми употребляемый вид, и придает своей речи неестественную интонацию — становится за него неловко. Думается, что должно быть неловко и ему. Но еще ощутительнее становится эта неловкость, когда, окончив обряд, он всходит на кафедру и начинает длинную проповедь, от времени до времени обирачиваясь назад, чтобы выпить воды из стакана и собраться с духом. Редко в этой проповеди слышится живое слово, когда проповедник действительно духовный человек или талант. Большею же частью говорят работники церковного дела, говорят чрезвычайно натянутым голосом, с сильными жестами, поворачиваясь из стороны в сторону, повторяя на разные лады общие известные всем фразы. Читая даже по книге — что нередко случается — проповедники прибегают к известным заранее заученным телодвижениям, интонациям и расстановкам. Нередко, произнося некоторые слова и фразы, проповедник кричит и ударяет кулаком по кафедре, желая придать больше выразительности своей речи...

Невольно чувствуешь, как верно поняла наша Церковь особенность природы человеческой, не поместив проповеди в состав богослужебного чина. Весь наш православный обряд сам по себе составляет лучшую проповедь, тем более действенную, что всякий принимает ее не как человеческое, а как Божие слово. И церковный идеал нашей проповеди, как живого слова, есть учение веры и любви от божественных Писаний, а не возбуждение чувства собравшихся в храме для молитвы².

Говорят, что обряд — неважное, второстепенное дело. Но есть обряды, отказаться от коих — значит отречься от самого себя. В некоторых обрядах отражается вся духовная жизнь человека или вся душа народа. Знаменательна в этом отношении разница в погребальном обряде у разных народов и в обращении с телом покойника. Южный человек, например, итальянец, бежит от своего мертвеца, спешит как можно скорее очистить от него дом свой, предоставить посторонним заботы о его погребении. Один немец-лютеранин, живший в Берлине, потерял в России горячо любимую православную сестру. Когда он при-

2 Древняя наша церковь допускала и проповедь в составе богослужения, остатком чего служит слово Иоанна Златоуста, читаемое в конце Пасхальной заутрени. Но то была проповедь святоотеческая, являющаяся идеалом церковной проповеди, которая предлагается слушателям от лица Церкви, а не проповедника.

ехал к нам, накануне погребения, и увидел любимую сестру лежащую в гробу, ужас поразил его. Сердце его сжалось, и видно было, что чувство жалости и благоговения уступило в нем место отвращению, с которым он присутствовал при прощании с мертвым телом сестры своей.

По этой, кажется, причине ничто так не возмущает лютеранина в нашей Церкви, как поклонение святым мощам. Для нас это почитание мощей является простым и естественным по самой нашей природе, так как мы и своим покойникам кланяемся, и их тело обнимаем и чувствуем при погребении. В нашем православном требнике тело почившего собрата прямо именуется «мощами». Протестант же, не живя нашею жизнью, в этом чествовании, которое для нас, православных, есть движение и дело любви, самое естественное и простое, ничего не видит, кроме дикого суеверия.

Протестанты отрицают силу и значение молитв за умерших. Вот смерть прекратила дни протестанта, и скорбная община бросает последнюю горсть земли на останки дорогого ей человека. Никакой общей молитвы не слышно над свежей могилой; ни одна общецерковная молитва не сопровождает прощание живых с похищенным смертью собратом. Ведь не человеку же изменить определение Божие относительно вечной судьбы того, чье земное поприще кончено! Ему ли своими молитвами покрыть грехи, коих не покрыла бы кровь Спасителя?

Но вот пастор читает молитву, в которой протестант испрашивает молитв у своих живых собратий, а также просит Бога о прощении грехов их и о духовном их очищении... Как может он думать, что молитва, за которую он не признает ни права, ни силы влиять на вечную судьбу умершего, что молитва эта может иметь действительное влияние и на земное поприще живых, и на будущую участь умершего?

Очевидно, то и другое одинаково несправедливо и невозможно. Но протестантство не посмело открыто порвать со всеми преданиями Церкви и остановилось на полдороге, на какой-то сделке, противной логике. Сделке, которая, впрочем, никого не обманывает, ибо всякий чувствует, что протестант просит молитвы у своих собратий, не ощущая в ней искренней нужды, и сам молится за них, не имея искренней надежды.

В англиканском храме: «Собрание леди и джентльменов»

Но вот мы в англиканской церкви. Скорее, чем где-либо, является здесь у русского человека мысль: «Много хорошего у англичан, но как я все-таки рад, что родился и живу в России!» Церковное собрание в англиканской церкви благоговейно, даже торжественно. Но это собрание леди и джентльменов. Каждый молящийся имеет здесь

свое особое место, ему принадлежащее. Места богатых отделены и украшены, словно ложи. Можно ли, глядя со стороны, удержаться от мысли, что церковное собрание здесь представляет лишь видоизменение общественного сознания, и что место здесь имеется лишь для так называемых «порядочных людей»?

Все молятся здесь по своим книжкам. Но, как у каждого в руках своя книжка, так, по-видимому, каждый желает быть и пред Богом сам по себе, совершенно независимо от других, нисколько не сливаясь с ними духовно в общей молитве. Кажется, все здесь должно быть куплено, взято с бою. Даже право иметь место в церкви.

Самое священнодействие в Англии есть право известного рода, получаемое за плату. Пасторские места здесь, связанные с известным доходом или окладом содержания, составляют принадлежность вотчинного права или патронатства. Выбор на священническое место составляет достояние или частных землевладельцев, или короны в силу не столько государственного, сколько владельческого права. Пастор, назначенный на свое место без всякого участия народа и нисколько не зависящий от него в своем содержании, является среди него как бы князем, свыше поставленным.

Церковная должность в Англии, прежде всего, является привилегией, достоянием и, стыдно сказать, достояние это служит предметом купли и продажи. Места главных священников так же сдаются за известную цену, как места стряпчих, нотариусов, маклеров. В любой английской газете, в отделе объявлений, вы встретите ряд предложений купить место священника, с описанием доходных статей. Здесь расхваливается место и описываются его удобства для жизни: дом, местоположение, доходные статьи. Далее указывается цена места и делается предуведомление, что нынешний пастор стар, ему столько-то лет и он, вероятно, недолго будет пользоваться своим положением. Наконец, указывается, куда следует обращаться для переговоров. В Лондоне издается даже особый журнал, посвященный подробному описанию статей, угодий и доходов каждого места для сведения и расчета желающих получить его.

Из особенностей англиканского богослужения К. Н. Фаминский в своем сообщении «Впечатления русского путешественника касательно некоторых сторон религиозной жизни в Англии» отмечает его краткость, высокую дисциплину, видное положение проповеди и приспособленность к требованиям жизни. Англиканское богослужение чрезвычайно чувствительно ко всякого рода явлениям жизни. Кончается жатва — церковь отвечает на это особой службой. Идет парламентская сессия — церковь молится о том, чтобы Бог помог представителям народа направить все к общему благу и т.д.

Однако религиозная и молитвенная потребность в массе народной, по указанным выше причинам, не находит удовлетворения в установ-

ленной англиканской церкви и ищет для себя исхода в вольных, самоуправных церковных собраниях и разнообразных сектах.

Деление церковного обряда в Англии, даже между жителями самого незначительного местечка, непомерно. Самая установленная церковь делится на три партии (высокой, низкой и широкой церкви). Странники каждой из этих партий имеют обыкновенно свой храм и не ходят в чужой. В каждой небольшой деревне, где не более 500 человек постоянного населения, существует нередко три англиканских церкви и, кроме того, три церкви методистов разных трех толков. Последователи этих толков, различаясь в очень тонких и капризных подробностях, отрешаются от молитвенного общения между собою.

Частные лица и отдельные общества в Англии расходуют большие средства, чтобы доставить возможность простому народу участвовать в богослужении. Приходится для этого строить отдельные церкви или нанимать отдельные помещения — театры, залы, сараи и т.п. Но не странно ли, что здесь с бою берут то, что у нас, на Руси, от начала вольно, как воздух, которым мы дышим?

В католическом храме: «Оземление неба»

Но вот вы входите в римский храм (костел). Вас удивит, прежде всего, то, что приходится входить в него не с восточной стороны и обращаться лицом на запад. Переходя от главного престола к приделам, вы заметите, что, к какому бы приделу вы ни обратились, вам придется стоять спиной к другому приделу. Подле стен по ту и другую сторону в римских храмах расставлены закрытые исповедальни. Середина храма обычно заставлена стульями и скамьями, за которые надо платить, как в театре. Западные храмы отличаются еще от наших тем, что в них нет иконостаса. Быть может, потому алтарь и престол не пользуются на западе такою честью, как у нас. Оттого здесь женщины не только входят в алтарь, но даже сидят в нем, опираясь иногда руками на самый престол. По окончании литургии низший церковнослужитель становится на самом престоле, чтобы снять свечи.

При входе в костел вас поразит также живость статуй и картин. Будто небо перенесено сюда для соприсутствия с верующими чадами земной католической церкви. Но всмотритесь ближе, и вы заметите, что это перенесение неба на землю совершено путем, так сказать, захвата, путем оземления неба, его оплотнения. Вас удивит художественный реализм поз и выражений; обилие и разнообразие Мадонн (изображений Богоматери), нарисованных с натурщиц; статуи, убранные в современные костюмы, по которым статую святого можно принять за

простого смертного человека. Там, вдали, вы замечаете фигуру как бы крестьянина или рабочего. Вы подходите ближе — и каково же ваше изумление, когда вы вдруг убедитесь, что это — Христос!..

Один путешественник рассказал о своем посещении города Алкаль-Энареса (древняя Комплота), родины Сервантеса и кардинала Циснероса, давшего миру с коллегией выдающихся ученых Комплотенскую Библию — полиглоту: «Захожу в Megistral, главную церковь города. Услужливый испанец зажигает свечу и показывает храм. Много скульптурных священных изображений. Вот Nostra Senora — Пресвятая Дева. Вот фигура Христа в рост человека с длинными натуральными волосами, в шляпе и с посохом в руках. Вы думаете о материализации христианских идей в католичестве, но и отдаете дань жизненности религиозных умопредставлений католицизма, который слишком приближает Бога к человеку и его нуждам. В одной из церквей Мадрида мне пришлось наблюдать, как молодая женщина-испанка в пустом храме плакала пред статуей Пресвятой Девы de los dolores, крепко обнимая ноги Пресвятой Девы»³.

Но вот раздалась звуки органа и капеллы. Вам невольно припоминается ветхозаветное богослужение с его гусями и органами, трубными звуками и песнями, скаканиями и играциями. А капелла заставляет вас выслушивать звуки итальянского концерта совершенно в стиле оперы, со страстными выкрикиваниями соло и бурными порывами хора и органа. Но вот появляется патер. Его размеренные движения, заученные позы, искусственные жесты, театрально произносимые возгласы невольно вызывают мысль, что вы находитесь скорее в театре, чем в храме.

Музыка, пение, священнодействия, всякого рода церемонии — словом, вся обстановка католического храма вызывает не возвышенное религиозное чувство, а ряд земных впечатлений. Такому настроению католического храма и богослужения соответствует и вид молящихся. Если протестант с чопорной холодностью, чинно и внимательно сидит на скамье в кирхе, уткнувшись в книгу, точь-в-точь как прилежный школьник, то в латинском костеле вы непременно встретите или ползущую по ступеням к Мадонне богомолку, или распростертого долу богомольца. Невольно возникает мысль о ветхозаветном рабстве, об отсутствии чувства сыновнего дерзновения пред Богом, о забвении слов апостола, что Господь есть Дух, а где Дух Господень — там свобода. Мы же все открытым лицомзираем на славу Господню, преображаясь в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа (II Кор. 3.17–18).

Припомним также латинские средневековые мистерии, совершавшиеся в храме⁴. Не вывелись они и теперь. Нам припоминается прав-

3 «Из путевых впечатлений по Испании». Церковно-Общественный Вестник. 1913 г. №31. стр. 10.

4 В нашей Русской Церкви также существовали некоторые «действия». Например, пещное действо, хождение на ослати и проч. Но у нас они никогда не были

дивый рассказ одной почтенной православной дамы о ее пребывании в польской Варшаве:

«Была Страстная Седмица. Из любопытства я пошла в костелы поклониться плащанице. Вхожу в один и вижу, что возле плащаницы, по краям, стоят изображения ангелов, автоматически вертящиеся, точно детская кукла, с передергиваниями. В другом костеле возле плащаницы устроено искусственное озеро с плавающими утками и лебедями. Правда, это красиво. Но причем эти утки и лебеди при страданиях и погребении Спасителя — я понять не могла. В третьем костеле плащаница окружена рядом зеркал, и получается впечатление многих плащаниц. Внимание невольно рассеивается, и для молитвенной сосредоточенности нет места».

Самую службу Великой Пятницы латиняне также не оставляют без наружных эффектов. Чтобы представить мрак, бывший при смерти Спасителя, в латинских костелах закрывают обыкновенно все окна, и на месте главного престола вешается огромная икона (например, предательство Иуды) или устроится пещера, в которой погребен был Спаситель.

Приводим еще описание встречи праздника Рождества Христова в католической Испании: «Рождество на западе едва ли не самый большой праздник в году, как Пасха на востоке. Именно рождественская ночь в католическом церковном культе играет роль нашей пасхальной. В ночь под Рождество совершается торжественная полуночная служба, аналогичная нашей пасхальной заутрене, и присутствие на этой «обеде при пении петуха» обязательно для верующих».

Современная Испания, конечно, плохо верует. Даже в простом народе не заметно былой набожности. Но она еще очень полна церковной традиционности и, по консерватизму испанского характера, вероятно, долго еще сохранит этот оттенок так же, как и свои средневековые процессии. Впрочем, даже ведь «безбожник» Париж сделал из рождественской ночи свой любимый праздник. Тем более его традиция хранится в испанском юге, где так долго и так горячо верили... «Добрая ночь» непременно должна быть отмечена посещением «петушиной мессы» и затем ночным пиршеством, что у нас называли бы «разгавливаньем».

В эту ночь вся Севилья не спит. С одиннадцати часов вечера отовсюду тянутся вереницы праздничных теней к церквам, горящим иллюминацией. Картина, живо напоминающая родину в пасхальную ночь. Мягкий, теплый воздух этого странного декабря, листва вечнозеленых деревьев, цветы на улицах довершают сходство. Конечно, это Пасха, наша Пасха — и сейчас я услышу победное и несравненное «Христос Воскресе»... С трудом убеждаешь себя, что это другой праздник, другая ночь и другая страна.

до такой степени тесно слиты с самым богослужением и не имели столь широкого применения, как у католиков.

Главная служба в соборе. Там будет служить кардинал архиепископ, там лучшие певцы, лучший проповедник и самый громадный орган. Половина Севильи идет туда.

О севильском соборе знает всякий, что это второй храм католичества по размерам, величайший после собора св. Петра в Риме... Даже в самый яркий день старый собор окутан готическим сумраком, в котором мерцают по стенам фантастические розы расписных стекол... Тем мрачнее он сейчас ночью: люстры и лампы тонут в этой темной громаде, как огни маяка над морем. Но в этом каменном море шумят людские волны. Весь собор полон народа, вечно шумного, вечно живого, южного народа, который, кажется, решительно не умеет ни при каких обстоятельствах вести себя тихо. Они и здесь ходят, разговаривают, раскланиваются с знакомыми, ухаживают за дамами, черные туалеты которых не переменили своего излюбленного цвета даже ради праздника. Церковная служба идет своим чередом — поют, гремит орган, старик-кардинал проходит из «хора» в главный алтарь и обратно, поддерживаемый со всех сторон целой свитой «придворных». Но все это обращает на себя мало внимания. «Традиция» требует быть в «добрую ночь» в этих стенах, и только.

Зато приходят целыми семьями, с друзьями, знакомыми, с детьми и... с собаками. Я не описался, читатель, это именно так: вслед за входящей семьей вбегает и домашняя собачонка — очевидно, неразлучный друг дома. Ее никто не думает гнать, и она, повернувшись, усаживается возле стульев, занятых членами семьи. Собаки приходят со стороны, а кошки, кажется, даже прямо проживают при испанских церквах — настолько они в них представляют обычное явление.

Служба идет вяло, монотонно. Скучно поют певцы, однообразно гудит великолепный орган. Я ждал полуночи, все в смутном чаянии чего-то пасхального. Но вот стрелки соединились на цифре XII, и момент прошел почти неотмеченным. Проповедник, что-то читавший на кафедре, продолжал читать... Ну, это уже не психологично и окончательно скучно. Очевидно, и за стенками «хора» остались одни «традиции». И я пошел бродить по собору».

Все богослужение остается для католиков чем-то чисто внешним, рассчитанным на эффект. Богомолец является не участником в нем, а только зрителем. Он лишь присутствует при нем, но не деятельно. Участвует же деятельно в богослужении лишь духовенство, которое молится на своем правительственном языке, мало доступном пониманию теперешних европейских народов — на языке древнелатинском.

Чтение и пение в костелах на чуждом для народа языке, слов которого нет возможности разобрать, является не гимном народного собрания, не воплем, льющим из души верующих, а чтением и концертом, искусственно устроенным, который покрывает собою богослужение, но не сливается с ним.

Возражат, быть может, что и в Русской Церкви употребляется при богослужении устарелый язык церковнославянский. Но Православная Церковь всегда признавала и ныне признает, что церковное богослужение должно совершаться на языке народном. Таково общее, основное правило, издревле признаваемое Церковью. Наша практика расходится с этим общим правилом лишь в том, что движение обряда не могло у нас поспевать за движением организовавшегося языка — и только. Развитие языка шло гораздо быстрее развития церковного обряда. Здесь нет, однако, ничего похожего на римскую практику, где отвергнут самый принцип древней Церкви. У нас же церковнославянский язык весьма еще близок к языку народному, особенно к языку малороссов.

Высокомерие католического духовенства проявляется не в одном богослуженном языке, а и во многом другом. «Для католицизма характерны, — говорит В. В. Розанов, — его постоянное высокомерие в отношении к умственному уровню покоряемых духовно стран, самый тон пропаганды и какая-то боязнь света. Штурмы католицизма обходят армии покоряемой страны, прокрадываются в сельское население, пробираются к блуждающим женщинам, у которых много парусов и ни одного руля, вкрадываются к «гонимым» сектантам, торопливо и охапкой «одоброая» все их мнения и особенности, но без всякого серьезного внимания к этим особенностям, то есть опять же без внимания к лицу и достоинству человека. И везде католицизм идет, презирая тех, к кому идет. И везде он тащит одинокую, слабую, отставшую, отделившуюся от стада овцу, которая блеет, не зная, куда повернуть голову. Тут он храбр, в потемках, в закуте, в нашептывании на ухо мужику или женщине»⁵.

Самые таинства мыслятся у католиков как материально-чувственные каналы, по которым льется благодать. Ключи от этих каналов — у священника, который отворяет их и затворяет. Почитание святых использовано католиками словно какой-то банк (сокровищница) сверхдолжных дел, откуда в случае нужды может позаимствоваться благонадежный папист. Тоже нужно сказать о чистилище, учение о котором основано на чувственном представлении загробного состояния душ и на превратном понимании силы и действительности ходатайства Церкви для всех ее членов.

Когда искренний и глубоко верующий папист с полным подобо-страстием и неуместным благоговением лобызает туфлю римского первосвященника, считает за святыню всякие реликвии папы, совершает тысячеверстные паломничества, чтобы получить от святого отца индульгенцию, то не должно ли все это вызвать в нас мысль, что здесь земной глава Церкви отеснил и затмил небесного Главу — Христа Спасителя. Не ясно ли, что, лобызая туфлю папы и повергаясь

5 «Россия и папство». Новое Время. 1913 г. // По церковному Вестнику. — 1913 г. №11. Стр. 325.

в прах пред ним, правоверный католик забывает о Христе, невидимо живущем в Церкви и управляющем ею, что здесь Христос-Богочеловек превращен в папу-человека⁶.

В православном храме: «Жизнь таинственного общения с Богом...»

Переходим к богослужению православной Церкви. Православие, по его внутреннему сознанию и убеждению, является подлинным апостольским христианством по прямому наследованию, хотя и в определенных исторических формах, каких — в духе своей эпохи и условий — не чужды были и первохристианские времена. «Сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера вселенную утверди». Христианство является для православия не учением (как для западных исповеданий), а жизнью таинственного общения с Богом во Христе и благодатного обновления от Духа Святого в целокупном братстве верующих, когда все они единением веры с Сыном Божиим усыновляются в Нем Отцу Небесному и затем естественно бывают по благодати братьями между собою. Вот почему в православии доминируют благодатные таинства, обнимая все человеческое существование по всем сторонам. Они тут не внешний символ, не ритуальный аксессуар, устрояемый и сокращаемый по усмотрению, а необходимая стихия самой живительности христианства, обеспечиваемая иерархическим священством по прямому преемству от Господа Спасителя⁷.

Наилучшим выражением церковного самосознания и богоощущения является наше православное богослужение. Эпоха его составления — I–IX века — есть эпоха невтораемая. В те первые века христианства возрожденное и обновленное во Христе человечество так сильно, реально и осязательно чувствовало Бога и Его несказанную любовь, как свое внутреннее благо, так живо сознавало наступление Царства Божия, как после ощущали и сознавали только отдельные и исключительные личности. То было время религиозного экстаза, когда человек, подобно апостолу Павлу, был «восхищен до третьего неба и слышал неизречен-

6 Заметим, что папская туфля бывает красная, шелковая или сафьяновая; на ней спереди вышивается золотом крест. Этот-то крест и целуют, когда повергаются к стопам папы. Ясно, что крест этот вышивается лишь затем, чтобы скольконибудь прикрыть или оправдать обычай целования папской туфли. Но неужели для возвышения папы надо унижать крест Христов?

7 «Православие по его существу». Проф. Николая Глубоковского. Христианское чтение. 1914 г., январь, стр. 3–22. Правильно и то воззрение, что православие есть середина между крайностями протестантизма и католичества. Но середина эта — не выдуманная, а действительная. Та середина, какую занимает всегда жизнь и истина, в отличие от крайностей заблуждения.

ные глаголы» (2 Кор. 12.2), каких человеку на обыкновенном его языке нельзя и передать, без самого этого ощущения. То было сплошное благоговение и восторг человеческого духа пред новооткрывшеюся жизнью во Христе. То было такое полное причастие божественной жизни, какое потом не повторялось.

Это ясное, осязательное и сознательное переживание жизни Божией человеком и отпечаталось с великою силою в нашем искони веков идущем богослужении. Все оно полно самого живого, реального богоощущения и богосознания. Чем ближе человек к идеалу Христову, тем способнее он понять и пережить ту новую жизнь, которая отлилась в эти дивные богослужебные формы. И дело здесь вовсе не в самих формах, не в художественном изяществе и богатстве их, а в том, что скрыто за этими формами.

Сравните бедное богослужение сельского храма, совершаемое с должным настроением, и пышное богослужение великолепного городского собора, совершаемое без такого настроения. Вы сразу увидите, что суть богослужения не во внешнем блеске и великолепии, не в безукоризненной плавности движений, не в утонченной музыке напевов — словом, не в обстановке богослужения. Пусть все это будет в богослужении второго рода, но оно не вызовет молитвенного настроения, если в нем не будет искренности и неподдельности настроения совершителей и молящихся.

Вся сила и дух богослужения в переживании святой жизни, которая отлилась в богослужебные формы, в том переживании богообщения, когда Бог ощущается как внутреннее верховное благо человека, когда воля Божия становится вполне господствующею над волею человека, когда человек ощущает в себе святую радость и мир Царствия Божия, когда он переживает восторг совершенно неземной.

Это-то богослужение в чистом и неизменном его виде доселе хранит, как зеницу ока, Церковь русская, православная. Возьмем совершение таинства Евхаристии — этого средоточия всего православного богослужения. Всех своих членов Церковь православная приобщает к Своему Спасителю телесным с Ним объединением — вот смысл Евхаристии. Какая разница от западных исповеданий, характер которых высказывается здесь во всей наготы! Латиняне готовы видеть в таинстве Евхаристии внешне-магическое и единичное действие благодати на верующего, допуская поэтому тайную мессу. Настаивая на существе таинства, то есть на действительном преложении земных элементов (хлеба и вина) в небесное тело, католики, по неизменной своей привычке, истолковывают духовное действие как чисто вещественное и унижают таинство до того, что оно в их понимании превращается в какое-то атомистическое чудо. Это стремление так явно, что один благочестивый, хотя и неученый, священник, читая рассуждения латинян по этому вопросу, в благочестивом

ужасе воскликнул: «Господи, что же это они говорят такое? Они, кажется, принимают тело Христово за мясо Христово!»

Католик рассуждает о физической сущности таинства, отличая ее от случайных ее принадлежностей. Протестант отрицает возможность присутствия тела Спасителя в таинстве на том основании, что это тело, по слову апостола, пребывает в небесной славе, одесную Отца. Ни разу слово веры не раздалось ни на той, ни на другой стороне; ни разу живой свет предания не бросил ни одного луча в печальный мрак этих схоластических прений.

Не то в православии. Здесь Евхаристия есть таинство собрания, тайна приобщения телу и крови Христовым именно в собрании верующих, в их взаимной любви и братском общении. Таинство Христа совершается именно в соборном единении верующих, их взаимною любовью и священнодействием предстоятеля Престола Божия. Православный священник не может служить тайной, или тихой, литургии неслышным шепотом, только для себя одного.

Переходим к обозрению подробностей и обстановки православного богослужения. При входе в старинный, истово православный русский храм вы сразу чувствуете, что это не церковно-приходская школа для взрослых, не религиозный театр, а именно дом Божий, дом святых, дом молитвенного созерцания и возношения сердец горе. При самом входе в этот храм сами собою оставляют вас всякие житейские попечения; вы невольно забываете, оставляете за порогом храма все суетное, мирское, житейское.

Таинственный полумрак, с мерцающими лампадами и свечами чисто пчелиного воска — этими дарами и знаками любви к Богу со стороны верующих, этот полумрак не раздражает ваших глаз резкими и храму не подобающими световыми эффектами. Напротив, он успокоительно действует на взволнованную душу, как бы знаменует тот невечерний и незаходимый свет, какой светит в Царстве Отца Небесного.

Спокойные лики святых, без всяких аффектных сцен, резких поз, вычурных одежд — отрешенные от всякой чувственности, более символические, чем реально-художественные, как будто смотрят на вас из пренебесной выси, из страны духа, святости, неизменной правды и радостного покоя...

Икона, а не картина

Посмотрите на живопись в православном храме. Как, при всей иногда простоте, иконопись наша далека от западных образцов! Какая одухотворенность видна на ликах! Выражением православного веросознания в этом отношении может служить известное сказание об Эдесском правителе Авгаре. Этот правитель пожелал иметь изобра-

жение Христа Спасителя и для этой цели послал своего художника в Палестину. Тщетное желание!.. Гений человека-художника не в состоянии был уловить ни единой черты богочеловеческого Лица, ни единой черты не мог запечатлеть своими руками на полотне. Только Сам Христос мог создать нерукотворенный образ Своего безгрешного Лица, то есть отнюдь не реально-художественную картину, а именно только образ-икону. В этом сказании выражена одна из коренных истин православия. В древнейшее время Церковь предпочитала символические изображения Христа — в виде монограммы, агнца, рыбы, доброго пастыря. А позднее, с широким развитием христианского искусства, мы встречаем всегда только однообразно-правильные и условно-символические образа Христа, без всяких чисто человеческих черт западного реализма. И православная Церковь в течение веков строго следила за правильностью и святостью изображений Христа Спасителя, предписывая для сего художникам строго определенные правила в так называемых иконописных подлинниках. Говоря иначе, истое православие знает только образ или икону Спасителя, а не картину, не портрет.

В отношении верности заветам древней церкви стоит сравнить убрусы восточно-православный и западно-католический. На убрусе Вероники (католическом) мы имеем реально-чувственное изображение страдальческого и чисто человеческого Лица Христа, даже окровавленного, а на убрусе, исцелившем Авгаря (православном) мы созерцаем светло-божественный и чудодейственный Лик Христа.

То же следует сказать об изображениях Богоматери. Западная Мадонна, нарисованная с натурщицы и разряженная в национальный костюм едва ли не по последнему требованию моды, может возбуждать в истово-православном человеке какое-то странное чувство, далекое от благоговения. Лик Богоматери и предвечного Младенца в нашей Церкви всегда имеет строго-определенный вид иконы, а не портрета или картины.

В последнее время входит в употребление Васнецовское изображение Богоматери, когда Она изображается в полный рост (в куполе собора св. Владимира в Киеве). Тип этот становится господствующим в церковных изображениях и, возможно, скоро вытеснит другие типы. Однако усердствовать в этом распространении не следует. Должно непременно сохранить около них и привычное русскому глазу и русской молитве поясное и грудное изображение Богоматери. Образ Васнецова — хорош, очень хорош. Но образ этот не идеал, не завершение — и хорош он в своем месте, при известных условиях. Старое, обычное, поясное изображение Святой Девы (образ Божией Матери Казанской, Знамения и пр.) выше его потому уже, что не утомляет, будучи постоянным и повсюдным. Напротив, если бы случилось на десяти иконах подряд увидеть «все Васнецова» — все сейчас же почувствовали бы утомление и однообразие.

То же и в отношении к иконам святых. Православие вовсе не желает знать, например, как напряжены были мускулы и какое выражение имели глаза святителя Николая, когда он горел огнем священной ревности о славе Божией. Православный христианин желает созерцать великого чудотворца не таким, каким он был в известный исторический момент своей земной жизни и каким уже перестал быть, но таким, каков он теперь, то есть как угодника Божия, помощника верующих в нуждах и молитвенника за них пред Богом. В этом созерцании нет места никакому реализму, никакой чувственности, никакой плотности.

В частности, Русская Церковь до последнего времени строго следовала заветам истинного православия, допуская иконы-образы, а не картины или портреты с натуры. Частичные исключения в копиях с западных оригиналов и в оригинально-русских изображениях Христа в виде еврейского учителя — это только измена заветам истинного православия. Подлинный православно-русский гений отвергается от этих картин, не узнает в них ни Христа, ни Богоматери, считая их за профанацию святого православия.

Поучителен в этом отношении пример художника Иванова, написавшего известную картину «Явление Христа народу». Пример этот особенно поучителен потому, что художник со школою западного реализма соединил истинно русский гений и истово православное веросознание. Всмотритесь в это великое создание русского художника, какое представляет собою картина «Явление Христа народу». Вот мощный, полный движения и выразительности образ Крестителя, представляющий олицетворение пророческого «гласа, вопиющего в пустыне» (Мк. 1.3). Вот пораженные то наивно-детским, то спокойно-торжественным, то благоговейно-смирненным ожиданием провозглашаемого Агнца Божия слушатели и ученики пророка пустыни. Вся обстановка картины, все ее частности — все дышит жизнью, все наглядно, реально. Все это как бы живым взято из дали веков и целиком перенесено на полотно великим русским художником.

Но, владея даром запечатлеть языком красок самые тончайшие изгибы человеческой души, великий русский художник оказался немощным в отношении к образу Христа — средоточию всей картины. Истово-православный религиозный гений громко говорил художнику, что изобразить Христа в реально-художественном виде, хотя бы и привлекательном, с типично человеческим только лицом сирийца или даже иудея — значило бы изобразить обычного еврейского раввина, а не Искупителя мира, не Богочеловека.

Религиозный гений подсказал православному художнику, как нельзя изобразить Христа, но он не мог дать ему ответа на вопрос: как должно изобразить Христа в этой реально-художественной обстановке картины, потому что Христос в этом смысле неизобразим и неопишем. Стоящий вдали

незаконченный, туманно-неопределенный образ грядущего Агнца Божия на картине Иванова более приближается к православно-символической иконописи, чем к западно-художественному реализму всей картины⁸.

Пение, укрощающее душевные страсти

Пение в православном храме — ровное, спокойное, мелодично-стройное, тихое, без резких выкриков, без раздражающих слух завываний — способно укрощать душевные страсти современных Саулов и утишать сердечные бури.

Русское церковное пение, как народная песня, льется широкой струей из народной груди, и чем оно вольнее, тем полнее говорит сердцу. Напевы у нас одинаковые с греками, но русский народ иначе поет их, потому что положил в них свою русскую душу. Кто хочет послушать, как эта душа сказывается, тому надобно идти не туда, где орудут голосами знаменитые хоры и капеллы, где исполняется музыка новых композиторов. Ему надо слушать пение в благоустроенном монастыре или в одной из тех приходских церквей, где сложилось добрым порядком хоровое пение. Там услышит он, каким широким, вольным потоком выливается праздничный ирмос из русской груди, какую торжественною поэмой выпевается догматик, слагается стихира с канонархом, каким одушевлением радости проникнут канон Пасхи или Рождества Христова.

Тут оглянемся и увидим, как отзывается каждое слово песни церковной в народном собрании, как блестит оно в поднятых взорах, носится над склоненными головами, отражается в припевах, несущихся отовсюду, потому что всякому церковному человеку знакомы с детства и слова, и напевы, и во всяком душа поет, когда он их слышит... Подлинно, это те звуки, о которых сказал поэт, что им «без волнения внимать невозможно»...

Кто с детства привык к этим звукам, сколько у того от них поднимается всякий раз воспоминаний и образов из той великой поэмы прошлого, которую каждый прожил и каждый носит в себе!

Вторжение моды в церковное искусство

Искренние любители и ценители церковного пения нынче не могут ходить в большие храмы, ибо там молитвенная музыка заменена концертной. Этот концертизм вместе с вычурностью живописи и архитектурного стиля — истинные бичи православия. Может быть,

⁸ Русская Церковь допускала и так называемые «портретные» изображения на иконах; но иконы эти никогда не занимали видного места в храмах, а помещались в притворах, либо изображения эти находились не на самих иконах, а у подножий их.

ничто так не повлияло на упадок народной веры в последние десятилетия, как это вторжение моды в церковное искусство. В века живой веры понимали, что стиль веры нельзя менять без поражения самого существа ее. Поэтому долгими столетиями держался один и тот же характер в постройке храмов, в живописи (так называемой византийской), в устройстве иконостаса и в напевах.

Стиль во всем этом становился наследственно-привычным и потому глубоко священным, возбуждавшим религиозное чувство. Когда начали строить храмы всевозможных наружных видов, когда стали ломать многоэтажные иконостасы и заменять западноевропейскими загородочками и ширмочкам для алтаря, когда ввели концерты, оперные напевы, дух народный невольно утратил древнее настроение веры и сбился с тона. Необходимо всеми мерами бороться с этим большим местом православной церковной жизни, надо оберегать исторически установившийся церковный стиль с усердием и любовью.

Ведь привычка — вторая природа. Достаточно хорошие привычки от времени делаются все лучше, и их следует оберегать, как святыню. Даже частности, даже мелочи в общем порядке религиозного воздействия имеют огромное значение. Завели, например, недавно электричество в больших храмах — и настроение сложилось уже не совсем то, что было прежде. Возможна поэзия лучины, восковой свечи, лампадки... Но лампа Эдисона, как все новое, слишком молода для поэзии. Вот почему и излишний концертизм в церковном пении, увлечение им надо считать серьезнейшим недостатком церковной жизни. В церковной музыке, кроме разве гениальных новшеств, надо брать только древнее, похожее на вечность, ибо только такое превращается в нечто национальное, сообразное с душой народной, всегда милое и для нее священное. Уважая церковный напев как сложившуюся душу народного пения, у нас почему-то в последнее время позволяют так и эдак ломать напевы древних, как сам народ, молить.

Убеждение красотой и святостью

Священнодействия в православном храме — спокойные, без театральных жестов и искусственных интонаций, полные глубокого религиозного символизма — внушают невольное чувство благоговения и поднимают сердца верующих горе.

Священнослужитель поставлен в Православной Церкви при богослужении так просто, что от него требуется только благоговейное внимание к произносимым словам и совершаемым действиям. В устах его и через него священные слова и обряды сами за себя говорят — и как глубоко и таинственно говорят душе каждого и соединяют все собрание в одну мысль и одно чувство! Оттого самый простой и неис-

кусный человек в звании священника может, не подстраивая себя, не употребляя искусственных усилий, совершать молитвенное действие и вступать в молитвенное общение со всею церковною общиною.

Церковное чтение в православных храмах, раз оно совершается внятно, благоговейно и с пониманием его смысла самим читающим, неизменно и постоянно производит неизгладимое впечатление на верующих. Православные богослужебные книги — это поистине неисчерпаемая сокровищница самой возвышенной, самой чистой религиозной поэзии, действующей на сердце и на ум. Только в духовной поэзии богослужения сокрыта тайна убеждать без доказательств внутреннею красотой и скрытою в них святостью. И православная Церковь до сих пор молится словами величайших духовных поэтов и писателей — Василия Великого, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Космы Маюмского и других, религиозные переживания коих ни с чем не сравнимы. По сравнению с этими дивными творениями все эти канты Лютера, все эти духовные песни наших рационалистических и мистических сектантов представляются чем-то бедным, бесцветным, лишенным духа и силы.

Прочитайте канон Великой Пятницы пред плащаницею (плач Богоматери). Сколько в нем теплого материнского чувства, сколько в нем неземной тоски! Прочитайте со вниманием канон — беседу Богоматери с архангелом на Благовещение. А каноны на Преображение и на Троицу! Вдумавшись и вслушавшись в их содержание, вы начинаете проникаться возвышенной мистикой этих поэтических импровизаций, этих лирических драм с диалогами, монологами, где так много разлито теплого религиозного чувства. Не говорим уже про то радостное настроение, которое содержится и, можно сказать, бьет через край в Пасхальном каноне святого Иоанна Дамаскина. А его же воскресные ирмосы: «вскую мя отринул еси от лица Твоего, свете незаходимый» или «Ты — моя крепость, Господи, Ты моя и сила, Ты — мой Бог, Ты — мое радование». А того же Иоанна Дамаскина погребальный канон! Это произведение останавливало на себе внимание глубоко одаренных поэтов, с чуткой душой, например, графа Алексея Толстого, и вызывало подражания. Но всех перлов, сокрытых в наших богослужебных книгах, не перечить.

«В самую торжественную минуту бытия человеческого». Православный погребальный обряд

Если всмотреться внимательно в обряды православной Церкви, то в них нетрудно усмотреть глубочайший сокровенный смысл. Православная Церковь, как заботливая мать, окружила молитвою, благословением и благожеланием всю земную жизнь христианина — от

колыбели до могилы. Нет того жизненного положения, нет той скорби житейской, куда бы Церковь не внесла своего света, своего теплого участия, своего назидания. Людям, живущим в союзе с православной Церковью, нет нужды подробно рассказывать об этом: они по опыту знают эту материнскую любовь Церкви православной.

Остановиться подробнее стоит на погребальном обряде православной Церкви, наиболее ярком и типичном. Как относится протестант к телу покойника, о том была речь раньше. У нас, в России, характерная народная черта — это религиозное отношение к мертвому телу, исполненное любви, нежности и благоговения.

Нигде во всем мире, кроме нашей страны (язычники — китайцы и японцы не в счет), погребальный обычай и обряд не выработался до такой глубокой, можно сказать, виртуозности, до какой он достигает у нас. Нет сомнения, что в этом его складе отразился наш народный характер, с особенным, присущим нашей природе, мировоззрением.

Ужасны и отвратительны черты смерти повсюду, но мы одеваем их благолепным покровом, мы окружаем их торжественною тишиною молитвенного созерцания, мы поем над ним и песнь, в которой ужас пораженной природы сливается воедино с любовью, надеждой и благоговейной верой. Мы не бежим от своего покойника, мы украшаем его в гробе, и нас тянет к этому гробу не из праздного любопытства, а с целью взглянуть в черты духа, оставившего свое земное жилище. Мы поклоняемся телу и не отказываемся дать ему последнее целование, и стоим над ним три дня и три ночи с чтением, с пением, с церковною молитвой.

Погребальные мотивы наши исполнены красоты и величия. Они весьма продолжительны и не спешат отдать земле тело, тронутое тлением. И когда слышишь их, кажется, не только произносится над гробом последнее благословение, но совершается вокруг него великое церковное торжество в самую торжественную минуту бытия человеческого! Как понятна и как любезна эта торжественность для русской души!

Иностранец, за редкими единичными исключениями, редко понимает нашу погребальную торжественность, потому что она — совсем ему чужая. У нас чувство любви, пораженное смертью близкого человека, расширяется в погребальном обряде. У него оно болезненно сжимается от того же обряда и поражается одним ужасом.

Здесь кстати будет отметить разницу в отношениях к мертвому телу великоросса и малоросса. В то время, как первый не спешит погребать своего покойника, охотно выдерживает его у себя в доме положенные три дня, малоросс, очевидно, под косвенным влиянием поляков-католиков и немцев колонистов-протестантов, стремится предать тело земле возможно раньше. В этом стремлении, пожалуй, возможно усматривать и действие условий климатических и причин экономических: всякий лишний день, когда покойник в доме, требует лишних расходов.

«Со святыми упокой» на английском языке

Впрочем, и на Западе наши соседи начинают надлежащим образом ценить погребальный и поминальный русский обряд.

Когда разнеслась скорбная весть о кончине в Бозе почившего Государя Императора Александра III, то вместе с плачущею православною Россиею пожелала помолиться о упокоении его души королева Великобритании, любившая и глубоко почитавшая нашего Царя-Миротворца. В своей церкви она не могла найти никаких песнопений для удовлетворения своей сердечной потребности, так как в англиканстве до последнего времени не допускались моления об упокоении душ усопших. Но нашлись люди, указавшие королеве на нашу чудную священную песнь: «Со святыми упокой». Песнь эта немедленно была переведена на английский язык, и английский текст ее положен на наш же церковный мотив.

Это родное нам «Со святыми упокой» в первый раз прозвучало в англиканской церкви в день погребения Александра III, и именно в частной дворцовой капелле Виндзорского дворца, за особым богослужением, происходившем как раз в то время, когда в Петропавловском соборе совершался чин погребения. Королева Виктория со всеми наличными членами королевской семьи присутствовала при богослужении. Слова песнопения и наша церковная мелодия, введенные в англиканскую службу, поразили молящихся.

В сороковой день по смерти Александра III, по желанию королевы, поминальная служба с нашим «Со святыми упокой» вновь была повторена в Виндзоре, но уже не в частной церкви королевы, а в примыкающем ко дворцу соборе, называемом капеллой святого Георгия.

14 января 1895 года «Со святыми упокой» опять огласило своды того же собора, но на этот раз оно впервые было пропето в день поминовения англичанина по вере, а именно внука королевы, герцога Кларенского, умершего за два года пред тем.

Когда скончался зять королевы, принц Генрих Баттенбергский, по желанию королевы и ее овдовевшей дочери, принцессы Беатрисы, «Со святыми упокой» в первый раз было внесено в чин англиканского погребения. Дело в том, что наша церковная песнь и своим глубоким смыслом, и своими чудными звуковыми сочетаниями производила на молящихся столь глубокое впечатление, что королева приказала, наконец, внести ее в книгу придворного церковного ритуала с тем, чтобы она постоянно была включаемая во все поминальные и погребальные богослужения английского двора.

Пропетая в присутствии королевы до двенадцати раз, православная поминальная песнь невольно привлекла к себе общее внимание англи-

кан. Она переносится теперь из храма в храм и со временем, несомненно, войдет в общее употребление в англиканской церкви.

Несколько слов, пропетых из удивительной восточной церковной песни, прозвучали, по словам герцогини Бедфордской, совсем иным аккордом. Они не гармонировали с общим строем поминального богослужения, в которое были вставлены. У англикан есть много прекрасных церковных гимнов, вышедших из-под пера их лучших народных поэтов. Но, несмотря на поэтическую прелесть и неподдельное чувство христианской религиозности, они ничего не говорят скорбящей душе верующего, стремящейся отрешиться от всего земного и излить горячую молитву пред Творцом о любви, милосердии и всепрощении к почившему собрату. Они, несомненно, прекрасны в смысле размышления одинокой души, но, вместе с тем, совсем не подходят к выражению настроения собрания христиан, сошедшихся вместе для предания своего почившего живому Богу.

На этот диссонанс между англиканским богослужением и вставленным в него нашим «Со святыми упокой» первая обратила внимание герцогиня Бедфордская, предрасположенная к молитвенному общению с почившими, ввиду понесенных ею утрат в лице отца и мужа. Свободно владея греческим языком, она приобрела себе греческий Евхологий и принялась изучать по нему чин православного погребения.

Плодом этого изучения явилась ее книжка, в которой для англиканской церкви предлагается целый чин поминовения усопших, или, иными словами, панихида. Вновь изданная книга всем содержанием своим, и в особенности составом предлагаемой для англикан панихиды, изобличает большую умелость и опытность. Панихида целиком заимствована из нашего православного требника, из чина «погребения мирских человек». Несомненно, панихида наша откроет себе путь в сердца англикан.

«Православная панихида, — пишет Биркбек, известный английский деятель по соединению церквей, — если ее служит большое число епископов и духовенства, является поразительнейшей службой, какую только можно себе представить. Я присутствовал в феврале 1896 года в Исаакиевском Соборе в Петербурге, на годовичном благодарственном богослужении по случаю отпущения на волю крепостных. За литургией, которая была совершена со всем блеском, и торжественностью, которые обычны в России в большие праздники, следовала панихида по Императору Александру II. Служащее духовенство, числом около восьмидесяти, все одетое в облачение из серебряной парчи, вышло через Царские Врата алтаря в среднюю часть храма. Митрополит и четыре епископа заняли места на возвышенном амвоне под большим куполом в центре собора, а священники образовали два ряда по обе стороны от амвона до алтаря. В середине стоял стол с коливом, окруженный диаконами с кадильницами в руках. Диаконы, каждый поочередно, принима-

ли участие в службе вместе с двумя громадными хорами — митрополичьим и соборным, которые стояли по обе стороны Царских Врат в своих голубых с золотом форменных одеждах — приблизительно 160 голосов в общем — таких голосов, какие можно слышать только в России.

Все огромное здание собора было наполнено от одного конца до другого тысячами молящихся из всех классов русского общества, начиная государственными сановниками в их роскошных мундирах и кончая крестьянами в их овчинных тулупах — каждый с зажженной свечой. Это описание может дать некоторое понятие о русских поминальных службах по их знаменитым покойникам. Конечно, те панихиды, которые служатся по частным лицам, не имеют такой блестящей обстановки. Тем не менее, то же богослужение употребляется и по беднейшим крестьянам, когда их близкие просят об этом.

Немного в христианском мире богослужений, — заканчивает господин Биркбек свои впечатления от православной панихиды, — исполненных более красоты и величия, как панихиды в деревнях России, и ничто так хорошо не показывает той силы, какую получила православная Церковь в любви к ней русского народа».

Крематорий во имя науки? В защиту кладбищ

Несмотря, однако, на все эти попытки ко взаимному пониманию, все же трудно понять нас иноверцу, так же как нам дико и противно слышать о возникшей недавно в германском и английском обществе агитации, требующей введения нового погребального обряда. Там хотят, чтобы мертвые не предавались земле, а сжигались в особо устроенных печах. И требуют этого с утилитарной и гигиенической точки зрения. Пропаганда крематориев усиливается, составляются общества, устраиваются за счет частных лиц усовершенствованные печи (крематории), производятся химические опыты... Голоса в печати в пользу крематориев растут, крики усиливаются во имя науки, во имя просвещения, во имя блага общественного.

Голоса эти достигают и наших русских верхов; были оживленные толки по этому вопросу и в нашей столице. Движение было настолько сильно, что в официальном церковном органе этот вопрос был освещен с церковно-канонической точки зрения. Из какого далекого мира, из какого чуждого быта доносятся до нас эти звуки, и какой это мир чужой для нас, какой неприятный и холодный! Нет. Не дай Бог умереть в том краю, на чужбине, вдали от матери сырой земли русской!..

Припоминается одно неизгладимое впечатление. Давно это было. Я шел накануне Рождества по узеньким обледелым дорожкам мона-

стырского кладбища, пробираясь к знакомой дорогой могиле. Короткий день угасал, и красным заревом заходило или, вернее сказать, закатывалось багряное солнце далеко за пределы кладбища, за его оградой.

Я шел, спешил... Но все же невольно останавливался, любуясь снежным убором деревьев и всей величественной и какой-то таинственной красотой зимы — заиндевевшими чугунными крестами, заиндевевшими решетками кругом часовен и могил. Великолепны были эти часовни, черный мрамор которых зима превратила в белый, и он казался бархатным с тысячами мелких звездочек-искр, которые вспыхивали и переливались всеми цветами радуги при ярких последних лучах солнца.

Мне пришлось замедлить шаг, так как предо мною шли два мальчугана, а впереди них дама, которой они ежеминутно задавали вопросы, а она отвечала им скороговоркой неизменно: «да, да». Один из малышей поскользнулся и ухватился за нее. Она обернулась, и я увидел миловидное круглое лицо, блестящие черные волосы и припухшие, верно, от слез, веки. Она была в глубоком трауре. «По ком?» — мелькнуло у меня в голове. И, окинув взглядом пальтишки мальчиков, из которых они уже выросли, и ее тоже бедный костюм. «Плохо, — подумал я, — если это муж — кормилец семьи».

И, точно в ответ на мою мысль, один из мальчиков спросил ее:

— А ты вчера принесла елку папе?

— Да, да.

— А она хорошенькая?

— Да, да.

— А папа ее видит?

Но тут другой мальчик воскликнул:

— Вон, вон папина могилка!

И они оба побежали вправо. И немного поодаль я увидел свежую могилку с целым пригорком из зеленых венков и елочкою у подножия креста. Она, эта маленькая женщина, тоже, конечно, увидела могилку и, тяжело застонав, опустилась на стоявшую у края дорожки скамью.

Я хотел подойти, но с чем? С каким вопросом? С какой услугой? Она, видимо, чуждалась даже своих детей и хотела хоть на мгновение остаться одна. Бедная женщина! Она всю дорогу отвечала им «да, да», но в сердце ее было теперь одно холодное, вечное: «нет».

Мне тоже стало тяжело на сердце, всколыхнулись во мне самом жгучие, больные воспоминания, и, почти с облаков, с дальней дымки — стали вырисовываться дорогие образы, дорогие лица... Пелена снега стала темнеть. Засияли огоньки в лампадах... ударили в колокол: протяжно, торжественной волной прокатился по кладбищу этот призывный звон.

Кладбище... Какая поэзия! Какие хорошие чувства, какие глубокие думы рождает оно! Неужели скоро все это, все заменит крематорий и каменное здание, в стенах которого будут шкафчики с урнами?

Кладбище... Сюда заботливые руки принесут к Рождеству елочку на дорожную могилку, вербы — перед Страстной неделей, яичко — на Светлой Пасхальной неделе, на Троицу — букет цветов... Сколько во всем этом любви и утешения!

И вдруг... только шкафчики, полочки для урн! Нет голубого неба... не видно лампад. Видим только потерю, смерть... Смерть материи без порывов ввысь, без воскресения духа...

«Православная церковь красна народом»

Кто русский человек душою и обычаем, тот понимает, что значит храм Божий, что значит православная церковь с ее богослужением для русского человека. Мало самому быть благочестивым, чувствовать и уважать потребность религиозного чувства. Этого мало для того, чтобы уразуметь смысл церкви для русского народа и полюбить эту церковь как свою, родную. Надо жить народной жизнью, надо молиться заодно с народом, в одном церковном собрании, чувствовать одно с народом биение сердца, проникнутого единым торжеством, единым словом и пением. Православная церковь красна народом. Как войдешь в нее, так почувствуешь, что в ней все — едино, все народом осмыслено и народом держится.

И это с самого начала русской истории, с самого начала биения русского сердца. Раскроем первое свидетельство о биении этого сердца народного, русского. По сказанию русского летописца, великий князь Киевский Владимир Святославич, прежде чем принять православную христианскую веру, послал «добрых и смысленных мужей числом 10» к болгарам, к немцам и к грекам, «испытать когощдо их службу, и кто как служит Богу». Когда посланные возвратились, то рассказали князю Владимиру и его боярам следующее:

«Ходихом в болгары, смотрихом, како ся поклонят в храме, рекше в ропати (в капище), стояще без пояса; поклонився сядеть, и глядять семо и онамо, яко бешен, и несть веселья в них, но печаль и смрад велик, несть добро закон их. И приидох в немцы, и видехом в храмах многи службы творяща, а красоты не видехом никоея же. И приидох же в греки, и видеша ны, идежа служат Богу своему, и не свемы (не знаем), на небе ли есмы были, ли на земли: несть бо на земли такого вида, ли красоты такая, и недоумеем бо сказати; токмо то веемы, яко онеде Бог с человеки пребывает, и есть служба их паче всех стран. Мы убо не можем забыти красоты тоя; всяк бо человек, аще вкусить сладка, последи горести не примае, тако и мы не имамы сде бытии».

Вот наилучшее и наияснейшее свидетельство русских детей природы о величии, красоте и силе православного (греческого) богослужения. Так говорили лучшие русские люди (тогдашняя интеллигенция),

еще будучи язычниками. Принявши православную веру, русские люди еще более полюбили православное богослужение, еще более привязались к нему своим горячим сердцем. Эта привязанность наглядным образом выразилась особенно в любви русского народа к созиданию и украшению храмов. Первый христианский князь святой Владимир, «повелевший, после крещения, рубить церкви по градом», олицетворяет собою как бы весь храмолюбивый русский народ.

Православная Церковь со всею ее благолепною обстановкою во все времена была для русского народа школой благочестия, в которой он получал уроки истинно-христианской жизни. Киевский летописец под 1200 год пишет о жителях Киева и его окрестностей, посещавших церковь Михайловского Златоверхого монастыря⁹: «Днесь множество верных киевлян и насельники окрестные начинают иметь все большую и большую любовь ко храму Архистратига Господня Михаила: ибо утверждая неподвижно ноги свои на благоукрашенном здании и взирая очима своима, отовсюду привлекают веселие в душу, и им кажется, что они будто на аер (воздух) возносятся и так с любовью едва отходят. Ныне от многих сердец отнялись суетные помышления и маловерные глаголы»¹⁰. «Яко же бо дождь растит семя, — писал Симон, епископ Владимирский, к черноризцу Поликарпу, — так и Церковь влечет душу на добрые дела». И только под сенью такой именно воспитательницы — Церкви могло создаться то величие духа, которым русский народ изумлял и изумляет весь мир.

Всегда было на святой Руси и теперь еще есть, что у нас в церкви можно забыть обо всех сословных и общественных различиях, отрешиться от мирского положения, слиться совершенно с народным собранием, пред лицом Бога. Наша церковь (храмы) большею частью и создана на всенародные деньги, так что рубль от гроша отличить невозможно. Во всяком случае, Церковь наша есть всенародное дело и общенародное достояние.

Оттого она всем нам вдвое дороже, что, входя в нее, последний нищий чувствует совершенно так же, как и первый вельможа, что это его церковь. Церковь единственное место (какое счастье, что у нас есть такое место!), где последнего бедняка в рубище никто не спросит: зачем ты пришел сюда и кто ты такой? Церковь единственное место, где богатый не может сказать бедному: твое место не возле меня, а сзади. Ничего подобного, как мы видели раньше, нет на христианском западе.

Наша Церковь искони имела и доселе имеет и сохраняет значение всенародной Церкви и дух любви и безразличного общения. Верю народ наш держится и доселе посреди всех невзгод и бедствий, и, если что

9 Церковь эта заложена была князем Святополком 11 июля 1108 года; в 1908 году праздновался 800-летний юбилей ее.

10 Полное собрание русских летописей. Том 2. — с. 154.

может поддержать его, укрепить и обновить его в дальнейшей истории, так это вера, и одна только вера церковная, православная.

«Чтобы потребность в церкви не оставалась без удовлетворения»

Часто говорят и пишут, особенно в последнее время, что народ наш невежда в вере своей, исполнен суеверий, страдает от дурных и порочных привычек. Говорят, что наше духовенство грубо, невежественно, бездейственно, принижено, маловерно и мало имеет влияния на народ. Все это во многом справедливо, но все это — явления не существенные, а случайные и временные. Они зависят от многих условий. И прежде всего от условий экономических и политических, с изменением коих и явления эти рано или поздно изменятся. Что же существенно? Что принадлежит духу?

Любовь народа к церкви, свободное сознание полного общения в церкви, понятие о церкви как об общем достоянии и общем собрании, полное устранение сословного различия в церкви и общение народа со служителями церкви, которые из народа вышли и от него значительно не отделяются ни в житейском быту, ни в самых недостатках, с народом и стоят, и падают. Это — такое поле, на котором можно возрастить много добрых плодов, если работать вглубь, заботясь не столько о том, чтобы число церквей не превышало потребности, сколько о том, чтобы потребность в церкви не оставалась без удовлетворения.

Нередко нашему духовенству ставят в пример приличную внешность католического польского духовенства, его светский лоск, умение держать себя в обществе, влиять на массы. Оказывается, что это только внешняя дрессировка, приобретенная исторически, скрывающая под своей блестящей поверхностью внутреннюю пустоту, нравственное убожество.

Польское общество и печать имели особые причины, чисто политические, скрывать тайны закулисной жизни своего духовенства. С утратою политической самостоятельности костел и при нем ксендз приобрели для поляка особое политическое значение — как убежище, как оплот национальной самобытности, как орудие влияния на народ в известном направлении.

Увлечшись политической деятельностью и высоко ценимое обществом за нее, католическое польское духовенство в частной жизни не отличалось строгою нравственностью. Выступление мариавитов¹¹ показало, что нравственная жизнь польского духовенства поражена

11 Мариавиты (от лат. Maria и vita-жизнь) — религиозная секта в русской Польше, последователи которой решили подражать Пречистой Деве Марии. Исповедуют католические догматы, но не признают главенство Римского папы.

страшным недугом, моральною гангреною. Любостяжание, соединенное с грубым, бессовестным вымогательством за требы, заносчивое бессердечное обращение с народом, беззаботная эпикурейская жизнь, проходящая в пьянстве, кутежах, карточной игре, псовой охоте и других совсем недуховных развлечениях, но особенно разврат — разнообразный, открытый, циничный, развращение женщин, злоупотребление для этого конфессионалом (исповедью) — обычные явления в жизни католического духовенства.

Приведенная характеристика польского католического духовенства не страдает преувеличением; в ней нисколько не сгущены краски. Извлечена она из официального источника, вполне достоверного. Она принята, как заслуживающая полного доверия, четвертым всероссийским миссионерским съездом в Киеве 1908 года. Судите же после этой характеристики, нашему православному духовенству есть ли в чем подражать польским ксендзам, и не есть ли доброе по существу и целям мариавитское движение — движение к древней церковной чистоте верования в жизни — движение к истому православию?

Чему нам стоит поучиться у немцев и англичан

Как часто случается у нас в России слышать странные речи о нашей Церкви от людей, бывавших за границей, читавших иностранные книги, любящих судить красно с чужого голоса, или просто от людей наивных. Эти люди не находят меры похвалам англиканской или германской церкви и англиканскому духовенству и не находят меры осуждения нашей Церкви и нашему духовенству. Если верить им, там все — живая деятельность, а у нас — голая обрядность и бездействие.

Немудрено, что многие говорят так. Между людьми принято, что по платью встречают человека. Говорят: «по уму провожают». Но чтобы узнать ум и распознать дух, надо много присмотреться и поработать мыслью, а по платью судить не трудно. Составишь себе готовое впечатление и так при нем останешься.

Притом есть много людей, для которых первое дело, первый и окончательный решитель впечатления — внешнее благоустройство, манера, ловкость, чистота. В этом отношении, конечно, есть на что полюбоваться хотя бы в английской церкви. Есть о чем попечалиться в нашей. Особенно достойно внимания и подражания проведение воскресного дня англичанами и семейное у них чтение Библии. В немецкой, в английской семье отец каждый вечер берет в руки Библию комментарную (с объяснениями) и читает из нее главу собравшемуся семейству. Это — святая минута в жизни семьи. И отец в ней является не только физиче-

ским родителем, а наставником духа своих детей и всех домочадцев. Чем-то патриархальным, чистым веет от этой семейной картины. Это возвышает отца в глазах его детей, а самое чтение возвышает нравственную и умственную атмосферу семьи, утишая страсти, заставляя забывать всякие дразги. Каждый вечер звучат в семье святые слова, и может ли это не оставить следа в сердцах — в чистых, отзывчивых детских сердцах. Английская и немецкая семья уже сами по себе составляют маленькую единомышленную церковь, и дети, когда вырастут и разойдутся в разные стороны, никогда не забудут тех мгновений, когда внимали чтению святого слова в семье. Это — лучший способ усвоения христианского учения, и, может быть, отсутствие в русской семье Библии и обычая семейно читать ее — есть главное основание холодности к вере наших интеллигентов.

Православные храмы за границей: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет»

Кому не случалось встретить светское, а иной раз, к сожалению, и духовное лицо, из бывших за границую, с жаром и огульно восхваляющих тамошние церковные порядки, и огульно же осуждающих нашу родимую <Церковь> «за незрелость»? Грустно бывает слышать такие речи, как грустно видеть сына, когда он, пожив в высшем кругу, посреди тонкостей столичной жизни, возвращается в деревню, где провел когда-то детство свое, и смотрит с презрением на неприхотливую обстановку и на простые, пожалуй, грубоватые обычаи родной семьи своей, справедливо говорит К. П. Победоносцев. (Московский Сборник).

К счастью, за последнее время и в светскую печать начали проникать иные настроения. Часто в ней описывается вся величественная простота православного богослужения по сравнению с инославными Церквами. В «Историческом Вестнике» (март, 1911 г.) некто М. Туринский передает впечатления о своей жизни за границей.

«Одну Пасху и Страстную мне пришлось провести, — пишет он, — в маленьком городишке Германии. Когда-то в нем шумела яркая жизнь столицы маленького двора, а теперь — это тихий уголок, известный своей чудной библиотекой да дорогими останками живших и работавших в нем писателей. В первой половине прошлого века здесь жила одна из дочерей Императора Павла Петровича, выданная замуж за здешнего властителя. От ее времен осталась во дворце русская церковь с причтом. И вот в этой-то крохотной церковке я и бывал на всех службах Страстной недели и на Пасхальной заутрени. Богомольцев было слишком мало, и нет поэтому ничего удивительного в том, что батюшка скоро меня приметил и познакомился со мной.

Не могу, к слову, не заметить, что если чем нам, русским, следует гордиться за границей, то это прежде всего образцовым составом наших причтов при заграничных церквях. Условия их жизни и деятельности весьма тяжелы и ответственны: местное население, не расположенное и предубежденное, смотрит за ними в оба глаза и старается поставить каждое лыко в строку. Посольства наши — не во гнев им будет сказано — поддерживают свои церкви далеко недостаточно, а приезжие за границу туристы из России менее всего склонны интересоваться церковными делами.

И вот, предоставленное почти исключительно самому себе, наше духовенство за границей сумело поставить себя образцово и, начиная с самых настоятелей и кончая последними псаломщиками, эти клиры с большим достоинством поддерживают пред Европой достоинство русского имени. И тому, кто соскучится на чужбине по родному обществу, мой искренний совет идти знакомиться не в посольство и, конечно, не к консулу, а в дома причта, где его наверное ждет радушный ласковый прием и прекрасное общество, сохранившее в целости и на чужбине все лучшие черты нашего русского обихода.

Вот почему я никогда не пропускаю возможности побывать за границей в русской церкви. Особенно сильное впечатление произвела на меня Пасхальная заутреня.

Что-то странное было в сознании, что слышишь эти дорогие и с колыбели близкие песнопения за тысячи верст от родного дома. И, может быть, именно поэтому они на этот раз производили особенно сильное впечатление, глубоко западая в душу, будя в ней забытые образы и картины. Это заставляло забывать и про чрезвычайно малые размеры храма, и про малочисленность богомольцев, и про скудость всей обстановки.

После службы батюшка пригласил и меня в числе других богомольцев к себе в дом, по русскому обычаю, разговеться. Здесь ждал нас совсем настоящий уголок России. Во всей обстановке не было ничего иностранного, начиная с фотографии кавказских героев и преосвященных по стенам и кончая клетками с канарейками на окнах. И можно было подумать, что всю свою обстановку батюшка целиком привез сюда из какого-нибудь Свяжского или Чернского уезда. Одним словом, в доме отца настоятеля царил русский дух и Русью пахло».

А вот и другой свидетель — русский же турист из религиозных богоискателей — В. В. Розанов. Этот, видимо, боится, как бы новые богоискатели-интеллигенты не сочли его очень церковным и православным человеком. Но врожденное художественное чутье к высшей правде заставляет его правдиво передать свои впечатления.

«В канун святой Ольги вспомнил, — пишет В. В. Розанов, — что у меня в Петербурге две именинницы, и кроме того произошло нечто дома, за что следовало «поблагодарить Бога», и я оправился в русскую церковь в Наугейме.

Ее не видно... и даже подходя с улицы, издали я все еще не узнавал русской церкви. Мне было досадно, что я не видел издали сияющего на все стороны креста, не видел золотого или зеленого купола. Что-то бедное и как будто загнанное в сторону. И только вот-вот, совсем подойдя, я над входом увидел изображение Николая Чудотворца, в том его оттенке изображений, где он представляется более чем всегда старым — с волосами редкими и как будто рассеивающимися в воздухе, и лицом крайне гневным, строгим до гнева.

— Это так, это наше, — подумал я, увидя образ, и уже без колебаний вступил «в свой храм».

Какое чувство!... но оно в самом деле есть. Везде, ходя по Наугейму, я чувствовал, что хожу по чужой земле, среди не наших деревьев, брожу в какой-то дальней и не родной культуре... Но еще я поднимался только на первые ступеньки узкого и неудобного входа, еще не слышал пенья, как начал ступать с необыкновенною твердостью, сапоги точно стали срастаться с землею, и ощущение, гордое и свободное, совершенно независимое «от них», охватило меня... Еще шаг, два, три... В дверь, в лицо гудит навстречу: «Господи помилуй», «Господи помилуй» и сейчас протяжно — «аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя — слава Тебе, Боже»... И я вошел, как властелин к властелинам же (молящимся), с таким чувством собственности, какого и представить нельзя...

«Наше! Стоим и не уйдем... И никто нас не тронет, не смеет тронуть. Тут мы в своем царстве, тут мы на родине». Церковь, однако, ужасно бедна. Она вся из серого камня, и как снаружи ее серый камень, так и внутри она являет тот же серый, скудный цвет... Молящихся много... Потом только я догадался, что на завтра много Ольг, но сперва понял это бескорыстно, и сейчас от этого стало теплее. Все было хорошо, очень серьезно, очень усердно.

Священник лет пятидесяти, как будто несколько греческого типа (очень смугл). Бедность храма сказала и в том, что риза, очевидно, не по нему: сшита на средний рост, «вообще», тогда как он ниже среднего, и риза едва не касается пола. Это нехорошо. Но, так как риза «больше чем по росту», то она пышно раздувалась при движениях священника, и как он сам был достойного и гордого вида, несколько властного, то все в общем давало оттенок великолепия. Все пело и говорило почему-то о власти, силе, достоинстве...

«Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа...» Любимый мой момент во Всенощной. И все такое наше... Костромское, Московское, Нижегородское, Петербургское. Просто точно «копать на родине!» Да ведь и в самом деле так!

— Какие наивные посланники, — шептал я в себе, — воображают, что они «представляют Россию...» Ее представляют, конечно, священник и дьячек и вот все молящиеся... И Серафим Саровский... вот он, точь-в-

точь как в Петербурге... на большом образе в деликатном сложении рук и склонении головы... Божия Матерь — в васнецовском оттенке, который, кажется, становится господствующим в церковных изображениях.

Помянули после «Святейшего Синода...» и господина нашего Владимира, епископа Кронштадтского. Это — новизна: все заграничные церкви, то есть духовенство их, объединены под управлением одного епископа. Но сердце иначе выслушало бы в Наугейме слова: «и господина нашего митрополита Московского». Тогда «заграница» вся почувствовала бы иное, услышав голос из Москвы, или о Москве. (Здесь следует заметить, что с марта 1911 года заграничные церкви не имеют особого епископа и по-прежнему подчинены ведению митрополита Петербургского, коего и поминают на молитвах).

Зазвонили на «достойно». Но и звон некрасивый. Раскосый какой-то и путаный. «Не наш» и ничей. Этого таланта здесь нет. И колокола малы и невыразительны.

Хор тоже беден. Три-четыре человека, среди них одна барышня. Поют так себе. Как это слабее женевского хора, который я слышал лет шесть назад. Про тот хор мне рассказывали удивительную вещь: по нотам, где написаны русские слова (молитвы) латино-французскими буквами, пели любители и любительницы из французского женевского населения, с примесью только небольшого процента наших (закваска), и пели великолепно, безукоризненно в произношении, и стройно..., во все не понимая слов, смысла, ничего! Почти — ничего.

— Как все это произошло? — спрашивал я.

— Ужасно любят наше богослужение! — разъяснил мне псаломщик. — И сами напросились в певчие. А так как нельзя же и долго бы их учить славяно-русскому языку, то между линеек нот им и вписали молитвы французскими буквами.

Он рассказал мне потом, что еще недавно умер старый-старый католический священник, уже на покое живший, больной. Он не пропускал ни одной русской службы и говаривал, что теперь, в старости и болезни, нигде не чувствует себя так хорошо и «дома», как слушая и созерцая русскую службу, хотя и полупонятную ему. Никогда такого служения не слышал, как при «соборовании», каковое есть действительно самая художественная, самая трогательная служба, или треба, из всех сущих. Старый католический священник плакивал при этой службе, и ему в старости и болезни все в ней казалось своим, родным, единым на потребу.

В Женеве, — пишет В. В. Розанов, — меня поразила красота службы — всей сплошь при открытых дверях. На удивление мне объяснили, что это везде так делается за границей: Царских Врат не затворяют. Канонично это или нет — не знаю, но виден тут Московский дальний взгляд: «пусть бусурмане позавидуют, ведь ничего подобного у них нет». Действительно, нет».

А вот впечатления русского человека от Биаррица:

«Помимо причудливой красоты Биаррица, исключительных климатических условий, которыми он обязан углу Гольфстрима и горной цепи Пиренеев, нам, русским, дорог Биарриц еще и потому, что здесь есть русский православный храм.

Приехав в Биарриц и, само собою разумеется, отправившись посмотреть на прибор море-океана, вы непременно остановите глаза на куполе с золотым крестом русского, своего храма. Сначала пока не покупаетесь, не погуляете, не отдохнете, как следует, «это» и не производит впечатления, а потом... дай-ка зайду. И вот в шесть часов вечера вы входите. «Благословен Бог наш...», — звучит низкий грудной наш русский возглас священника. Мягко светят электрические лампочки «в высах», внизу, перед иконостасом, еще мягче горят свечи прихожан. «Свете тихий!». Храм полон прихожан, вы узнаете лица, которые непривычны «у себя», дома ходить в церковь, да еще ко Всенощной. Тут и министры, и кадеты, и дамы, проповедующие у себя о пяти свободах. Господи! Да не случайно ли это? Нет. Приходите на следующее богослужение — то же. Так в чем же штука заключается? А в том, что именно здесь, в русском православном храме, вы вдруг почувствуете себя «у себя», в России.

Здесь, за границей, вы ощущаете сладость быть русским, и это ощущение так сильно хлещет по вашим нервам, что вы опять и опять придете, чтобы, вступая в храм православия, ощутить Россию! Таково чувство: «здесь я у себя!». Хорошее это чувство. Национальное самосознание, гордость принадлежности к нашей великой нации — большое дело; и это дело за границей делает купол православной церкви!»

Подделка под православие: русские католики восточного обряда

Недаром и ненапрасно на наших глазах совершается подделка под православное богослужение. Католики отлично выразумели и учли силу влияния православного богослужения на верующую душу и умело ею пользуются для привлечения православных и даже старообрядцев русских под власть римского первосвященника. Они знают, что богослужбная обстановка, внешность производит первое и часто неизгладимое впечатление на посетителя. И вот, исходя из этой правильной мысли, они устроили в нашей северной столице для русских католиков молитвенный дом на Полозовой улице.

В светской печати имеется уже описание этого молитвенного дома, и передаются производимые им на посетителя впечатления. Храм, говорят, производит странное впечатление. На первый взгляд он дей-

ствительно напоминает православную церковь, но стоит взглянуть чуть-чуть пристальнее, и это сходство исчезает.

Как и в православных церквях, алтарь отделяется от средней части храма иконостасом. Последний устроен в два яруса, с тремя дверями: царскими, северными и южными. Так называемые «местные иконы» Спасителя и Божией Матери написаны под старинное греческое письмо, причем для привлечения, вероятно, будущих прозелитов из старообрядчества Иисус Христос изображен благословляющим дуперстно. Перед этими иконами стоят большие серебряные подсвечники с толстыми фарфоровыми свечами, но на этом сходство и оканчивается.

Если не считать двух хоругвей, спрятанных за круглой печкой, да богослужебных одежд и сосудов, то во всем храме не найдется более ровно ничего, что напоминало бы о восточном обряде. Все остальные иконы, как в иконостасе, так и по стенам церкви, чисто католические: Мадонны, Сердца Иисусова, Страстей Христовых; рамы на них увенчаны четырехконечным латинским крестом.

Еще резче сказывается влияние латинства в устройстве алтаря. Вопреки восточному обычаю, жертвенник сделан чуть ли не на 3 аршина выше престола. Последний, по католическому образцу, поверх парчовой одежды покрыт кружевным покрывалом и вместо восточных семисвечников или дикириев и трикириев украшен четырьмя поставленными в ряд толстыми восковыми свечами.

Совершал богослужение настоятель церкви — отец Алексей Зерчанинов. Когда я вошел в храм, только что началась воскресная литургия. Отец Алексей — это крепкий высокого роста старик, лет шестидесяти пяти. По его окладистой седой бороде, чисто русскому нижегородскому выговору, с которым он произносит по-славянски ектеньи и другие литургийные молитвы, трудно даже представить, что это — католический священник, а не православный батюшка средней полосы России. Только остриженные ниже ушей волосы да слегка видная из-под фелони и подризника сутана напоминали о его действительном звании.

Богослужение русских католиков восточного обряда производит такое же впечатление, как и их храм. На поверхностный взгляд — это та же православная обедня, которую служат по всему лицу земли русской, но стоит немножко присмотреться и прислушаться, и иллюзия исчезает.

«Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа ныне, и присно, и во веки веков», — возглашает отец Алексей.

«Аминь», — запел хор, состоящий из псаломщика и нескольких девушек.

«Миром Господу помолимся», — продолжает отец Алексей.

«Господи, помилуй», — пел хор.

Но вот приблизился момент, когда вспоминается Святейший Синод и другие православные власти.

«О вселенском архиерее Пие десятом, папе римском, митрополите Викентии, всем причте и людях Господу помолимся», — провозгласил отец Алексей, причем имена этих католических владык произнес как-то невнятно, словно стараясь проглотить.

Такие же прошения, и также невнятно, были провозглашены и на ектенью сугубой, и после пения «Светися, светися», и на заамвонной молитве, так что сама собой напрашивается мысль: уже не нарочно ли имя папы произносится так, чтобы малограмотные посетители храма не могли отличить, за кого они молятся.

В восьмом члене Символа Веры вставили, конечно, *filioque*¹² и пропели: «от Отца и Сына исходящего».

Католические тенденции сказались и при пении «Тебе поем». Во время этого песнопения большинство молящихся уселось по стоящим вокруг стен скамейкам; при произнесении же так называемых установительных слов (у католиков): «Примите, ядите» и «Пийте от нея вси» — все опустились на колени, указывая этим свою солидарность с католиками в вопросе о времени пресуществления святых Даров.

Но еще более латинский характер придавался богослужению священными действиями самого отца Алексея.

Обращаясь к молящимся с возгласом «Мир всем», он не благословлял их, а совершенно по западному обряду только поднимал над ними руки. При словах «Благословение Господне на вас» и «Да будут милости великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами» — он совершил благословение, но пальцы при этом складывал совершенно по католическому образцу, как на статуе святого Петра в Риме (три вытянуты вверх, два согнуты).

Весьма любопытное отступление от восточного обряда позволяет себе отец Алексей на великом входе. Снимая с чаши и диска покров, он кладет его себе не на плечо, как принято священниками восточной церкви, а на шею, как возлагают архиереи омофор. Это невольно напоминало упорно циркулирующие слухи, что отец Алексей — не рядовой католический священник, а облеченный тайной миссией папский легат, носящий втайне епископский сан.

Взамен церкви на Полозовой улице в сентябре 1912 года была открыта церковь на Бармалеевой улице. Надпись над церковью: «Православно-католическая церковь». Но как в первой, так и в церкви на Бармалеевой улице сохранена вся православная обрядность, привлечены к участию в богослужении православные миряне, но в то же время отрицалась власть православной иерархии, и за молитвами поминался римский папа.

Насколько близко было богослужение в этой церкви к богослужению православному, показывает тот факт, что здесь целый год пел

12 «Филиокве» — так по латыни звучит вставка, сделанная католиками в Символ веры.

любительский хор православной Спасо-Преображенской Колтовской церкви, не подозревая, что он поет в церкви католической.

Много шума наделало посещение епископом Никандром православно-католической церкви на Петербургской стороне, на Бармалеевой улице. В беседе по этому поводу с сотрудником «Нового Времени» (№13 264) преосвященный Никандр раскрыл любопытную страницу похода против Православной Церкви:

«Я осмотрел внутреннюю обстановку церкви: она представляет собою небольшую комнату, убранную и обставленную совершенно на подобие православного храма, с православным иконостасом и со всеми принадлежностями православной церковной утвари.

Я поехал потому, что митрополиту поступил ряд заявлений относительно этой церкви. В этих заявлениях чувствовалось большое смущение и открыто указывалось, что в церкви, имеющей православную обстановку, во время службы, совершаемой весьма близко к православному обряду, заметны явные признаки пропаганды иного исповедания. Нужно было проверить сведения, которые нам были сообщены, и лично, непосредственно убедиться, действительно ли мы имеем дело с проявлением тонко замаскированной пропаганды, или сообщенные нам сведения ошибочны. Помимо этого, надпись, прибитая над входом в церковь, дала мне, православному епископу, полное право войти туда. На двери красуется надпись: «Православно-католическая церковь».

Теперь, говорят, слово «Православно» зачеркнуто карандашом, а раньше, как мне письменно доносили, там была надпись: «Русско-католическая церковь». Подойдя ко входу в дом на углу Бармалеевой и Пушкарской улиц, где помещается эта церковь, я прочел на дверях эту надпись своими глазами и вошел не колеблясь. Осмотрев церковь, я вошел в алтарь. Здесь меня встретил священник этой церкви Иоанн Дейнбер. Священник стриженный, так что его можно принять за вновь посвященного. Он подошел ко мне со словами: «Благословите, ваше преосвященство».

Я воздержался от того, чтобы дать ему благословение, и сказал: «Церковь православная, вы православный священник, но я вас вижу в первый раз. Скажите, кто вас рукополагал?»

«Галицкий митрополит Шептицкий».

Шептицкий — известный иезуит, католический епископ Галиции и гонитель православных... Это не оставляло сомнений, с кем я имею дело. Получив ответ, что Дейнбер рукоположен католическим епископом, я сказал ему: «Да ведь вы — священник католический, и церковь у вас католическая».

«Нет, мы православные», — ответил Дейнбер.

«Вы хорошо знаете, кто по нашим законам имеет право называться православным, — ответил я. — Быть может, богомольцы, которые

пришли сюда, так же ошиблись, как и я, прочитав надпись. Вы их знаете, кто они?»

«Нет, не знаю», — заявил Дейнбер.

Убедившись в том, что я имею дело с несомненными католиками, прикрывающими себя православною внешностью, я вышел из алтаря и обратился к присутствующим в храме богомольцам со следующими словами: «Я, православный епископ, вошел сюда, прочитав надпись у входа, но нашел, что эта церковь — не православная. Я был введен в заблуждение и надписью у входа, и всей обстановкой. Говорю это для тех, кто так же, как и я, вошел сюда по ошибке».

«И я тоже ошибся!» — раздался чей-то голос среди присутствующих. Часть молящихся вышла со мной из церкви с возгласами сожаления и удивления пред той хитростью, какая проявлена в таком святом и важном деле, как церковное. Не сомневаюсь в одном, что мы имеем дело с чисто иезуитской пропагандой. Я знаю, что на Петербургской стороне существует другая церковь, куда богомольцы не приходят, а съезжаются в собственных экипажах. Таким образом, мы имеем один очаг пропаганды для простых людей, а другой — для высших классов, где, однако, дело обставлено с внешней стороны более осторожно, и все это остается неприкосновенным.

Мы имеем наглядные результаты пропаганды: поступают прошения о переходе православных в православно-кафолическую церковь и о приписке именно к церкви на Пушкарной. Когда одного из таких переходивших спросили, почему он идет в эту церковь, он ответил: «Моя жена католичка, так ей сподручнее будет. А так как у них все совсем как по-нашему: и служба, и иконы, так оно и мне удобно». Несмотря на все убеждения остаться православным, этот человек все-таки переписался в православно-кафолическую церковь, оставаясь в убеждении, что веру он не меняет.

Сообщают («Новое Время»), что основателями русской католической церкви в России были камер-фрейлина графиня А. Э. Келлер, фрейлина княжна М. М. Волконская, Н. С. Ушакова, княжна Е. В. Долгорукова и некоторые другие представительницы высшего общества. Единственно благодаря их влиянию и связям, покойный председатель Совета Министров П. А. Столыпин вынужден был снисходительно, сквозь пальцы смотреть на это начинание, истинный характер которого едва ли был для него тайной, так как он все время интересовался деятельностью этого религиозного кружка.

Несмотря на все эти подделки под православие, мы верим, что искренние ревнители православия и старого обряда не поклонятся Риму, потому что не могут изменить России и всему русскому национально-религиозному миросозерцанию, за чистоту и святость которого пролито столько родной крови, принесено столько жертв. Только, может быть, вершины духовно выветрившего старообрядчества способны

примкнуть к католицизму именно потому, что в сущности ничто не связывает их с родным народом, с его историей и его религиозно-политическими заветами.

Однако масса старообрядчества едва ли пойдет за своими главарями на этот неверный путь, потому что в ее душе бесконечно более крепко живучий национальный инстинкт. Воссоединение с латинской церковью после вековой борьбы с Петровским западничеством было бы равносильно для старообрядцев формальному отречению от самих себя, от Бога своих дедов и отцов. Оно знаменовало бы не обновление старообрядческой церкви, а ее духовную смерть.

И пусть аристократические вершины православия и плутократические сливки старообрядчества записываются в явные или тайные католики, целуют папскую туфлю и покупают индульгенции для отпущения грехов, народная Церковь Русская, поскольку она народна, устоит перед всеми соблазнами Рима. Располагая познанием Христовой истины в ее чистых первоисточниках, православная Церковь не поддастся лживой мудрости латинизированного христианства. Верная самой себе и своим историческим заветам, Русь не променяет учения Христа на учение Игнатия Лойолы, на этику Бонавентуры и жестокое милосердие великой инквизиции.

Сектантство: «болезненная страсть предательства всего родного»

Не более страшен и тот поход, что предпринят на православие родственниками протестантов, так называемыми евангеликами разных толков. Правда, опасность с этой стороны, пожалуй, серьезнее, чем со стороны католиков.

С большою торжественностью в сентябре 1910 года состоялся в Петербурге съезд баптистов. Всякого рода отщепенцы от православия — штундисты, молокане, пашковцы, толстовцы, трегубовцы, чертковцы — вся эта пестрая, как сор, еретическая кампания объединяется старою немецкою вывескою баптизма и идет на штурм нашей национальной веры. В отличие от раскола, который был, так сказать, гущей православия, наше якобы евангельское сектантство выделяется антинародностью своей.

Сектантство охвачено какою-то болезненною страстью предательства в отношении всего родного. Оно стремится отойти от исторического облика народного, от заветов нашего тысячелетнего духа. Начиная с имени «баптизма», этим отщепенцам хочется и думать елико возможно не по-русски, и чувствовать не так, как предки, и носить непременно немецкое или чухонское платье, и говорить если не по-немецки, то

каким-то переводным с немецкого, испорченным русским языком. При этом все их тощие стишки и гимны и совсем плоские молитвы непременно заканчиваются нерусским «Амен».

Чтобы понять, с каким врагом имеет дело православие, надо оценить, прежде всего, вот эту психологическую черту: потребность подражания чему-то чужому, не своему. В сектантстве всех веков и всех стран действует главным образом это темное свойство души.

«Можно глубоко уважать религиозное чувство всех иноверцев, — говорит видный современный публицист, — но нет основания уважать религиозную мысль именно этих иноверцев и предпочитать ее православной мысли. Например, у меня есть все основания предпочесть православие, хотя бы оно в некоторых отношениях и уступало, например, некоторым рационалистическим построениям. Православие тем уже хорошо, что слагалось в течение тысячелетий. Стало быть, сложилось естественно. Как горный хребет красивее геометрических пирамид или кубиков, так формы старой религии жизненнее и живописнее теоретических систем, предлагаемых сектантами.

Народу, как и человеку, всего лучше носить ту наружность и жить с тою душою, с какими он создан. С православием русское племя срасталось в течение тысячи лет, и как бы вера предков ни казалась иногда странной, отшатнуться от нее не так легко.

Что касается рассуждающих еретиков, вроде наших баптистов, то они просто плохие христиане, как бы они высоко ни поднимали нос в уверенности, что они совсем святые. Ораторы баптизма кощунственно уверяют, что только их учение спасает душу, причем ссылаются на пример добропорядочной жизни в своей среде. Но неужели среди православных не было и нет людей добропорядочной жизни?»

Баптисты хвастаются сравнительною трезвостью своей общины, сравнительным благочестием, трудолюбием и разными подобными добродетелями. Но, поздравляя их с этим преимуществом, позволено спросить: неужели в православии, на Руси, за десять веков так-таки и не было людей ни благочестивых, ни трудолюбивых? Они и теперь есть. Успокойтесь, господа сектанты. Христианское православие далеко еще не пустыня, и вы, группируясь в кучки, вовсе не представляете оазисов, что касается нравственного совершенства.

До сих пор все святые, герои, гениальные люди выходят не из сектантов. Из среды последних не вышло ни одного умственно выдающегося человека. Если бывали случаи, что крупные люди, вроде Конта или Льва Толстого, заводили собственную ересь, то почти не было случая, чтобы кто-нибудь из крупных людей примыкал к их школе и вообще записывался в сектанты. Древнее, как мир, сектантство тем отличается от господствующей веры, что оно заинтересовывает простаков, будучи совершенно неинтересным для умных людей.

Среди баптистов вы встретите целые сотни пророков и апостолов. В сущности, всякий дворник или сапожник, почитавший немного Библии, чувствует себя уже немного вероучителем. Нигде столь назойливо не открывают Америку, нигде с такою страстью не изобретают пороха, как на этой стадии религиозного декаданса. Взбудораженные первым употреблением грамотности, сырые мозги работают как пущенные в ход жернова. Они мелют и перемалывают все прочитанное и душат друг друга бесконечными только что вычитанными поучениями...

Наши евангелики возвращаются от роскошной выработанности православного культа к первобытной и, как они думают, к «евангельской» простоте. Долой иерархию, священство, таинства, обряды, догматы. Долой все органическое, что распустилось и расцвело из простой почки. Семя царствия Божия (слово Христа) сектанты еще признают, но не ветви, не цветы, не листья и не плоды. Наиболее взвинченные из баптистов отвергают даже весь исторический ствол веры... С этим багажом далеко не уедешь, и успех возможен только среди тех, кто не имеет святых впечатлений далекого детства, вынесенных из православной семьи.

И как счастлив тот, кого с детства добрые и благочестивые родители приучили к храму Божию и ставили в нем посреди народа молиться всенародной молитвой, праздновать всенародному празднику. Они собрали ему сокровище на всю жизнь, они ввели его подлинно в разум духа народного и в любовь сердца народного, сделав и для него церковь родным домом и местом полного, чистого и истинного соединения с народом.

Счастлив, кто привык с детства к этим церковным словам, звукам и образам, кто в них нашел красоту и стремится к ней, и жить без нее не может. Кому все в них понятно, все родное, все возвышает душу из пыли и грязи житейской, кто в них находит растерянную по углам жизнь свою, разбросанное по дорогам свое счастье.

В Дому Божьем мы дома

Что же сказать о множестве затерянных в глубине лесов и в широте полей наших храмов, где народ тупо стоит в церкви, мало понимая в богослужении? Не церковь повинна в этой тупости, и не бедный народ повинен. Повинен здесь небрежный и ленивый служитель церкви, повинна и вся власть церковная, невнимательно и равнодушно распределяющая служителей церкви; повинна, по местам, скудость и беспомощность народная. (Московский Сборник).

Благо тому человеку, в ком зажжется на ту пору искра любви и ревность о жизни духовной, и кто успеет вывести заброшенную церковь в свет благолепия. Подлинно, он осияет светом страну и сень смертную, он воскресит умерших и поверженных, спасет души от смерти и покроет множество грехов...

Оттого-то русский человек так охотно и так много жертвует на церковное строение, на созидание и украшение храмов. Оттого-то он выделяет из своей среды ежегодно множество бескорыстных сборщиков на построение храмов, кои (сборщики) находят себе и приют, и посильную жертву от народа. Это — те «Власы», поэтический образ коих дан Некрасовым.

Как криво судят те, кто осуждает наш народ за его рвение и усердие к храмоздательству. Таких голосов слышится ныне немало. Это щедрое рвение приписывают то грубости и невежеству, то ханжеству и лицемерию (Григорий Петров)¹³. Говорят: не лучше ли было бы употребить эти деньги на «образование народное», на школы, на благотворительные учреждения? И на то, и на другое жертвуется своим чередом, но то жертва совсем иная, и благочестивый русский человек со здравым русским смыслом не один раз призадумается, прежде чем развяжет кошелек свой на щедрую подачу для образовательных и просветительных учреждений.

То ли дело церковь Божия! Она сама за себя говорит; она — живое, всенародное учреждение. В ней одной и живому, и мертвому отрадно. В ней одной всем легко, свободно, в ней душа всяческая, от мала до велика, веселится и радуется, и празднует от тяжелой страды. В ней одной и белому, и серому человеку, и богатому, и бедному одно место. Разукрашена она паче царской палаты — дом Божий, а всякий из малых и бедных стоит в ней, как в своем доме. Каждый может назвать церковь своею, потому что церковь на народные рубли и, больше того, на народные гроши строена и народом держится. Всем в ней приют и молитва с утешением, и то учение, которое дороже всего русскому человеку.

Вот что бессознательно и сознательно сразу сказывается в русской душе о церкви и заставляет русского человека жертвовать на церковь без оглядки и без рассуждения. Русский человек чувствует, что в этом деле не ошибается и дает верно и свято на верное и святое дело. Нет и не может быть для него на земле ничего дороже Божьего дома, церкви святой!..

Здесь, в православном храме, прямо и непосредственно, без лишних рассуждений, чувствует русская душа всю красоту, всю прелесть, всю жизненность восточного русского православия. И нигде, как в храме за богослужением, нельзя видеть столь ясно все превосходство нашего православия пред западными исповеданиями, а пред сектантскими соображениями тем более.

¹³ Петров Григорий Спиридонович (1866–1925), бывший священник. Публицист, автор брошюр на церковные темы, сторонник христианского социализма, депутат Государственной Думы. Лишен священного сана за политическую деятельность, протестантские наклонности и непослушание церковной иерархии. Эмигрировал в 1920 году. Умер в Париже.

Недаром всенародный молитвенник, в Бозе почивший отец Иоанн Кронштадтский в своей весьма содержательной книге «Мысли о богослужении Православной Церкви» пишет, что оно возвышает и радует без числа дух христианина, питает и укрепляет веру, надежду и любовь и уготовляет христианина в гражданина небесного.

«Для меня, — пишет отец Иоанн, — богослужение величайшее благо жизни. Благодарю за сие Господа. Бесценное благо дано мне от Господа в богослужении. В нем — вся жизнь нашей души, все сокровище. Тут ее родина, ее жизнь, ее святыня, ее воспитание, врачевание, пища и питье, ее сила и ее слава!»

Смоленские Епархиальные Ведомости, 1914 г. №№1–7

Трезвость и милосердие

**(Слово, сказанное 19 октября сего года
в помещении Симбирского госпиталя
Красного Креста
при открытии сего госпиталя)**

Место, в котором мы собрались сегодня на молитву, в течение многих лет исполняло особое назначение. Здесь был казенный винный склад. И в жаркую летнюю пору, и в зимнюю стужу, и в осеннюю распутицу тянулись отсюда длинные обозы по всем направлениям — Рославльскому и Витебскому шоссе, старому Московскому и Киевскому большакам, по Краснинской дороге, и развозили эти обозы казенную водку, а с ней и алкогольное отравление в народ. Сотни таких складов на необъятном просторе России поддерживали и питали непробудное пьянство в народе. В этой отраве гибли все лучшие духовные и материальные силы великого народа-богоносца. В деревнях от пьяных озорников и хулиганов не стало житья, фабричный люд вконец разорился от водки, колоссально росла преступность, гибли хорошие семейные нравы, разрушалось и духовное и материальное богатство русского народа.

Но вот грянул гром, разразилась грозная великая война. Еще до войны раздалось с высоты престола могучее слово Царское о трезвости, а по объявлении войны тем же Царским словом запрещена продажа казенного вина — и картина Руси сразу меняется. Мирно и стройно прошла мобилизация. Доблестное трезвое русское воинство одерживает победу за победой, целый ряд побед. Религиозность населения и его отзывчивость на добрые дела неизмеримо повысились. Искреннее патриотическое воодушевление растет на наших глазах в необъятную ширь. Пред нами целое необъятное море любви и благотворения. Дали открывающегося пред нами будущего не только велики и многогранны — как радуга на небе, они ярки, они лучезарны, как солнце. И быстро, и ярко восходит это незакатное солнце в образе трезвой России, в образе святой Руси, подвига ратного и подвига христианского, подвига веры, самоотвержения, любви, милосердия, всеочищающего покаяния и плодотворного труда.

И вот на светлом фоне обновляющейся трезвой России трезвый разум и христианское сердце пришли к счастливому, мудрому решению — это место, откуда шла алкогольная отравка по губернии, превратить в дом милосердия, в госпиталь для раненых воинов. Эта новая в нашем Смоленске обитель милосердия, как та евангельская Вифезда, в которой лежало во дни Спасителя множество больных, слепых, хромых, жаж-

душких движения воды, приняла уже под свои гостеприимные кровы сотни наших доблестных воинов, проливших кровь за святое, правое дело, за Царя и отчизну. Здесь они при тщательном уходе находят тот уют, ту добрую атмосферу любви и ласки, среди которых скорее восстанавливаются силы больного и раненого.

Для прибывших из далекого Симбирска, с широких просторов могучей Волги братьев и сестер наших мне хочется продолжить сравнение их лазарета с евангельской Вифездой. Там, в евангельском доме милосердия, больные получали исцеление не потому, что воды Вифезды были целительны сами по себе, вроде наших сернистых, щелочных и грязевых источников на курортах. Исцеляла их небесная Божья сила: Ангел Господень, вестник небесной помощи, по временам сходил в эту купель, где пастушеское племя евреев обмывало своих овец, возмущал воду, и кто первый входил по возмущению воды, тот получал исцеление. В наш лазарет не сходит видимым образом Ангел Божий, но тихое веяние благодати Божией чувствуется и здесь, как полет Ангела с его бесшумными крыльями. На место Ангела приходит сюда Церковь со своими благодатными средствами; являются сюда ее служители, возгревающие и поддерживающие могучий пламень веры, любви и молитвы. Той молитвы, что проникает небеса и восходит, как фимиам кадильный, как приятное благоухание, к Божьему Престолу. Воодушевленные этими святыми христианскими настроениями, вооруженные всеми силами медицинского знания, вы — Симбирские братья и сестры — являетесь поистине вестниками любви Христовой, ангелами милосердия в этой новой Вифезде.

Ведь внутренняя основа вашей работы является глубоко христианской и покоится на Христовых заветах. Нужны истинно ангельская кротость и терпение при вашем деле. Вам мало быть исполнительными и самоотверженными, жертвовать личным покоем, удобствами. Необходимо сохранить без ослабления всю снисходительную любовь к раненому. Всю нежную сердечную отзывчивость. Здесь, как и на передовых позициях, надо забыть об усталости: страдания, боли не ждут. А сколько нужно ласки, какой нужен богатый запас любви, чтобы не дать места ни одной нотке раздражительности, нетерпения или равнодушия. Ничего подобного не должно быть ни в вашем слове, ни в действиях, ни в жесте, ни во взгляде. Вам нужно облегчать не только телесные страдания дорогих нам раненых воинов — необходимо, забывая об усталости, вливать в их душу отраду, успокоение и бодрость, озарять их светом чистой радости. Золотое сердце русской женщины, всегда чуткой к людскому страданию, ее нежные, мягкие руки, ее вековой порыв к жертве — находят для себя здесь наилучшее применение.

Великий подвиг любви Христовой творите вы, симбирцы, в нашем древнем Смоленске. С Волги вы принесли свою любовь, свою готовность

облегчить страдания раненых на берега исторического Днепра. Но в вашей великой любви кроется и великая награда. Я не говорю уже о той награде, что ожидает вас от Спасителя. «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали и Мне» (Мф. 25.40), — скажет вам Сын Человеческий. Я говорю о награде в самом вашем священном деле, говорю о незримой радости. Разумею ту благодарную радость, которую получает каждый, когда, ухаживая за больным, у его постели уже видит, как его больной поправляется, крепнет день ото дня, прибавляется в весе и на глазах, благодаря ласковому отношению, приветливости, совершенно исцеляется, становится здоровым. Эта радость хорошо известна вам, господа врачи и сестры милосердия. Нет ничего выше этой радости, ибо здесь бывает сохранена жизнь, уменьшены скорби, заглушены боли, внесена отрада и упование туда, в ту область, где, казалось, уже веяло отчаянием и холодом могилы.

Да укрепит же Господь молитвами Богородицы силы ваши в нелегком служении вашем. Да хранит вас Господь в полном здравии и благополучии. Труды ваши да осенит Он Своею благодатью, да увенчает их успехом. С миром и радостью, со страхом Божиим и верою идите на ваш святой подвиг. С молитвенными благожеланиями вам соединим сегодня горячие молитвы к Небесному Врачу. Да подаст Он, Всесильный, скорое и полное выздоровление находящимся здесь раненым воинам, кои приняли и легкие раны, и тяжкие увечья на ратном поле.

Смоленские Епархиальные Ведомости, 1914 г. №20.

Кто ныне изменяет Христу?

Празднуем торжественный вход нашего Спасителя в Иерусалим. По подобию царскому — праведный, спасающий, кроткий — грядет ныне Господь наш в царственный град Иерусалим, окруженный верными учениками. Чествует Его весь иудейский народ, доселе столь неверный и вероломный, — народ, среди которого Иисус совершил множество великих знамений и дивных чудес. Весь город высыпал навстречу Воскресителю четверодневному Лазаря. Дети — и те кричали Ему радостные приветствия. Иудеи величают Его царем; Ему постилают одежды по пути, режут свежие и мягкие ветви, ими устилают путь Христов.

Но прошло немного дней, и в том же самом Иерусалиме, где взывали Христу радостное, всенародное «осанна», те же самые люди, что с такое неподдельной радостью сретали¹ своего Мессию, в неистовой злобе кричат Пилату: «распни, распни Его». Не нашлось никого среди вождей и учителей народа, кто мог бы вразумить толпу, кто захотел бы открыто вступить за Праведника. Не нашлось ни одного человека, кто пошел бы вместе со Христом на страдания, чтобы не оставить Его совсем одиноким. И свершилось единственное, небывалое в истории беззаконие; со стороны целого народа проявлена была ничем не оправдываемая жестокость. Сын Божий, пришедший для спасения всех людей, начиная с родных Ему иудеев, был позорно казнен на кресте. Содрогнулась природа, камни рассеклись, солнце лучи свои потаило, но сердце народа-богоубийцы было спокойно; спокойны были и руководители народа. Завистливые — они упрекают Христа, что Он был виновником опасного народного возбуждения в день торжественного входа в Иерусалим. Им и всегда была ненавистна слава великого Учителя и Чудотворца, а теперь своей злобой они заражают и простой народ.

Посмотрите, что сделали они с этим народом. Сегодня он — народ-богоносец, чествующий своего Мессию, а через четыре дня по их проискам — это уже народ-богоубийца. Сегодня этот народ готов провозгласить Иисуса своим царем, а через четыре дня он пригвождает своего царя к позорному кресту. Сегодня называет Его пророком, а потом — злодеем и изменником. Сегодня народ постилает Ему одежды свои, а потом готовит гвозди на руки и на ноги Его. Сегодня этот народ взывает Христу: «Осанна. Благословен грядый во имя Господне», а немного спустя в озлоблении кричит: «Кровь Его на нас и на детях наших». И эта перемена настроения народного отмечена Церковью.

В богослужении своем Церковь дает нам сегодня видеть славу Христову, торжество Его, но вместе с этим она дает нам созерцать и грядущие унижения, страдания и смерть Христовы. Верующее серд-

це уже сегодня, в радостный день наполняется скорбью, оно уже готово к переживанию событий Страстной недели. Эта неделя Страстей Христовых — единственная неделя во всей всемирной истории.

Сейчас так много пишут и говорят, как необычайна, как ужасна эта великая война народов. Но несравненно ужаснее было то, что произошло почти 2000 лет тому назад в Иудее в эту неделю Страстей Господних. То был суд миру всему. Там была сверхчеловеческая борьба грешной земли с праведным небом; там была величайшая борьба зла с добром. Тогда была измена целого избранного Богом народа своему Мессии Христу, столь долго и столь страстно ожидаемому.

Но, присматриваясь к обстоятельствам нынешней великой войны, переживая все ее ужасы, не видим ли мы той же измены Христу, Его учению и заветам со стороны нового богоборного народа — немцев? Можно ли считать верным последователем кроткого Христа того безбожного тевтона, что издает приказ пленным не брать, добывать раненых, не щадить никого? Можно ли говорить о верности Христу того народа, который сотнями расстреливает мирных невооруженных жителей нейтральной страны? Можно ли поверить испытанному благочестию немцев, когда их солдаты предают сожжению цветущие города со всем населением их, не щадя ни стариков, ни женщин, ни малых детей? И где немецкая вера в «старого немецкого Бога», о которой оповестил миру их император, когда немецкие солдаты с легким сердцем разрушают вековые христианские святыни — собор в Реймсе, церкви и костелы в Русской Польше? Разве не явные изменники Христу те немецкие офицеры, что состоят на службе у турок? Про них пишут из Яффы, что они носят теперь на левом рукаве перевязь с надписью на арабском языке: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет пророк Его». Надо знать, что весь обряд принятия магометанства заключается в публичном произнесении этой формулы. Благодаря этому в Турции укореняется мнение, что все немцы приняли ислам. Конечно, турки ошибаются. Немецкие офицеры делают вид, что приняли ислам, как и у нас немецкие подданные делают вид, что признают и русское подданство. Так нынешние немцы, допуская двойную верность власти, двойную присягу, открыто, с изумительной легкостью допускают и двойную веру в Бога. Эта их двойная вера не есть ли прямая измена Христу, граничащая с полным отсутствием веры?

Если проследить развитие немецкой религиозной мысли, то и здесь без труда увидим ту же измену Христу и Его церкви. В богословии тюбингенская школа дошла до отрицания божественного достоинства Христа, а последующий ряд немецких богословов отрицает Христа даже как историческую личность. По их мнению, Христос — миф, не более. Отрицают немцы — словом и делом — и основанную Христом Церковь. У них нет церковной иерархии, совсем не признают они священного предания. Это уже грубая измена апостольской церкви.

Если прибавить к этому отрицанию пяти таинств из семи — <не>почитание святых, их глумление и насмешки над почитанием святых икон и мощей, открытую проповедь насилия (Ницше), то выйдет, что у нынешних немцев не осталось почти ничего общего с заветами Христа, с древней Вселенской Церковью. Немецкая нация — это та смоковница, которая была образом богоборного и неверного народа иудейского, народа-богоубийцы, та бесплодная смоковница, что по виду богата и цветами, и зеленью, но на которой алчущий в нужный момент не находит никакого плода. На богослужении завтрашнего понедельника услышим, что сделал Господь с этой бесплодной смоковницей.

Такова измена Христу передового европейского народа, который долго мнил и еще теперь продолжает мечтать быть культурным руководителем других народов просвещенной Европы. Настоящая война воочию открыла миру ту бездну, в какую впала Германия еще задолго до войны, в течение десятилетий под видом дружбы точившая нож против христианских соседей. При таком вожде народов Европы, какова Германия, под ее культурной и политической гегемонией недалеко было дойти новому человечеству до новых диких воплей: «распни, распни Его». Недаром немецкая религиозная мысль силилась подменить основную христианскую истину богочеловечества учением о человеко-божестве, на место Богочеловека-Христа поставить сильного, вооруженного всеми данными знания и техники человека-бога.

Но Провидение хранит народы, хранит особенно нашу Русь святую. Давно уже непризнанные учителя народа русского, глашатаи культуры и прогресса, толкали нашу православную Русь на этот скользкий, опасный путь измены Христу и Его Церкви. Уже давно раздаются голоса о том, что пора России покончить со всем «старым», пора ей оставить все, от чего «пахнет ладаном», и стать на западноевропейскую почву культуры и прогресса. Давно уже раздается проповедь о разрыве с народной историей, с национальным бытом, с православной верой и о переустройстве Руси на западный, преимущественно немецкий образец. И проповедь эта на юге и в центре России, и у нас имела успех; немецкое понимание христианства в форме евангелизма, штундизма и баптизма отторгло уже от православия много лиц из простого народа. Грянула война — этот суд Божий над народами — и, благодарение Богу, отрезвилась Русь физически и духовно; опознала себя она, ясно уразумела, куда ведут ее непризванные учителя. Война вызвала повсюду особый подъем религиозного чувства, подъем еще небывалый в нашей истории за последние 200 лет. Храмы наши снова полны богомольцами. С одинаковой верой и усердием на позициях, у окопов и здесь, у себя дома, молится русский народ. В связи с войной и под ее несомненным влиянием начался великий перелом в жизни нашей интеллигенции и народа. Сущность его сводится к свержению немецко-протестантских

идей в русской науке, искусстве, технике, литературе и религии — к борьбе с немецким засильем во всех сторонах русской жизни. Этот великий перелом ведет нашу Родину к возвращению в старый отеческий, уютный, приветливый дом, к господству и в мысли, и в слове, и в жизни нашей православной отеческой веры.

Будем, православные русские люди, мужественны, искренни и тверды в эти святые и страстные дни и в тревожные дни войны. Твердость в вере, стойкость в любви ко Христу и Его Церкви, верность Ему, беспредельная любовь к родной стране заставит и наших врагов, и наших союзников уважать нас, нашу веру, нашу историю, наш быт не менее, чем доблесть наших полков. Они ясно увидят, что залог победы над врагом не в одной только доблести верных сынов России, но и в народном величии духа, в верности народа православного Христу-Спасителю. Аминь.

Смоленские Епархиальные Ведомости, 1915 г. №5.

Победа приобретается страданием

Чудо Преображения Господня имело целью укрепить веру учеников Христовых ввиду грядущих Его страданий. «На горе преобразился еси, — поет Святая Церковь, — и якоже вмещаху ученицы Твои, славу Твою, Христе Боже, видеша, — да егда Тя узрят распинаема, страдание убо уразумеют вольное»...

Добровольные страдания Спасителя за грехи мира не вмещались в сознании даже ближайших учеников Его. Им представлялись странными, ненужными, невозможными крестные страдания и смерть возлюбленного Учителя. Они не чужды были общих всему народу мессианских чаяний. Мессию они считали земным завоевателем, славным Царем Израиля. В земном царстве Мессии лучшие из них просят себе видного, почетного места. Необходимо было уверить избраннейших из двенадцати, что добровольные скорби, унижение, крестные страдания и позорная смерть Богочеловека — все это входило в планы Божии о спасении человека, отдельных народов и всего человечества, что об этом свидетельствуют писания Моисея и пророков.

Укрепляя веру учеников в Божество Христово, чудо Преображения имело и другую цель — выяснить им и всему миру, что единственный путь ко спасению, к славе, к торжеству, путь к победе — это путь страданий. Без крови — нет победы, без скорбей — нет радостей. «В мире скорбни буде»,¹ — говорит Христос ученикам, — но «печаль ваша в радость будет» (Ин. 16.20). И действительно, «крестом прииде радость всему миру». Только в страдании зреет все великое, благородное и победное. Истина эта многократно оправдана в истории человечества и отдельных народов. Вот почему мы верим, что крестный подвиг нашей святой Руси в настоящие дни тяжелой войны есть прямой путь к победе над врагом. И в этом крестном подвиге, в этом горниле скорбей и страданий дух народа русского очищается и просветляется, как золото в огне светлеет и становится чистым, ярким.

За истекший год великой войны много жертв принесено уже нашей отчизной, много скорби разлито по необъятной Руси. Русская армия вынесла на своих плечах главную тяжесть грандиозной борьбы. На нее обрушились главные удары противника, заставившие ее после упорного сопротивления уступить занятые территории и отойти ближе к своим границам. К бедствиям и страданиям обычным, которые постигают каждого человека и составляют его земной удел, присоединились

теперь испытания общие, всенародные, вызванные настоящей войной. Бедствия эти смиренно несет русский народ уже целый год, и пока им конца не видится. Нет нужды и возможности в церковном слове описывать все ужасы войны; зайдите в наши госпитали, их теперь так много в нашем городе, посмотрите на раны и страдания наших братьев, побеседуйте с ними, что они пережили там, на передовых позициях — и перед вами живо встанут все ужасы войны.

Идет уже второй год войны. Обессиливаемый нашими доблестными войсками, враг несет тяжкие потери, но он еще не сломлен. Для одоления его, для окончательной над ним победы требуется полное напряжение всех духовных и материальных сил страны. Все мы должны укрепиться в мысли, что время, когда Господу угодно будет даровать нам и союзникам нашим победу над врагом, видимо, еще не приблизилось. Господу угодно продлить ниспосланное земле нашей тяжелое бедствие и тем испытать крепость нашей веры и силу любви христианской в нас.

Мы переживаем сейчас момент единения всех в одной мысли, в одном общем порыве — «все для войны», «все для победы». И наша армия идет к победе, так как за ее спиной стоит несокрушимая сила русской общественности. До войны мы страдали почти полным отсутствием организующих элементов, а теперь у нас кипучая пора работы. Теперь мы имеем общеземский и общегородской союзы и, благодаря их работам, вся страна обращена в громадный оплот для армии. Для той же цели — для достижения победы — организована промышленность страны. Мобилизация московской промышленности настолько наладилась, что первая стрельба московскими снарядами неделю назад дала результаты, превзошедшие все ожидания. Враги отлично это учитывают и спешат к хорошо известным им центрам русской промышленности.

Но при всех своих успехах враги уже заговорили о мире, они думают кончать войну, а мы почти начинаем. Начинаем серпы переделывать на мечи. Они сорок лет готовились к войне, старательно нас изучили. Знали все наши слабости и пороки. Они объявили войну России, разъединенной внутренними распрями, расслабленной, пьянством одурманенной. Все это они учли и на этом учете построили весь план своей кампании. Теперь этот план их повис в воздухе. Перед ними стоит Россия, окрепшая и сплотившаяся. Они думали «свалить пьяную Россию», а перед ними стоит теперь Россия трезвая, проявляющая небывалый подъем и высокое патриотическое чувство от финских хладных скал до пламенной Колхиды. Подъем религиозных чувств, молитвенного вдохновения и моральных сил совпадает с подъемом сил материальных. Русская деревня зажила иной жизнью. Пьяная и по местам голодная, она за год войны стала сытой, довольной и богатой; деревня усердно молится, она накопила денег и понесла их в кассы; исправно платит она подати и недоимки.

1 «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 19.33).

Война приняла уже народный характер, как в 1812 году. Все общественные силы страны мобилизованы, и наша техническая отсталость отныне с каждым месяцем, с каждой неделей, с каждым днем будет сглаживаться. А ведь это единственное, что давало до сего времени преимущество врагу в борьбе с нами. Больше года Германия окружена кольцом враждебных великих держав. Она ощутительно испытывает ненависть за свои зверства всего рода человеческого. Как зверь, окруженный облавой, Германия еще в состоянии делать грозные и крайне опасные выпады, но в общем чувствует, что дни ее сочтены. Ведь только тройная и четверная линия батарей, пулеметов и ружейного огня защищают ослабевших духом немцев от поражения.

Но сильна, крепка духом русская армия. Весь мир недаром поражается ее стойкостью. Несмотря на отчаянные натиски врага, почти всецело устремленные на наш фронт, несмотря на его техническое превосходство, на помощь коему призвана и химия (удушливые газы), — наша доблестная армия живой стеной стоит на пути вражьей силы, героически отражая все ее бешенные натиски и нанося ей неисчислимые потери. Во всяком случае, нашему врагу нет разумных оснований торжествовать победу, как и нам нет причин смущаться и падать духом. Не должно быть среди нас места никакому унынию, а необходимо крепко верить в победу.

Вера в торжество нашего правого дела, полная согласованность власти и общества, подъем религиозного чувства на святой Руси вместе с трезвостью, отличный, по милости Божией, урожай, усиленная молитва церковная, жизнь православная, Божии угодники — наши заступники, покров Богоматери — во всем этом великая, несокрушимая сила Руси святой. Вот эту-то светлую веру в конечное торжество правды, которая карает насильников, в торжество русского оружия, веру, что нынешний крестный подвиг ведет к победе Россию, веками воспитанную православной Церковью в глубоком смирении и покорности Божией Промыслу, — и питает в русском сердце нынешний праздник Преображения Господня.

«Смоленские Епархиальные Ведомости». 1915 г. №15.

Не в силе Бог, а в правде

(Произнесено за Литургией на месте убиения святого князя Глеба — у Смядыни)

Помянух дни древния, и поучихся¹.

Седая, глубокая русская старина. Ей минуло уже 900 лет. На том месте, где мы сейчас стоим, можно думать, был вековой лес. Он простирался на десятки, сотни верст, докуда только можно было окинуть взором. Это обилие леса обеспечивало как многоводность тогдашнего Днепра, так и существование множества питавших его речек, какова Смядынь, русло которой можно видеть у святого колодца.

Девственные, вековые ели и сосны, колеблемые осенним ветром, касались друг друга верхушками своими. Чудилось, что они ведут таинственный разговор между собой, охраняя покой этого места. Пред ними раскрывался широкий простор могучего Днепра. Это был не тот Днепр, какой мы видим сейчас. Не было на нем того обмеления, что ежегодно происходит теперь с половины июля. На прежнем Днепре плавали бы и не такие пароходы, что стоят у нашей пристани. Берега Днепра начинались у этого места и шли до той горы, что за полотном Александровской дороги. Как раз у святого колодца впадала в Днепр река Смядынь. Теперь мы видим одно русло этой реки. Само русло совсем высохло, но видно еще направление реки мимо Свирской церкви к деревне Чернушки.

Здесь — у устья Смядыни — и было совершено неслыханное злодеяние. Святополк, прозванный Окаянным, совершил подлинно Каиново дело: через подосланных убийц он умертвил своего брата Глеба, желая наследовать от отца всю полноту власти. Вы слышали вчера за Всенощным Бдением эту печальную историю. Брат поднял руку на кроткого брата на самой заре нашей истории.

«За что? — спросите вы. — Чем заслужил раннюю смерть юный князь Глеб, столь любимый отцом своим, святым Владимиром? Тем ли, что вместе с братом своим Борисом, полюбив книжное учение, с удовольствием читал божественные книги, особенно жития святых, и всеми порывами молодой души жаждал подвига мученического? Тем ли, что, помня заветы отца, получив в удел для управления Муром, усердно насаждал там веру Христову среди язычников, строил храмы, ставил к ним священников, творил суд и правду, был милосерд к бедным и неимущим!»

¹ «Помянух дни древния, поучихся во всех делах Твоих» — «Вспоминаю дни древние, размышляю о всех делах Твоих» (Пс. 142.5).

«За то пострадал юный князь, — отвечает история, — что святой Глеб был носителем кроткого христианства, усвоив его дух, был правдив сам и в других мнил видеть только правду. Тем заслужил раннюю смерть святой Глеб, что стоял на пути насильника Святополка к овладению Киевским княжеством. За то пострадал он, что воспитан был в повиновении к старшим, и верил искренне, наивно, детски верил, что подсланные Святополком убийцы везут ему привет от старшего брата. «Он обрадовался им», — замечает летописец. Он верил в Божию правду до жажды венца мученического и получил его. Он верил, что не в силе Бог, а в правде».

Не то представлял собой Святополк. Этот считал, что только сила дает успех, что только насилие обеспечивает торжество. Для него было законом, что сила выше права, выше правды Божией. Святополк считал, что только путем убийства братьев, получивших в уделы для управления Муром и Ростов, он станет единовластным распорядителем княжества, единственным вершителем судеб Киевской земли. Но не привилось к русскому народу это убеждение Святополка, не поверил наш народ, что Бог не в правде, а в силе.

Зато эту веру Святополка Окаянного в торжество силы разделяет в наши дни немецкий кайзер и его народ. Там, у наших врагов, уже давно было провозглашено, что «сила выше права». С этим убеждением дерзкий и жестокий немец уже вторгся в наши священные пределы. Грозные тучи нависли над Россией. Попирая не только обычаи ратного состязания, но преступая законы божеские и человеческие, немец со всею лютостью и беспощадностью несет в нашу страну бедствие, скорбь и смерть. Коварство его беспредельно; под гостеприимным русским кровом он мирно целых 200 лет внедрялся в нашу землю, в наше управление, науку, промышленность. Под личиной дружбы последние 40 лет он то и знал, что готовился к войне беспощадной, войне жестокой. Немец за эту войну убил в себе всякое человеческое чувство. Ему чуждо чувство любви, жалости, снисходительности, уважения к чужой собственности, к произведениям наук и искусств, к народным памятникам. Он разрушает, не оставляя камня на камне, чудную Бельгию с ее знаменитым Антверпеном и Лувеном. Он разрушает Реймский собор Франции — храм христианского Бога, создание зодчества XIV века, служивший предметом изумления на весь мир. Он поставил на соборе Кракова, когда ожидалось сюда нашествие русских, дальнбойные пушки. Этим он пограл все священное в себе и там, где человечество ищет успокоения в доме общения мира и любви и молитвы в святом храме — там он ставит свои дальнбойные пушки, беспощадные орудия человеческого кровопролития. Он грубо, бесцеремонно нарушает нравственное право и правила ведения войны, выработанные христианским человечеством. Он насилует женщин, избивает беспомощных стариков и невинных младенцев, умерщвляет

мирных жителей, грабит их достояние. В эту войну он добывает раненых наших воинов, разрушает учреждения общества Красного Креста, берет в плен служащих делу христианского сострадания — врачей и сестер милосердия. Жестокие тевтоны, ищущие человеческой крови и смерти, душат и мучат наших воинов удушливыми газами. И не без основания этот способ ведения войны получил от русского солдата меткое прозвище «Каинова дыма». В этом можно видеть сходство их кайзера, впервые разрешившего удушливые газы на войне, со Святополком Окаянным, который, несмотря на крещение, остался грубым язычником по жизни и убеждениям.

Наоборот, Русский Царь, подобно святому Глебу, вместе со своим народом крепко верит, что не в силе Бог, а в правде. Народ русский и в нынешнюю войну добродушен и мягкосердечен, со всеми уживается, всем дает приют и ласку. Напрасно о нем так долго твердили немцы на весь мир, что он грозит будущему европейской культуры, что он — олицетворение страшного варварства. Наш народ даже в мрачные дни своей ранней истории — в дни тяжелых междоусобий, раздиравших Русь, в дни надвигавшегося и уже надвинувшегося татарского нашествия — мягкой и нежной душой славянина чувствовал и знал, что Бог не там и не с теми, где грубая физическая сила и неизменный спутник ее — насилие, но там, где правда, где царит стремление претворить ее в плоть и кровь жизни. С этим же одухотворенным и неизменным сознанием правды Божией и своего долга воплотить ее в дело стоит русский народ и пред лицом нынешних испытаний. Неизбежным превратностям своего боевого счастья он противопоставляет мужественную, твердую, веками воспитанную веру в то, что он не одинок, что с ним и за него поборает² Бог.

Современная война для наших воинов не только бой, но вместе с тем и подвиг религиозного самопожертвования, как для первомученика славян святого Глеба. И нет числа теперь за веру Христову убиенных. Русский солдат — не только воин, но и страстотерпец. «Здесь терпение и вера святых»,³ — можем сказать словами апостола. Русская армия не жаждой чужой крови руководится, но свою кровь проливает за правду Божию и свободу братьев, кровью Христовою искупленных. При тех средствах истребления, которыми орудуют немцы, при страшной силе железа и огня в современном бою едва ли страдания умирающих воинов много отличны от страданий древних мучеников — и первого страстотерпца русского Глеба. А немецкий плен хуже заключения в древних темницах, и только вера и любовь ко Христу и искупленным

² Побеждает (церковно-славянск., см. однокоренные слова «бороть, поборник».

³ Слова апостола и евангелиста Иоанна Богослова: «...Кто ведет в плен, то сам пойдет в плен; кто мечем убивает, тому самому надлежит быть убиту мечем. Здесь терпение и вера святых» (Откр. 13.10).

им братьям делают возможными бесчисленные подвиги и жертвы наших героев. И вправе сказать, что весь православно-народный мир является в наши дни подлинно Церковью воинствующей и переживает теперь эпоху мучений за Христа, как смотрел на свою смерть и мученик Глеб, на этом месте проливший кровь свою. В народе эта мысль о воинах-мучениках за Христа выражается иногда очень наивно, но всегда в высокой степени верно. Вот в Вятской губернии один выздоровевший запасной, когда ему предстоял выбор — идти ли в армию или работать на Ижевских заводах, рубить и подносить дрова — говорит: «Пойду в армию; в церкви за дроворубов не молятся, а молятся за воинов в действующей армии. Меня за такими молебствиями слеза пробивает. Пойду воевать, за меня будут Богу молиться». А другой из Орловской губернии выражает мысль эту еще лучше в своем дневнике -записной книжке: «Спаситель мой! Ты положил душу свою за нас, чтобы спасти нас, и заповедал нам полагать души свои за друзей своих и за ближних наших. Радостно иду я исполнить святую волю Твою». И исполнил. Не напоминает ли это нам молитву святого Глеба пред кончиной. «Если ты — брат Борис — имеешь дерзновение у Господа, то моли, чтобы и я пострадал подобно тебе».

Немцы ринулись на нас, как апокалипсический зверь с семью головами и десятью рогами,⁴ то есть сосредоточив у себя всю мудрость мира (семь голов) и все средства защиты и нападения (десять рогов). Но, даст Бог, мы победим. Не ложно слово святого Евангелия: насильникам, «гордым Бог противится, смиренным дает благодать».⁵ Пусть варвары-немцы, ослепленные временным успехом победного шествия на святую Русь, тешат свою гордыню. Бог правды поругаем не бывает.⁶ За попрание всего святого, за оскорбление и избивание невинных жертв, за разрушение алтарей немцы дадут ответ перед судом человечества и перед судом божественной правды. Страхом и расслаблением всего организма — вне родной земли — умер первый насильник Святополк Окаянный. Бесславно, позорно окончит и германский монарх XX века,⁷ этот язычник в христианстве, первый допустивший на войне Каинов дым.

Верим, что дела и дни кайзера и его народа в книге судеб Божиих записаны и учтены. Всеправедный Господь воздаст «отмщение» бесстыдно попирающим Его святыни. Кровь святого Глеба, невинно пролитая в

самом начале нашей истории, вопияла к небу об отмщении Святополку. И отмщение не замедлило. О божественном отмщении немцу вопиет к небу и кровь наших мучеников-воинов и всех жертв нынешней тяжелой войны.

Вот какие мысли и надежды питает в нас нынешнее торжество в честь святого Глеба. Вот нам заветы на этот день вековой русской старины. Принося ныне бескровную жертву на месте кончины святого Глеба, воззовем к святым Борису и Глебу: «Радующееся с лики ангельскими, предстояще святей Троице, молитесь о державе сродников ваших богоугодне быти сыновом российским спастися» (Тропарь святым мученикам).⁸ Аминь.

Смоленские Епархиальные Ведомости, 1915 г. №17.

4 «И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами...» (Откр. 13.1).

5 «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак. 4.6).

6 «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает» (Галл. 6.7).

7 В 1919 году при подписании Версальского мирного договора бывший император Германии Вильгельм Второй (1859–1941) был объявлен военным преступником и главным виновником мировой войны. Нашел убежище в Нидерландах. Умер за 18 дней до нападения фашистской Германии на Советский Союз.

8 Ныне в богослужебной практике употребляется следующий тропарь святым благоверным князьям страстотерпцам Борису и Глебу: «Мученическую кровию порфиру окропившее светло, украшении предстоите, страдальцы славнии, Царю Безсмертному, и, венцы славы от Него приимше, молитесь стране нашей подати на враги одоление и душам нашим велию милость». — «Полный тропарион для клироса и мирян». — М., 2001. — 480 с. — с. 403.

У сибирских стрелков¹

Поездка наша с подарками от Епархиального Комитета задумана была на общем собрании Комитета 18 ноября.² Но тогда лишь принята была мысль о посылке подарков и ассигновано на этот предмет до трех тысяч рублей из средств Комитета. Члены Комитета — А. А. Поспелова, Л. Я. Лавровский и о. Н. Н. Соколов взяли на себя труд заготовить подарки. Нужно думать, что свои заботы о приобретении подарков они начали тогда же.

Только на собрании Комитета 7 декабря, по единодушному желанию всех членов, эту честь доставить подарки на позиции я согласился взять на себя. Через два-три дня решено было, что подарки от нашего Комитета будут направлены в один из славных сибирских стрелковых полков. Сделано было срочное сношение с командиром полка, и к 15 декабря от полка для погрузки подарков явились подпоручик В.М.Б. и классный чиновник В.И.Л. с несколькими нижними чинами. Попечительный В.М. взял на себя заботы достать нам билеты на поезд, а исхлопотать особый вагон для подарков у коменданта станции Смоленск помогла нам А. Н. Алексеева. Губернские власти без промедления снабдили нас пропуском для поездки на позиции, а благословение Владыки последовало еще раньше.

Днем отъезда назначено было 17 декабря. Накануне и в этот день был хороший мороз; пришлось подумать о теплой одежде и взять с собой кое-что в запас. Но напрасны были эти хлопоты. Уже в В., через пять часов езды, морозу было всего семь градусов, и чем ближе к месту расположения полка, тем становилось теплее.

Как это ни странно, но всего труднее было выбраться из Смоленска. Смотрели в газете местной расписание поездов, справлялись по телефону — отовсюду получали вест, что поезд должен пойти в 12 часов дня. Из боязни опоздать являемся на вокзал за полчаса до отхода поезда. Зал первого класса битком набит пассажирами. Здесь же и наши спутники В.М.Б. и В.И.Л. Снова наводим справки о времени отхода поезда. Утешительно мало: поезд придет не раньше двух часов, а пойдет через час после прибытия. Порешил провести эти два часа у себя в квартире и не пожалел. Только в три часа дня мы устроились в полукупе вагона первого класса. Много хлопот выпало на долю В.М. по прицепке к почтовому

поезду нашего вагона с подарками. Эти два часа невольного запоздания в этом случае пригодились как нельзя лучше. Из чужого опыта первой поездки с подарками от Смоленского Комитета мы знали, как важно подарки не выпускать из вида, постоянно иметь у себя перед глазами.

Здесь необходимо отметить, что всего в вагон было погружено 107 мест с подарками. Из них от А. Н. Алексеевой — 1 ящик и 5 тюков с теплыми вещами — в числе 25 шарфов, 140 пар перчаток, 50 пар носков, 90 жилетов, 80 кальсон и 80 рубашек. Заготовлен членом Комитета Л.Я. Лавровским один ящик с 5 000 конвертов и 5 500 листов почтовой бумаги. Накануне отъезда привезены были из села Рождества Дорогобужского уезда женой священника Ел. Дм. Ильинской и купеческой дочерью девицей Ант. Григ. Зариной два ящика и один холщовый мешок со следующими подарками: кисетов — 194, портянок — 19 пар, теплых перчаток — 14 пар, теплых носков — 5 пар, холщовых рубашек — 9 штук и 12 штук холщовых кальсон. Членом Комитета о. Н. Н. Соколовым заготовлено было 75 мест: 1 ящик с 500 экз. Святых Евангелий и 300 Псалтырей, 4 ящика (2 п.) карамели, 1 ящик (3 п.) пряников, 2 ящика (около 7 п.) кожи, дратвы и прочих сапожных товаров, 3 корзины (150 пар) валенок, 1 тюк (300 пар) перчаток, 40 ящиков (50 пуд.) махорки, 1 тюк (10 стоп) бумаги, 1 ящик с 17 гармониками и одним бубном, 20 ящиков (20 пуд.) мыла и 1 ящик с кисетами. Членом Комитета А. А. Поспеловой сдано для подарков: 268 теплых рубашек, 240 теплых кальсон, 430 холщовых рубашек, 160 холщовых кальсон, 135 пар вязанок, 5 пар напульсников, 216 носков (из них 50 от Татаевского церковно-приходского Попечительства и 50 от Татаевской школы Бельского уезда), 40 шлемов, 38 шарфов (шлемы и шарфы приготовлены ученицами епархиального училища), 330 полотенец, 379 пар портянок, 1 пара валенок, 1 пара наушников, 7 теплых жилетов, 260 кисетов с подарками от епархиального училища, 40 кисетов с подарками от г. Бодаревой, 105 кисетов от учащихся церковных школ, 47 кисетов с подарками от Вознесенской школы в гор. Смоленске, 1 ящик с табаком от епархиального женского училища и от учащихся Дреснинской церковной школы 3 теплых рубашки, 3 пары вязанок, 1 пара кальсон, 4 пары портянок и 23 кисета с табаком. Один ящик с 48 кисетами был набран у ректора семинарии — сюда вошли от ректора 11 изящно изданных Св. Синодом житий святых из серии «Дивен Бог во святых своих» (Св. Владимира, Св. Георгия, Св. Варвары) и одна Вяземская коврижка (эти подарки переданы господам офицерам полка); кисеты были от следующих лиц: от матушки игумении Гавриилы, от матушки казначеи Вероники, от Л. И. Лавровской (6) и от Коли Петрова (2). Некоторые из жертвователей в кисеты клали письма или визитные свои карточки: мера разумная — она обеспечила им ответ от славных стрелков.

¹ Опубликовано с пометкой: «Печатается с разрешения военной цензуры». Видимо, военная цензура настояла на том, чтобы все названия населенных пунктов были замены в тексте литерами, а большинство конкретных лиц, с которыми встречался во время своей поездки архимандрит Дамиан, были обозначены лишь инициалами.

² 1915 года.

Осенив себя крестным знаменем, в 3 часа мы стали отъезжать от Смоленска. Видно из окна вагона, как зигзагами вьется налево лента Днепра. Одиноко с той же стороны высился колодезь-часовня на месте кончины святого Глеба. Поезд ускоряет ход. Минули с правой стороны дачи в Черном Бору. В вагоне и нашем полукупе очень жарко; думается, градусов не меньше 20. Часы показывают 4. Мы на станции Г.

На путях масса снега, работают по очистке полотна от снега женщины и девушки, лиц не разобрать. С нами едет капитан одного из пехотных полков; сейчас он едет в В. к жене и пятилетнему малютке-сыну. Едет он из Эссентуков. Рассказывает, что там, на благодатном юге, устроено 12 санаторий для нижних чинов и 3 санатория для офицеров. В одном из офицерских санаториев капитан пробыл четыре месяца, будучи отправлен туда врачами одного из Московских лазаретов. Контужен он был почти год назад, когда полк стоял в Польше. В окопах, на позициях, он перенес скарлатину. Не заметил даже ни сам, ни окружающие, что болеет — не до того было. Участвовал в боевом деле больной, с повышенной температурой. Новое ранение получил в ногу. Пришлось поступить в лазарет. Началось шелушение после скарлатины; врачи недоумевали; находили, что у капитана экзема на нервной почве. От экземы и лечили. И только в санатории, после подробных расспросов, распознали, что это шелушение — результат перенесенной в жаркие дни боя скарлатины. Бедный капитан, недавно цветущий и, можно судить, красивый, теперь как-то гнусавит; болезнь оставила тяжелые последствия на почках. Теперь уже не работник он. Питается молоком да растительным. У него много сведений по военной истории. Когда под В. мы переезжаем Двину и замечаем, что река еще не замерзла, капитан указывает налево невядалеке огонек. Там у этого огонька впадает в Двину исторически известная река Лучеса. На берегах этой реки в 1812 году происходила битва с французами.

Пред В. капитан укладывает вещи и нервно направляется к выходу. «Меня, — говорит он, — никто не встречает». Капитан приезжает на сутки раньше своих предположений, о коих сообщал семье. В В. я успел навестить наш вагон с подарками, возле него были нижние чины — проводники.

После В. спутником по купе оказался генерал З. Это очень плотный господин, с большой одышкой, с усами точно у Тараса Бульбы. Отыскивая себе место в вагоне, генерал совсем нелестно честит евреев, дает убийственную характеристику городу В. (вороватый город). Привыкший к командованию генерал, и в вагоне проявляет свои административные способности. Обер-кондуктора он уверяет, что в вагоне 1 класса совсем мало пассажиров с билетами и правом проезда в этом классе, предлагает сделать проверку. Но в вагоне такая теснота и давка, что кондуктор не решается следовать совету генерала З. и бесследно исчезает, не появля-

ясь в вагоне целых четыре часа до П. В результате генеральской распорядительности в вагоне становится свободнее, есть чем дышать. Спасибо строгому генералу. Однако мы причинили ему небольшое огорчение, хотя это совсем не входило в наши планы. Заботливый В.М. после нашего выхода из вагона в П. по ошибке сделал распоряжение нижнему чину вместе с нашими вещами взять и чемодан генерала. Тщетно я предупредил перед своим выходом и генерала и В.М., чтобы не смешали вещей, указывал свои три места. Генерал был озабочен, как поудобнее уложиться на ночь, и во всем положился на В.М., а этот последний, пожалуй, через головы пассажиров и не мог разобрать, где моих три места, где чемодан генерала. Часа через три только удалось исправить невольную ошибку при посредстве жандармского вахмистра.

Воинственный генерал, узнав о цели нашей поездки, стал запугивать нас: «До сих пор вы, батюшка, знали крещение водой, а теперь, пожалуй, узнаете крещение огнем. Мы, старики, еще с Турецкой кампании знаем это крещение».

Навстречу нам по пути из В. на П. все время идут поезда с вагонами международного общества; ярко освещены электрическим светом большие окна вагонов. Это едут на ставку высшие должностные чины с докладами по делам государственного управления. В таком поезде всего чаще три-четыре вагона.

В П. мы были около 10 часов вечера. Предстояло переезжать на извозчике с одного вокзала на другой. Как на одном, так и на другом вокзале — все военные лица, все серые шинели, да изредка косынка сестры милосердия. Вот в тесном зале первого класса, разместившись на каком-то ящике, сидит сестра, судя по зеленому кресту, работающая от Северо-помощи. Возле нее подпоручик в фуражке, на котором противогаз московского типа. Судя по чертам лиц их, видишь, что это, должно быть, брат с сестрой — до такой степени яркие черты фамильного сходства между ними.

Достать извозчика в П. было довольно трудно. Правда, в нашем распоряжении было еще около тех часов, но все же хотелось быть ближе к цели и выбраться из тесной накуренной залы первого класса. Входит хлопотливый В.М. — ему удалось достать двух извозчиков для переезда на другой вокзал; проехать надо не больше 20 минут, но о рублевой плате возницы и слышать не хотят. Припомнился рассказ незабвенного генерала З., что в эту войну прапорщики взвинтили на все цены. «У них масса денег, — говорил генерал. — На позициях тратить деньги некуда, все готовое; и вот появится этот молодой воин в дни отпуска в губернский город или в столицу и буквально сорит деньгами направо и налево, начиная с носильщиков и извозчиков. Мне приходилось в Москве, — продолжал генерал свои наблюдения, — на улице просить извозчика, и я получал неохотный ответ: «Занят». Но стоило обратить-

ся к тому же «занятому» извозчику вслед за мной идущему прапорщику — как ответ был совсем другой: «Куда прикажете?»...»

Как бы то ни было, но к 12 часам мы были на другом П. вокзале, исколесив сонный город по разным улицам. Никаких впечатлений от этого переезда почти не осталось. Видно было, что город расположен на равнине; ни крутых подъемов, ни мостов не попадалось. Обращали на себя внимание громадные плакаты, что на улице помещаются чайная и питательный пункт от Северпомощи.

На новом П...м вокзале пришлось узнать, что наш вагон с подарками еще не прибыл, что к почтовому поезду в 2 часа ночи его не прицепят, что надо ожидать до 9 часов утра. Стараниями В.М. нас отвели в стоящий на путях где-то чуть ли не за версту от вокзала вагон второго класса. Вагон оказался протопленным, но войти в него нам долго не удавалось — не добудиться было проводника. Все энергичные постукивания в дверь долго были бесплодны. Думалось, что в вагоне не может быть живого человека, так как сильнее стучать, чем это делал железнодорожный чин, было невозможно. Наконец, в одном окне вагона показался огонек; очевидно, крепко спавший после утомительной работы проводник не вынес постукиваний и проснулся. Он предлагал засветить огонь и в нашем купе, но все мы рады были месту и без огня улеглись спать.

Утром восемнадцатого, убедившись, что вагон подарков прицеплен к нашему поезду, направляемся по последнему железнодорожному для нас пути. Проехать нам надо шесть станций, на что пойдет три часа. В вагоне теперь исключительно военные лица; нет даже ни одной сестры. На всех лицах сосредоточенность, все серьезные. Говорят мало, отрывочно, шуток совсем не слышно. Мороз — минус восемь. На станции 3. две женщины в корзинах продают теплые белые хлебы. Серые шинели быстро раскупили эти хлебы. Ни разговоров при этом, ни торга, ни шуток. Станция 3. Громадный плакат с надписью: «Бесплатная чайная и столовая всероссийского Земского Союза». Питаются и находят приют сотни лиц. На запасных путях масса фуражу; целый скирд мешков с овсом прикрыт со сторон брезентами; вагоны с прессованным сеном.

На станции П. на запасных путях до двадцати открытых платформ с готовыми санями. Сложены они и прямо, и наискось, и вдоль, и поперек. Несколько саней с сидением и задком из искусственной рогожи — очень красивы. У станции на открытом воздухе шесть котлов; под двумя из них — костер. Готовят суп для «копщиков». Это нанятые от местного населения жители роют окопы. Сегодня их ожидалось 750 человек. Час был обеденный, но они еще не прибыли; должно быть, задержались на работе.

В час дня поезд пришел на станцию С. Это конечная станция в нашем пути. Направляемся к своему вагону — он в конце поезда. Вскоре

встречает нас командир полка, в серой простой шинели, подпоясанный ремнем. Если бы не встречал его случайно в Смоленском кафедральном соборе за Всенощной, то не узнать бы было в нем боевого генерала В.И.Я., заслужившего в эту войну орден святого Георгия. С ним полковой священник, заслуженный о. протоиерей Ф.Р. После краткого знакомства и приветствий В.И. делает необходимые распоряжения по выгрузке подарков. Усаживаемся в парные сани и направляемся к месту расположения полка. Ехать надо добрых тридцать верст. Ветра нет, тихо, мороз небольшой. Ехать совсем бы хорошо, но снег страшно размолот — он точно песок. Колеса бесчисленного количества двуколок и четырехколесных обозных повозок, идущих впереди и позади нас, глубоко врезаются в снег, как в песок, и их не слышно так же, как и ровного медленного шага разогревшихся лошадей. Слышно только, как звякают на ухабах крючья веревочных построков, вытягивающихся, когда колесо завязнет в снегу. Везут мясо целыми тушами, овес в мешках, ящики со снарядами, сено... Трудно сосчитать, сколько этих повозок и двуколок минули мы с В.И. Местность ровная; небольшая впадина, на ней мосток с наскоро только что сделанными перилами. Вдали небольшая роща. Деревня в десяток дворов — по местному названию, «застенок» — И.

При въезде в деревню С. высокий крест с прибитым на нем деревянным же простой работы распятием — показатель, что здесь живет католическое население.

В Д. хорош костел; стоит на пригорке, обнесен невысокой каменной оградой. Невдалеке за ним обнесенное такой же оградой кладбище. Нередко встретишь у дороги труп павшей лошади. Возле трупа — собака или стаи ворон. Это печальное явление объясняется недостатком рабочих сил местной полиции.

При въезде в небольшой лесок встречаешь сторожевое охранение: два нижних чина, оседланная лошадь, горящий костер. То же и при выезде. От одного охранения к другому идет телефонная проволока. Мы во второй линии обороны. Проезжаем линии проволочных заграждений; лентой вьется она от одной господствующей высоты. Удивительна эта высота — будто специально природа создала ее для военных целей. Когда мы были у станции, эта высота была позади нас. Отъехали больше 15 верст — та же высота налево от нас. Спрашиваю Вл. Ив., ошибаюсь ли я в определении этой высоты. Ошибки нет. Высота та же самая, она важная в тактическом отношении. Вокруг нее и дальше вьется лента проволочных заграждений.

Около трех часов дня мы подъехали к деревне С., в которой стоит штаб полка, пулеметная команда и некоторые другие части Н сибирского полка. Идет ученье — пробежки и обучение штыковому удару. Солдаты радостно приветствуют своего командира дружным «здравия желаем». В деревне всего одна улица, домов в ней десятка полтора.

Расположена она на пригорке. Население — католики литовцы, есть немного татарских хат. По крайней мере, та изба, к которой мы подъехали, принадлежит татарскому семейству. На древке небольшой полковой флаг — знак, что здесь местопребывания командира полка со штабом.

По обычаю, при входе осеняем себя знаменем креста, но в переднем углу вместо икон — планы Мекки и Медины в рамах, перевесло из ржаных колосьев окружает эти рамы, а рядом тут же венок из колосьев ржи. За пологом в помещении командира имеется святой образ, а у стены в чехле полковое знамя. Командир и его штаб занимают одну половину хаты — чистую, через сени помещается семья хозяина.

Оправившись с пути, идем почти через всю деревню в хату офицерского собрания. Двор перед ней установлен елками; похоже на палисадник или рощицу. Здесь уже были старшие чины полка в сборе. Посередине хаты стол, даже два — должно быть, составлены. Вокруг них простые скамьи, имеется и два стула. Кругом стола три кровати: заведующего хозяйством, ротного командира и заведующего обозом. Приветливости и радушию хозяев нет границ. За обедом я сказал несколько теплых слов приветия славному сибирскому полку в лице его офицеров — руководителей. Я говорил, что в Смоленске знают кое-что из истории их полка по тем беспримерным подвигам, что проявлены были полком в сентябре 1914 года у Варшавы, что об этом знает и вся Россия, что наше духовенство и Комитет, возглавляемый благостным Владыкой Феодосием,³ шлют вместе с подарками горячие братские пожелания всем чинам полка — здоровья и боевых успехов.

«Уже не в первый раз вспоминает сибирских стрелков старый Смоленск, — отвечал командир полка. — Знаки его внимания полк получал и в Пасхе — памятно полку подарки теплым бельем от Смоленского Комитета. Отвезите, отец Ректор, нашу горячую благодарность Преосвященному Смоленскому, всем членам Комитета, всем жертвователям и среди них А. Н. Алексеевой, вспомнившей нас пред праздниками».

Полк в резерве. Слышится далекая пушечная пальба. Это наши разговаривают на позициях с немцами. По прямому направлению это будет верстах в двадцати. Выстрелы редки, но слышатся с утра и по поздний вечер. Мне говорят, что это «затишье». И знаете, с какой стороны важно это «затишье», этот отдых в резерве? Главным образом с той, что люди, хотя и за редкие периоды отдыха, находясь в резерве, сливаются друг с другом: офицеры с солдатами, солдаты между собою. Особенно это важно потому,

³ Епископ Феодосий (Феодосиев). На Смоленской кафедре с 1908 по 1919 годы. В 1918 году возведен в сан архиепископа. В 1919–1920 гг. временно управлял Одесской епархией. С 1923 года по октябрь 1939 года — архиепископ Вильнюсский. — История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. — М., 2006. — 926 с. — С. 460, 804.

что полк значительно пополнился — много влило в него новых, свежих сил. Люди новые чужды славных боевых традиций полка, и на усвоение ими этих традиций идет время отдыха от боя, время усиленных занятий.

А полку сибирских стрелков, которому мы передали подарки от Смоленского Комитета, есть, что вспомнить из текущей войны. Конец сентября и начало октября 1914 года он принимает участие в славных победных боях за Варшаву. В том же октябре — взятие Равы. В ноябре — участие в боях у Ловича — впереди Бзуры. Декабрь 1914 года и январь 1915 года — бои у Боржимова и на Бзуре. В феврале — бои у Прасныша (Капустник). В июле — страшные бои у Макова: стрелки по горло в воде переходили реку Оржицу. Июль и половина августа — бои у Нарева (13 июля) и ряд тяжелых арьергардных боев до перехода на Двинский фронт. И в прошлом за сибирским стрелковым полком значатся заслуги, уже отмеченные в истории полка. На знамени полка имеются Георгиевские ленты за участие в боях у Вафаньгоу, Ляояна и Сандепу в Японскую войну.

Из беседы с офицерами полка за столом мы вынесли прочное убеждение, что настроение всех их, начиная с командира, бодрое, веселое. Все они верят в светлое будущее и со спокойной душой ожидают грядущих событий. Вечерние газеты — «Новое Время», «Русское Слово» принесли весть о начавшемся наступлении нашем в Галиции. Это известие всех искренне радуется, поднимает дух и среди наших стрелков.

Уже стемнело, пока мы окончили трапезу (рыбную), но нам хотелось в день приезда посмотреть, как живут в резерве нижние чины. Тут же невдалеке от избы собрания, за огородами — несколько землянок. У входа в землянки красивые декорации из елок. Выровнена местность, идешь, словно по улице чистой, просторной. Проходя среди ряда елок, приближаемся к двери землянки. Дверь плотно закрыта. С фонарем выходит нижний чин, открывает дверь, почтительно козыряя начальству. В землянке у стены горят три лампы. Посередине печь. Немного пахнет дымом. Против ламп на полу землянок разложен ряд коротких деревянных брусьев. На них солома. Три-четыре столба рядом поддерживают деревянный же из отдельных брусьев потолок. Потолок довольно низок: приходится стоять, согнувшись.

«Здравствуйте, славные сибирские стрелки, — сказал я по входе в землянку. — Из Смоленска привез я вам братский привет и благословение от нашего Архиепископа и от нашего духовенства. С приветом этим мне поручено передать вам подарки к великому празднику — знак нашей признательной любви к вашему тяжелому служению в эти дни мировой войны. Мы отдаем себе отчет, как тяжела ваша служба, особенно в окопах, из которых вы только что вернулись. И нам хочется сказать: держитесь и дальше, сибирские стрелки, грудью стойте против немца. А мы не забудем вас и впредь ни своей молитвой, ни своим вниманием».

В это время доложили, что как раз подарки привезены на десяти подводах. И командир полка сделал распоряжение, где их сложить до завтра. В ответ на мое приветствие из ряда стрелков слышалось выражение благодарности.

— Тепло ли в землянках под утро? Каково питание? — поинтересовался я.

— Раньше встанешь утром, — отвечали мне. — А что до пищи, то слава Богу, всего вдоволь.

Уже и забыли, когда им приходилось недоедать при отступлении из Польши. Пожелав стрелкам доброй ночи, мы оставили землянку.

Полк имеет баню возле храма: жалоб, чтобы обижали «жители» (насекомые), среди стрелков не слышно. Однако жертву теплым и холщовым бельем принимают охотно и с благодарностью. Очень трудна стирка белья, хотя выдают и мыла. Часто при неумении взяться за это необходимое дело стрелок намажет белье мылом, как салом, не промоет хорошенько, да так и ходит. Смену белья постирать, находясь в резерве, можно за 20-30 к. Чаю и сахару дается вдоволь; сахару выдают 8-9 кусков в сутки.

Спать нас устроили в собранской комнате на походной кровати. С вечера было жарко натоплено, но к утру стало очень свежо. Промерзают, очевидно, стены.

Встал в 7 часов 19 декабря. Новый год у немцев. Пальба на позициях усилилась. Весь день долетают до слуха отдаленные выстрелы. Совсем низко над хатой командира пролетел аэроплан. Это был наш Ньюпор. Летел от позиций. Вероятно, с разведки возвращался в свою часть.

В сарае сложены наши ящики с подарками. Рядом с ними хозяйские яровая солома, сено занимают половину сарая. С командиром полка и двумя офицерами направляемся в сарай и там решаем, что из подарков выдавать на руки, а что по отдельным полковым частям. Присутствующие стрелки выражают удовольствие, когда видят два ящика с сапожным товаром.

«Это так нам нужно, — заявляют они. — Здесь обувь изнашивается очень быстро. Вдвое скорее, чем в спокойное время. Ни почистить, ни починить ее часто у нас нет времени». Решено, что ящики с махоркой и с мылом поступят в отдельные роты, и там уже они через офицеров поступят нижним чинам.

Смех, шутки и выражение удовольствия вызывает раскупорка ящика с гармониками и бубном: «Вот это как раз подарок к празднику; куда легче с таким инструментом пойдет у нас удалая сибирская песня».

Очень кстати оказались теплые валенки: обладатели этой обуви будут считать себя счастливыми в эти холодные дни. К радости стрелков, командир сообщил им, что на станции уже прибыл транспорт валенок в количестве 750 пар.

Уже теперь, при предварительном распределении подарков, мы имели возможность видеть лица с выражением благодарности за любовь и внимание к ним. Подарки наши для сибирских стрелков играют огромную роль. Они согревают наших ратников сознанием, что их помнят на родине, и забывают они все горести и тяжести многих лишений походной жизни. Несомненно, подарки наши подвигнут их на новые многие подвиги.

Из беседы с одним стрелком, проведенным в кампании все шестнадцать месяцев, я вынес одно убеждение. Чем дальше тянется война, чем сильнее чувствуется ее тяжесть, тем сильнее чувствуется и отсутствие тепла, ласки, уюта домашнего очага. И это чувство особой остроты достигает в дни перед праздниками и в дни самих великих праздников. Надо было видеть, какую большую, светлую радость приносит самая малая посылка с родины. Суровый на вид и задумчивый мой собеседник при вскрытии кисетов, при раскладывании по ротам подарков наших вел себя почти как малый ребенок на елке. И дело тут не только в той пользе или удовольствии, какую приносят подарки. Всякий подарок разгоняет это тяжелое чувство отчужденности и так дорог нашим героям.

В этот день командир полка предоставил нам возможность видеть учебную стрельбу и — что самое интересное — работу пулеметов. Невдалеке от деревни луг или болото, за снегом не разберешь, а по пронизывающей сырости заключаешь, что это болото скорее.

Пулемет — это не оружие, а какая-то смертоносная коса. Но косит она не мягкую траву, а косит дерево, людей в военном строю, и не дай Бог попасть под ее ужасающее действие.

На обратном пути снова посетили мы землянку, беседовали с нижними чинами о цели нашего приезда, о той благодарности, какую питает в своем сердце мирное население к войскам. Передали поклон от Смоленского края храбрым сибирским стрелкам и выразили просьбу, надежду, что стрелки постоят за отчизну. Один из нижних чинов благодарил за подарки и внимание. А при выходе из землянки моим и командира грянуло могучее «ура». Был обеденный час; разносили горячую пищу, вкусно пахло от котелков.

Вечером этого дня мы направились на паре лошадей за 1 версты от стоянки командира в деревню О. в храм ко Всенощной. Храм в честь Покрова Богоматери. Наружный вид — костельного типа. Правда, приделаны два искусственных купола, но видно, что это позднейшая прибавка. Внутри храма этих куполов не видно. При входе в храм, у западной стены — хоры; на них ведут крутые лестницы с двух сторон. Очевидно, хоры — место для бывшего органа. Внутренне убранство храма совсем бедное: нет ни стеной живописи, ни икон в рамках. Запрестольный образ напоминает католическое венчание или короно-

вание Богоматери. Под ним недавнего, простого русского письма изображение Покрова Божией Матери.

Храм переполнен богомольцами. Тесно, еле пройти. Служба только что началась. На хорах поместился хор из стрелков; поют на седьмой глас — стройно, отчетливо. Но знающий церковную службу В.И. командир полка, обладающий голосом, все же несколько недоволен пением. На «Ныне отпускаеши» нотное регент дважды давал тон. Это уже, по мнению командира, не порядок. Служил полковой отец протоиерей, награжденный кабинетским крестом на Георгиевской ленте. Голос у отца протоиерея громкий, ясный, отчетливый. Дякона нет, псаломщические обязанности исполняет местный священник, шестопсалмие читает сибирский стрелок. «Господи Боже наш, сильный и крепкий во бранех, восстании в помощь нашу, прими орудие крепости Твоя», — эти слова молитвы звучат там, среди войск, как-то особенно. Осеняет себя крестным знаменем вся церковь, как один человек, слышатся задержанные глубокие вздохи. Слова молений на ектенью о даровании победы над врагом христоробивому воинству прямо ложатся на сердце, питают в душе уверенность в победе. Лица в серых шинелях при этих словах как-то просветляются. Здесь особенным образом переживаешь чувство молитвы — и приятно даже вспомнить эти переживания.

Литургию на следующий воскресный день 20 декабря служили втроем — я, отец Федор и отец Андрей, священник N полка, расположенного в резерве рядом с сибирскими стрелками. При трех священниках дякона не было, так что наше соборное служение выходило необычным. И ектеньи, и возгласы говорили поочередно. К самому началу службы прибыл командир полка и офицеры, храм снова переполнен. Поют еще с большим усердием и проникновением, чем вчера за Всенощной. Прочитано Евангелие — первое зачатие Святого Матфея — книга родства Господа Иисуса Христа. Это евангельское чтение дало нам отправную точку для назидания в конце Литургии.

Евангельское чтение предпраздничного дня, приближая к нашему сознанию события великого праздника — рождения Христа Спасителя — говорит о нашем родстве со Спасителем Богом. Всякое родство, как и всякая близость, особенно по духу близость, налагает известного рода обязанности. Родство грешного человека с чистейшим Богом требует от нас особой чистоты и святости, налагает на нас обязанности идти по стопам Христа во всем, приобретать те свойства духовные и добродетели, образец коих дал нам Сам Христос, родившийся для спасения человека.

Он «кроток и смирен сердцем» во дни своей земной жизни. Не таков ли и наш великий русский народ-богоносец? Не таков ли в сущности и родной сын нашего народа — христоробивый воин русский, каковым он показал себя миру в нынешнюю войну? Не говорим уже про чудеса

мужества, про героизм, проявленный нашим офицером и нижним чином. Мир поражен мягкостью, человечностью русского воина: грозный на поле брани — наш воин великодушен, готов поделиться последним со своим недавним врагом, когда тот ранен и пленен. Это известно всему миру; известны русское смирение и кротость. Но что обещано кротким от Спасителя? Они наследят землю — их наследием, их владением должна быть вселенная. И к этому торжеству идет кроткий русский народ чрез нынешнюю великую, европейскую войну, к этой победе над миром идем мы крестным путем, к этому ведут нас неисповедимые пути Господни.

Обращаясь к земной жизни Спасителя, обозревая ее всю от колыбели в яслях до страшной Голгофы, мы видим, что Иисус Христос перенес все виды человеческих скорбей и унижения. И, как Бог всемогущий, Он призвал к Себе, в Свои объятия страждущих и обремененных. «Придите ко Мне, — сказал Спаситель, — вси труждающиеся и обремененные, и аз упокою вас» (Мф. 11.28). Много теперь труждающихся и обремененных в нашем Отечестве. Много скорбей и трудов несут теперь верные сыны и дочери Церкви православной на святой Руси. Но наибольшие труды, труды ни с чем не сравнимые, приняли за весь народ вы, христоробивые воины, здесь на передовых позициях, перед лицом жестокого врага, отстаивающие честь и достоинство святой Руси. Церковь, а за нею весь православный народ считает вас страстотерпцами. Подвиг ваш уподобляет подвигу мучеников. Они проливали кровь свою за веру, за Христа; вы, православные христоробцы, души свои полагаете во славу Христа, за други своя, за свои семьи, за отчизну. Вы проявляете высшую степень любви Христовой. Ваша жизнь в окопах на передовых позициях, в сырых землянках, когда вы стоите в резерве, особенно в зимнюю, студеную пору — есть тяжелый и суровый подвиг, которому достойно уподобить полное лишений подвижничество первых пустынников христианских или даже такого великого русского отшельника, каковым был Сергей Радонежский.

О боевых же подвигах славных сибирских полков знает вся Россия, и я не считаю неудобным напомнить, хотя кратко, о них с этого святого места. Продолжителен и утомителен был путь сибирских стрелков от Амура и Усури до Варшавы осенью минувшего года. Минувя встречающиеся поезда-«молнии», залитые электрическим светом, сибирские стрелки прибыли к Варшаве как раз в ту пору, когда немцы готовы были овладеть столицей русской Польши. И отстояли стрелки красавицу Варшаву в октябре минувшего года. Этот мировой подвиг ваших полков отчетливо теперь знает вся Россия. Знает она, что много было в ту пору и потерь среди стрелков, но ведь без потерь победы не бывает. Низкий вам поклон за этот подвиг. Умилен этим подвигом и наш Смоленский край. На улицах нашего города нам приходилось слышать удалую, грозную песню сибирских стрелков. Преклоняется русский человек

пред этим вашим подвигом и молитвенно желает вам новых и многих подобных успехов в ратном поле. Не забудет вас, сибирские стрелки, родина и Церковь ни своими заботами, ни своими горячими молитвами.

Таково приблизительно было содержание проповеди, обращенной в Покровском храме деревни О. к славным сибирским полкам. За литургией по месту расположения полка вспоминали Архиепископа Тихона⁴ и, по принятому у воинских частей порядку, протопресвитера Георгия.⁵

После Литургии горячо молились особым молебным пением о даровании победы воинству. Грозно и торжественно звучал наш церковный гимн: «Тебе Бога хвалим» и следовавшие за ним многолетия. Певцы из сибирских стрелков удовлетворяли на этот раз даже своего требовательного командира.

На площадке-пригорке пред храмом после церковной службы состоялась сама раздача смоленских подарков сибирским стрелкам. С трех сторон у разложенных подарков в строю стояли молодцы стрелки; здесь же у подарков были командир и офицеры полка. В переднем ряду стрелков, направо от храма, мы увидели очень много георгиевских крестов, украшавших грудь героев сибиряков. Когда наступила полная тишина, по соглашению с командиром полка мной прочитано было следующее воззвание от нашего Владыки и Комитета:

«Возлюбленным о Христе братьям-воинам.

Уже второй раз судил Господь встречать вам великий праздник Рождества Христова в окопах, на передовых позициях, отстаивая свою грудью родную землю от сильного, коварного врага.

Много еще трудов и ратных подвигов придется вам понести на этом славном поприще. Глубоко все это чувствуем мы, спокойно живущие за вами, понимаем и высоко ценим. Мы ясно себе представляем, что в то время, когда у нас, в наших храмах, на праздниках будет особенно торжественное богослужение, а в домах уютно, светло и радостно, вы, христоробивые воины, проводите дни и ночи в холодных, занесенных снегом окопах, или сырых землянках, на стуже, на ветре, во мраке, где вместо праздничных песнопений царит свист смертоносных снарядов да стоны раненых.

Все это вы терпеливо переносите из-за самоотверженной любви к родине; не страшит вас и самая смерть. И эта горячая любовь, сияя ярким пламенем в ваших сердцах, находит горячий отклик и в наших

сердцах. По мере своих сил мы хотим обрадовать вас своим сердечным праздничным приветом. Своими скромными подарками к празднику мы хотим сказать вам, дорогие защитники святой Руси, что это звено любви, объединяющей нас с вами, не должно ослабнуть никогда, ни при каких самых трудных обстоятельствах. Любовь наша да волеет в вас новые силы на борьбу с врагом, а в нас да вселит надежду на полное, окончательное торжество русского правого дела.

И глухие поселки, занесенные сейчас снегом, и церкви, и монастыри, и церковные школы, и родной вам деревенский люд, и города Смоленского края — все вместе несут вам единой душой и единым сердцем свой горячий праздничный привет и эти подарки — выражение братской любви.

Стойте же крепко, дорогие братья, за нашу веру, за нашего Царя и за наше Отечество.

Благодать вам и мир от Господа нашего Иисуса Христа, благоволившего даровать нам вечное спасение своим рождением на земле и явлением в мир.

Феодосий, Епископ Смоленский и Дорогобужский».

По прочтении воззвания из ряда героев вправо выходит молодец-фельдфебель с четырьмя Георгиями на груди. С разрешения командира он говорит сердечное слово благодарности: «Так что, отец Архимандрит, примите от нас, всех сибирских стрелков, чувствительную благодарность за принесенные подарки, за ваше слово и за молитвы. Благодарите от нас, стрелков, и всех тех, кто прислал нам подарки, за их любовь и за память; знать, нас родные не забыли своих к великому празднику. Еще раз приносим вам благодарность».

С краткой и картинной речью выступил генерал Я., командир полка: «Везите от нас, отец ректор, благодарность благостному Владыке Феодосию, всем членам Комитета Смоленского, А. Н. Алексеевой. Не впервые уже сибирские стрелки пользуются вниманием и получают подарки из Смоленска. Скажите там в Смоленске всем, кому можете, что наши полки, несмотря на все выдумки и хитрости врага, победят немца, что постоят за Россию сибирские стрелки».

Картину раздачи подарков по частям полковой фотограф Г. снял тут же у храма. Отдельные тюки с подарками получали представители от рот частей. Особенно любовались — да и было чему любоваться — выстроенными гармониками и бубном; выглянувшее солнце заставило их блестеть. При раздаче подарков мне пришлось видеть действительно счастливых людей, забывших горести и лишения походной жизни. Раскрылась при этом одна поразительная черта русского человека — полное забвение своих нужд. Радость выражалась не за доставшуюся полезную, необходимую вещь, а именно за память, за любовь и внимание, идущие от родных мест.

4 Святой исповедник Патриарх Тихон (Белавин Василий Иванович, 1865–1925). С 1913 по 1917 годы был архиепископом Виленским и Литовским.

5 Протопресвитер Георгий Иванович Шавельский (1871–1951). С 1911 года был главой военного и морского духовенства. Число священников, окормлявших солдат и офицеров царской армии в годы Первой Мировой войны, доходило до пяти тысяч. В 1917 году отец Георгий был одним из кандидатов в Патриархи. В 1920 году эмигрировал и перешел под омофор Болгарского Патриарха.

Раздача подарков все еще происходила, как подали нам пару серых командира. Едва только я уселся, как, по приглашению командира, провозгласившего отцу ректору «ура» за то, что он взял на себя труд доставить нам подарки, из тысячи уст грянуло такое могучее, долго не смолкавшее «ура», что будь вблизи немцы, они попятились бы от страха и подумали бы, что на фронт приехал какой-то большой военный чин, по меньшей мере, командующий армией.

После «ура», проезжая мимо рядовых стрелков, я успел еще раз пожелать им успеха, здоровья и победы над немцем и просил их написать нам в г. Смоленск, с каким чувством приняты ими наши праздничные подарки. В кисетах на открытках указаны адреса или вложены визитные карточки, по этим адресам и пишите в Смоленск.

Был уже в начале третий час дня; день кончался, когда после раздачи подарков мы все вернулись в Ст. и расположились в комнате собрания. Комната приняла праздничный вид: две кровати были убраны, стало светлее как будто и просторнее. Это без нас здесь старался полковой хлебодар В.В.К.; на столе были самые невинные напитки, и это дало нам повод к званию хлебодара для В.В. присоединить звание виночерпия.

С разрешения командира полка за столом мной от лиц смолян сказана была речь-привет и офицерскому составу полка.

«Про путь сибирских стрелков от Амура до Варшавы, — сказал, как бы продолжая свою церковную речь, — знает вся Россия. Шли стрелки со своими офицерами с крайнего русского Востока, таинственного, загадочного, на крайний русский Запад — на выручку Варшавы. Это было в августе-сентябре четырнадцатого года. С верховьев Амура, с рубежа Маньчжурских степей каждый день отходили тогда на запад длинные поезда с сибирскими стрелками. Темными осенними ночами шли эти поезда в безмолвии, без свистков, почти без огней. Попадались им навстречу залитые электрическим светом поезда-«молнии», сверкающие и роскошные, как сама Европа, и почтительно сворачивали, становились на запасные пути, чтобы дать дорогу сибирским стрелкам, ехавшим умирать за Россию.

Перешагнули Урал. Далеко позади остался он, изрытый рудниками, дымящийся трубами бесконечных заводов. В раме грохочущего моста улыбнулась стрелкам красавица Волга и скрылась за лесистыми холмами. Но вот сибирские стрелки почти у цели — недалеко и столица русской Польши. Повсюду кругом они видят царство разрушения. Разоренные деревни, груды от пожаров. Дороги кишат толпами беженцев, которые бредут, сами не зная куда. Все это настраивает сибирских стрелков.

Покинув свои поезда, стрелки на улицах Варшавы выстраиваются для похода, и столица, которую нужно спасти, принимает их в свои недра. Стрелки идут мерным шагом вперед к своей цели по неведомому

им городу, прекрасному, изнеженному, почти веселому. Поступь их тверда, лица спокойны и непроницаемы. Бесконечным потоком серых шинелей и штыков властно разрезают стрелки живую стену толпы, запрудившей площади и улицы Варшавы.

Сибирские стрелки в ней как раз вовремя. Весь воздух стонет и дрожит от рева орудий... «Пустое, — говорят стрелки. — мы слышали, как сердится тайга, в которой не найти ни начала, ни конца, не страшен нам жалобный вой шрапнели. Скорее бы встретиться лицом к лицу с врагом...»

Немцы не заставили их долго ожидать; они выходят из окопов, им дан приказ: во что бы то ни стало взять Варшаву. Битва разгорается. Неудержимой лавиной катятся вперед сплошные, кажется, бесконечные ряды немцев. Но каждый раз немецкий натиск разбивается о гранитную стену защитников Варшавы, готовых умереть, но не отступить. Бок о бок сражаются храбрые, порывистые поляки и хитрые, настойчивые хохлы, помнящие боевые заветы своих предков-запорожцев. Вся Россия сплотилась в те дни у стен Варшавы в дружную могучую семью...

Но в ту самую минуту, когда немцам казалось, что сопротивление русских сломлено — серые ряды русских расступаются, в битву бросились сибирские стрелки. Могучее «ура» прокатывается громко по рядам. Сибирские стрелки не знают предательской каиновой дымовой завесы. В их руках штык с винтовкой, на сердце — Бог и родина, а на устах грозная песня, покрывающая и пересиливающая рев бури на Байкале. И пред звуками этой песни смолкают и залпы, и отдельные возгласы.

Немцы поражены и удивлены. Они слышат, но ничего не понимают. Они впервые видят врага, идущего умирать с песней, да еще с какой? С могучей, стихийной песней. Изумление немцев растет, переходит в испуг, в смятение и, наконец, в панику. Немцы не выдержали. Их мозг, работающий с точностью и ограниченностью заведенной машины, не может понять того, что происходит пред их глазами. В странных врагах, поющих весело и грозно пред лицом смерти, немцы отказываются видеть людей. Дрожь, словно электрическая искра, пробегает по сомкнутым рядам пруссаков, саксонцев и баварцев. В их рядах происходит замешательство, и с диким воем пойманного зверя они поворачивают назад, натываясь на свои же штыки.

А сзади вливаются в битву все новые и новые потоки сибирских стрелков. Молча и сосредоточенно они гонят перед собой обезумевших немцев, упорство которых было сломлено у стен Варшавы сразу и безвозвратно.

Так в самом начале октября 1914 года была выиграна вашими полками битва под Варшавой. Знает это весь читающий мир, ценит этот ваш подвиг православная Русь. Знает, что дух непобедимости воспитали в сердцах сибирских стрелков доблестные офицеры этих полков. Низкий поклон вам, господа офицеры, вместе с боевым командиром вашим, от

земли Смоленской и от Смоленского Комитета в частности. Комитет наготовил подарки нижним чинам вашего полка как знак своей признательности и внимания к празднику. Достаточно обеспеченные всем необходимым, вы не имеете нужды ни в чем. Примите же лично от меня вот эти книжки о Боге, Дивном во святых Своих, и для нашей общей трапезы вяземскую сладкую коврижку».

Приняв коврижку, командир полка в теплых выражениях благодарил Смоленск за внимание и ласку, выяснив при этом, что стойкость сибирских стрелков вырабатывается при особых условиях жизни в Сибири, о коих мы, жители Европейской России, имеем не всегда правильное понятие. И знает отец ректор, что все мы после победоносного конца войны стремимся всем сердцем и всей душой туда «домой», к себе в Уссурийский край. А расспросите каждого из нас о месте рождения и воспитания, вы узнаете, что мы все вышли из коренной России. Сибирь, как мы имели возможность убедиться, край богатый, приветливый, свободный край безграничных возможностей.

В этом же тоне и духе шла у нас за столом беседа; в ней приняли участие все присутствующие. Велась она просто, непринужденно, с полной искренностью. Черниговец родом, отец протоиерей полка тоже мечтает о милой Сибири, о тех днях, когда после победного конца он отправится с полком на полноводный Амур.

Как приятно было слышать вдохновенную речь командира полка о светлой будущности России, о том, что Сибири в этом будущем предстоит несомненная великая роль, что до сих пор этой великой окраине посвящали немного внимания, что это страна великого будущего. И в словах генерала чувствовалась его вера и любовь ко второй его родине — Сибири, холодной, но приветливой, мало нам знакомой стране, давшей нам бесподобных героев, сибирских стрелков, которые залили свою кровью и Польшу, и Прибалтийский край, и не отдали еще ни одной пяди земли без приказа.

Вечером в тот же день со своим спутником, студентом,⁶ мы выехали в обратный путь. Из штаба дивизии командир спросил автомобиль. Ехать до станции С. надо верст 30–35 через местечко Гл., где в конце августа совершен был известный прорыв немецкой кавалерии. Спутниками до станции были — петроградский педагог Б. А. Донченко и студент-медик Саратовского Университета Д. Войнич. Оба работают по Красному Кресту и в один голос отмечают отличное настроение армии на позициях.

⁶ Архимандриту Дамиану в этой поездке сопутствовал его сын Михаил, выпускник Смоленской духовной семинарии, в 1915–1916 годы — студент историко-филологического факультета Петроградского университета, призванный в русскую армию в сентябре 1916 года.

Простились сердечно с командиром и офицерами полка и ровно в полночь уселись в автомобиль. Сначала все шло хорошо. Но уже через полчаса пути надо было шоферу устанавливать и налаживать фонари; они почему-то погасли. Дул сильный ветер в открытом поле, и только теперь пригодились те запасы теплого платья, что взяты были из Смоленска. Этим, однако, наши испытания путевые не окончились. По дороге много снега; метели настоящей не было, но была так называемая «поземка». При небольших спусках и подъемах дорогу занесло снегом довольно глубоко. Машина не раз останавливалась. Но нашими общими усилиями автомобиль удавалось тронуть с места, и мы благополучно ехали дальше. Проехали в глухую ночную пору и местечко Гл. Серые постройки занесены снегом. На окраине завод. Прежде на нем изготовляли спирт. Оставалось до станции не более десяти верст. Минули небольшой лесок. Вскоре на подъеме за ним автомобиль наш стал, и на этот раз настолько прочно, что никакими усилиями нам не удалось сдвинуть его с места. Напрасно мы привлекали к помощи двух ехавших верхом нижних чинов. И шестером мы ничего не могли поделать с автомобилем. Общим советом решили, что спутники — работники по Красному Кресту — отправляются на станцию, откуда доставляют через В.М.Б. несколько стрелков, а я с сыном студентом остаюсь на автомобиле хранить вещи и ожидать возвращения наших попутчиков.

Проходит час ожидания, берет нас раздумье. Вспоминается, что поезд со станции С. должен отойти в 4 часа утра. До его отхода остается всего два часа. Предстоит в перспективе не попасть на этот поезд, ожидать следующего, а может быть, и следующего утра. Эти мысли поддерживает шофер, отмечая, как неисправно ходят поезда, иногда на много часов запаздывающие. Тревожные мысли усиливаются. В это время мимо по дороге едет двое саней без клади. Справляемся, куда направляют свой путь. Оказывается, едут на станцию за подарками в обозную часть N полка. Жена начальника обоза присылает подарки, собранные ею в Москве. На предложение наше взять нас до станции обозный из запасных Бежецкого уезда проявляет готовность выручить нас. Простились радушно с шофером, уселись в санки, уложили свои вещи и к половине пятого были на станции. К счастью нашему, поезд запоздал, и только в шесть часов мы выехали на П.

Успели к поезду и оставленные нами спутники. Они отправились на огонек, светивший в стороне от дороги; попали в небольшую воинскую часть, достали лошадей и несколько нижних чинов и выручили из сугроба дивизионный автомобиль. Однако еще два раза автомобиль снова загрузал, последний раз совсем вблизи у вокзала.

Нет нужды описывать обратный железнодорожный путь. Он совершен нами при большой тесноте. Особых удобств мы и не ожидали — слишком усиленное движение было пред праздниками. Отметить надо

одну приятную встречу. Уже на пути от В. на одной из станций встретили мы на открытых вагонах-платформах бронированные автомобили. Все они — чистенькие, новенькие. Их направляли в те войсковые части, где по состоянию дорог ими вполне возможно пользоваться.

Остается сказать несколько слов о тех проявлениях благодарности, что получены уже по прибытии в Смоленск. От командира полка на имя Владыки поступило следующее отношение: «Ваше Преосвященство, Глубокочтимый Владыко! От лица стрелков N-го Сибирского стрелкового полка приношу душевную признательность Вашему Преосвященству и, в лице Вашем, всему Епархиальному Комитету за щедрый дар, присланный нашим молодцам-стрелкам. Нас тронуло до слез теплое отношение Ваше, низко кланяемся дорогим братьям смолянам.

С твердою верою в конечный успех нашего дела, уповая на Господа, смиренно поручаем себя молитвам Вашим. Искренно преданный В.Я.»

От него же на мое имя поступило письмо следующего содержания: «Глубокочтимый отец Ректор, от лица стрелков вверенного мне полка приношу глубокую признательность Вам за привезенные подарки к празднику Рождества Христова и душевно тронувший нас личный Ваш проезд к нам.

Эти дни никогда не изгладятся из нашей благодарной памяти. Твердо уповая на милость Божию и веря в полный успех нашего дела, поручаем себя молитвам Вашим. Искренно преданный В.Я...»

Не лишены интереса выдержки из некоторых писем на имя тех смолян, что на открытках в кисетах написали свои адреса. Вот одна из них, датированная 23 декабря; написана очень грамотно, мелким почерком: «Считаю долгом от души благодарить Вас за присланные Вами Рождественские подарки, которые служат прямым доказательством Вашей заботы о нас, сибиряках. Много выбыло из строя молодцов сибиряков в минувшее время войны, но пополнились ряды их. Усердными молитвами Вашими и твердым упованием на Господа одолеем коварного врага, добавим на страницы истории новые славные подвиги и готовность каждого из нас умереть за нашу дорогую родину и веру православную. Поздравляем Вас с новым годом, желаем полного благоденствия и процветания святой обители Вашей (письмо адресовано матушке игумении) и просим сообщить историю монастыря (желание исполнено)».

Другой подробно перечисляет в своем письме, что было вложено в доставшийся ему кисет. «Я получил, — пишет младший унтер-офицер, — две пачки папирос, одну пачку спичек, 15 кусков сахара, 15 конфеток, две иголки, две открытки, пять ниток и чай, и хороший кисет; все получил 21 декабря. Благодарим Вас несчетно раз за Ваши подарки, что вы нас не забываете, о нас беспокоитесь».

Не лишено интереса религиозного письмо К. Новосада из музыкальной команды. Его интересуют глубокие вопросы. «От товарищей и от себя приношу Вам, — пишет он, — сердечную благодарность за подарки, и еще более за память о нас. Полтора года вдали от родины, семьи, матери — многих из нас, даже самых неверующих заставили обратиться к Богу. От кого я, в минуты грозящей мне опасности, когда смерть витает надо мной, могу ждать помощи, спасения? От Бога — и только от Него. Он — единая Надежда. Он Единственный, на Кого обращен мой взор, моя мысль пред лицом смерти. Скажите, должно ли ненавидеть врагов? Я спрашиваю потому, что я к врагам немцам не чувствую малейшей жалости, ни сострадания, будь они живы или мертвы. Может быть, это грех, но это так. Еще раз сердечное спасибо Вам за подарки. Нам не так дороги они (хотя присланное Вами оказалось впору и полезным многим, так как здесь и за деньги нельзя ничего достать), как Ваше внимание. Мы знаем, что там, вдали от нас, есть люди, которые заботятся и помнят о нас... Помолитесь за нас».

Интересно еще письмо старшего унтер-офицера Прищепы, известного разведчика, георгиевского кавалера, помнится, всех четырех степеней. «Мы неоднократно, — пишет он, — проявляли свою стойкость пред хитрым коварным врагом, который забрался в пределы нашей матушки России. Но верьте, что мы, сибиряки, еще постоим так, как в 14 году под Варшавой и Равой, а в 15 году под Праснышем, будем верны преданности своему Верховному Вождю, дорогой родине и вере православной».

Хочется закончить свое сообщение о поездке двумя словами. У сибирских стрелков мы почерпнули твердую уверенность в конечную нашу победу над немцем и эту уверенность привезли в Смоленск непоколебленной.

Смоленские Епархиальные Ведомости, 1916 г. №№4–5.

Из местной жизни

Из жизни духовной семинарии.

9 января, в понедельник в нашей семинарии началось второе полугодие учебного года. Занятия производятся с вызванными очередными классами — пятым, четвертым и первым; местом для занятий по-прежнему служат — квартира ректора семинарии, здание образцовой школы и больница, в каковых помещениях разместились все семь отделений этих классов. Пред началом занятий все прибывшие воспитанники и преподаватели, по особому приглашению, явились в семинарский храм и выслушали чин новогоднего молебного пения; молебен был предварен кратким словом приветия со стороны ректора семинарии.

— Молитвенно приветствуем вас, дорогие воспитанники, — сказал о. ректор, — <на> продолжении ваших учебных занятий в новом 1917 году. Одни из вас (5 класс) прибыли в семинарию после продолжительного, свыше двухмесячного отпуска, — после домашних занятий, отчет в которых дадите наставникам; другие явились после небольшого праздничного перерыва и запаслись силами для дальнейшей работы. Однако и тем, и другим придется заниматься при тех изменившихся условиях, при известных трудностях и неудобствах, кои вызваны тяжелой войной, что ведет наша Родина уже два с половиной года.

Предваряя новогодней молитвой наши занятия, предлагаю перенестись мыслию и воспоминанием к событиям только что закончившегося года. Тяжкий во многих отношениях год пережили все мы, это всем видно и ясно. Но все же мы должны быть благодарны Провидению; минувший 1916 год во многом был легче своего предшественника, — и прежде всего легче в самом основном, в самом важном военном отношении. Стоит только вспомнить, что было с нашей Родиной в тяжелые дни 1915 года. С самого его начала все мы пребывали в леденящем душу сознании, что у нас не хватает необходимого военного снабжения. Это скорбное сознание жило в нас даже при радостных вестях об успехах наших войск в Галиции, о падении вражеских крепостей. Но когда сделано было это открытие о недостатке у нас военного снаряжения — о чем отлично были осведомлены немцы — нужно было ждать колоссальной катастрофы, — она не замедлила. Несметные полчища врагов ринулись на пограничные Курляндию, Литву, Польшу, Холмщину, Вольнь и Белоруссию. Стремительно путем обхвата были захвачены врагом наши знаменитые крепости одна за другой; затем были им взяты наши окраинные столицы — Варшава, Вильна: дерзкий завоеватель докатился до западной Двины. Тревожных дней и ночей в августе 1915

года много пережили даже мы в древнем Смоленском крае, когда хлынула к нам стихийная волна беженцев. Только наступившая осень да геройское сопротивление наших отступавших армий, руководимых тогда Самим Державным Вождем, остановили это победное движение тевтонов и мадьяр. К нашим неудачам в те дни присоединилась измена славянскому делу болгар, наших братьев по вере и крови, спасенных когда-то нами от гибели. Затем последовало занятие врагами единокровных и единоверных нам Сербии и Черногории, этих двух независимых славянских держав, союзных с нами в этой мировой войне. Таков был в общем 1915 год.

Гораздо легче, и сравнивать нельзя, прошел 1916 год. Его начало было ознаменовано блестящими, прочными победами наших войск на Кавказском фронте со взятием важных городов и значительных крепостей; имя генерала Юденича с этих побед стало известно России и всему миру. Попытка натиска германцев под неприступным французским Верденом была сломлена французами и стоила немцам сотней тысяч жизней. В мае произошла величайшая из морских битв за всю историю человечества, и в этой мировой схватке гордая владычица морей союзная нам Англия еще раз утвердила свое господство на водах. В конце мая раздался громовой удар брусиловских армий; этим натиском русской военной мощи мы освободили всю землю Волинскую, завоевали всю Буковину и часть Галичины, взяв до полумиллиона пленных и огромное количество военных трофеев. Полным успехом увенчался и англо-французский натиск на Сомме. Словом, лето 1916 года было летом почти сплошных удач — самым счастливым летом в этой войне. Закончилось оно присоединением к державам согласия Румынии. Были, конечно, особенно в конце 1916 года, военные неудачи — в той же Румынии, но в войне, как в погоде, нет и не бывает сплошного безоблачного неба, непрерывных удач. И это подтвердилось новым успехом наших войск на Рижском фронте пред святыми днями праздника Рождества Христова. Во всяком случае, удручающего недостатка военного снабжения в 1916 году не было: необходимые запасы пополнены, производство оружия, снарядов и патронов во много раз возросло, как возросла и доставка их из-за границы.

Окинув мысленно минувший год, нельзя не придти к утешительному заключению, что 1916 год был годом подъема сил для России и ее союзников, он был годом естественного развертывания их боеспособности; неготовые к войне в 1915 году, мы с союзниками были готовы к успешным военным действиям к минувшему году. Вот почему 1916 год при всей своей тяжести в продовольственном отношении был тем счастливым годом, когда на Руси и у союзников наших точно свалился камень с сердца, просветлело на душе, когда весь мир воочию увидел, что державы согласия — Россия, Англия, Франция, Италия и Румыния

в состоянии не только догнать враждебные центральные державы в вооружениях, но и перегнать их. А в этом превосходстве техническом вместе с сохранением живой боевой силы по самой природе современной войны состоит весь секрет конечной победы. Это к концу 1916 года стало слишком очевидным для всех, и прежде всего для немцев, и они, не в состоянии осады, а сами осаждая других, среди победы (занятие Бухареста) вдруг заговорили о мире. Только сознание собственного бессилия обыкновенно диктует военным державам мир, а сознание силы повелительно подсказывает войну, войну до исчерпывающего результата, до полной победы над врагом.

К этому светлому концу мировой войны и ведет нашу Родину наступившее новое лето благости Божией, новый 1917 год; в это мы твердо верим и к этому устремлены наши помыслы, порывы и мольбы к Царю Царей, времена и лета в Своей власти положившему. С этой верой в лучшее, светлое будущее нашей Родины и приступим к нашим занятиям, забыв на время, что их придется вести с трудностями и неудобствами. С Богом, с молитвой, с усердием молодым за работу!

Смоленские Епархиальные Ведомости, 1917 г. №2.

Докладная записка

Общим собранием педагогов духовной школы г. Смоленска на собраниях 20 марта, 17, 19 и 21 апреля признана принципиально необходимость отделения образовательной православной школы от богословского училища, и теперешняя духовная семинария освобождена, таким образом, от двойственных целей, какие ставились ей уставом 84 года.

Особой комиссии, выделенной из среды педагогов, предложено высказаться о целях, средствах, конструкции и способах обеспечения богословского училища при новом строе государственной жизни в свободной России. Как член указанной комиссии, имею честь предложить на рассмотрение комиссии, а затем и общего собрания педагогов духовно-учебных заведений г. Смоленска свой проект устройства пастырского училища. Мною начертаны в нем лишь общие положения в схематическом виде без подробного их раскрытия. При его составлении я исходил из мысли о возможном отделении церкви от государства. Но при этом не нужно забывать величайшей культурно-исторической заслуги нашей Церкви и нашей духовной школы; почти 120-миллионный православный народ вместе с духовенством, делившим и радости и невзгоды народа, вправе рассчитывать и в будущем свободном строе на готовность государства всеми мерами поддерживать материально православную Церковь с ее культурно-просветительными учреждениями, к каковым следует отнести нашу духовную школу прежде всего. Таково мнение и Екатеринославского собрания духовенства и мирян (резолуции п.п. 2 и 3). Вот основания светлых упований, что кредиты на просветительные учреждения Церкви во всяком случае и при новом устройстве государственной жизни в России сокращены не будут.

Но, кроме этого, есть и иное основание. Как спроектированная нашим собранием православная средняя школа, так и пастырские училища — широко и гостеприимно откроют свои двери (п. 10) для всех слоев населения, и особенно для свободных граждан из крестьянства и духовенства. Получая своих питомцев из столь свежей и многообещающей среды, как наше крестьянство, духовная школа будущего должна явиться могучим фактором христианской культуры. При этом условии сами собой отпадают все страхи-опасения каких-либо враждебных отношений к ней со стороны государства: вера в здравый смысл, гражданскую зрелость и любовь православного народа к воспитавшей его в духе подлинного христианства православной Церкви — не дают места этим опасениям. Напротив, можно питать надежду, что при широком и своевременном опубликовании о всесословности духовной школы и при неизменном проведении этого принципа в жизни (а повсеместного и по-

следовательного этого принципа все же не было и после 1905 года) наша школа без питомцев не останется. Только на первых порах возможен некомплект пастырских училищ, так как детям духовенства, питомцам нынешней семинарии открыт широкий простор поступления в высшую государственную школу для подготовки к служению вне Церкви, а с другой стороны, в ближайшем будущем пастырство не на словах лишь, но на деле явится подвигом, может быть, даже близким к мученичеству, и мало посему найдется добровольцев на этот подвиг. Но Церковь и выявляла всегда свою внутреннюю красоту, все свое неземное обаяние в дни мученичества. Стоит поэтому начать живую работу над появлением скрытых в Церкви сил, кроющихся в ее глубинных истоках, как наше юношество, отзывчивое на все идеальное, святое, высокое, пойдет сознательно и охотно на тяжкий труд подготовки к тернистому пастырскому служению. На всякий же случай в качестве временной меры в пастырское училище открыт доступ (п. 11 прим.) и взрослым людям с образованием не ниже нынешнего духовного училища.

Пастырскую школу будущего, разумеется, необходимо связать с общей средней школой (7 и 8 лет обучения) и высшей духовной школой (3 года), и срок обучения в пастырском училище необходимо ставить в связи с решением этих вопросов. Одно можно сказать, что срок этот очень продолжительным быть не должен, 3–4 года достаточно; но он не может быть и очень кратким. Наше время повелительно требует, чтобы пастыри были просвещенные люди не только богословски, но и знали современное умонастроение и жизнепонимание общества. Только при этом условии они явятся подлинными руководителями пасомых. Главное, конечно, чтобы кандидаты священства выносили из училищ целостное христианское жизнепонимание и мировоззрение. Имеет всю важность вопрос о возрасте вступающих в пастырское училище. Принципиально можно сказать, что в него вступают лица, способные уже определить сознательное отношение к избираемому ими роду жизни и деятельности, лица, прошедшие общую среднюю школу.

Не указываю в проекте, какое число учебных часов потребно на преподавание отдельного предмета потому, что этот вопрос легче, лучше и вернее обсудить соборным умом в комиссии, состоящей преимущественно из преподавателей богословских предметов. В связи с этим вопросом я позволю себе высказать два существенных пожелания: а) пора Новому Завету, как первооснове христианства, дать доминирующее положение в пастырском училище, предоставив на изучение этого предмета число часов не меньшее, а большее, чем на Ветхий Завет (примерно на Новый Завет — 10, а на Ветхий Завет — 8 часов), и б) истории и обличению старообрядчества, как особой богословской науке, можно не отводить особого места среди предметов пастырского училища, так

как, видимо, близок час объединения единых по крови и духу православных людей и старого и нового обряда.

Предлагая проект на суд педагогов духовной школы г. Смоленска, я усерднейше просил бы отнестись к вопросу о подготовке пастырей Церкви со всем усердием и вниманием, какого заслуживает это насущное для родного Православия дело, и после вместе со своим заключением представить его на обсуждение как местного епархиального съезда духовенства и мирян, так и на суд Всероссийского съезда педагогов духовной школы как свободный, соборный голос смоленских педагогов, духовенства и мирян.

Ректор Смоленской духовной семинарии

Архимандрит Дамиан

4 апреля 1917 г.

Проект пастырских школ

1. В каждой епархии учреждается пастырское училище для всесторонней подготовки к пастырскому служению лиц, сознательно и добровольно определяющих себя к служению Православной Церкви.

2. Пастырские училища состоят в высшем ведении Св. Синода; от него они получают и утвержденный устав, и средства к содержанию из Государственного казначейства, пропорционально числу приходов в епархии, и во всяком случае обеспечивающие содержание личного состава и зданий училищ. Ближайшим же образом пастырское училище подчиняется органам епархиального управления во главе с епископом и при участии в нем членов Педагогического Совета училища; дополнительные средства на содержание студентов училища дает епархия.

3. Непосредственное заведование учебно-воспитательным делом в пастырских училищах выполняет Педагогический Совет, состоящий из всех преподавателей училища и представителей епархии (последние избираются епархиальным съездом в числе двух от духовенства и двух светских лиц — от мирян). Педагогический Совет возглавляет избранный Ректор.

4. Все текущие дела окончательно решаются и проводятся в исполнение при согласном их решении в Совете. Дела, касающиеся общего строя, возбуждающие разногласия между членами, представляются на утверждение епископа. При несогласии его с постановлением Совета дело направляется снова в Совет училища для пересмотра. Если и после этого не последует согласие, то дело передается органу епархиального управления (совету пресвитеров) при участии членов Совета училища и здесь или получает окончательное решение, или направляется в Синод.

5. Для решения хозяйственных дел и нужд при училище существует Хозяйственный Комитет, избранный из четырех членов — два от преподавателей (из них один — ректор), один член, избранный от духо-

венства, и один от мирян. Для ведения хозяйственных дел училища должен быть эконо́м.

6. Ректор избирается Советом училища из лиц с высшим богословским образованием, известный своею пастырскою и административною опытностью и состоящий в сане архимандрита или протоиерея. Избрание его утверждается Св. Синодом. Ректор имеет не более шести уроков.

7. Преподаватели училища избираются Педагогическим Советом училища из лиц духовных и светских с высшим богословским образованием (не менее половины их должны быть лица священного сана). Преподаватели являются воспитателями на отдельный класс. Наставники-воспитатели живут на квартирах при училище. Преподаватели утверждаются в должности Св. Синодом.

8. Преподаватели училища получают оклады содержания не ниже преподавателей средне-учебных заведений министерских, получают прибавки, пенсии по выслуге лет. Служба преподавателей государственная, церковная.

9 Духовные лица, состоящие преподавателями училища, сторонних обязанностей не несут и должны быть приписаны к училищному храму. Светские преподаватели также свободны от посторонних занятий, а для этого должны быть достаточно обеспечены.

10. В училище принимаются лица с законченным средним образованием (гимназия, православная средняя школа, реальное училище) всех сословий в возрасте от 18 до 40 лет, именуются студентами.

11. Окончившие пастырское училище имеют права на пресвитерство и поступление в духовные трехгодичные академии. При недостатке пастырской склонности свободны по окончании училища от принятия священства, но возвращают епархии суммы, израсходованные на их содержание во время обучения. Обучение и содержание для студентов бесплатное. Содержание их производится из сумм государственных и епархиальных.

Примечание. Взрослые (в сане диакона) по экзамену принимаются из окончивших высшее начальное училище и по окончании курса выходят только с правом на священство. (Мера временная).

12. Учащиеся обучаются два года и проживают в общежитии. Общежитие устраивается по примеру академических, комната на 3–6 студентов. Студенты имеют право жить на частных квартирах, получая стипендии.

13. Обучение и воспитание неразрывны и определяются задачами и потребностями идеального пастырского призвания и исполнения высоких обязанностей душепопечения, учительства и священнослужения, а для достижения этих целей необходимы сострадательная любовь, глубокая вера, молитвенная настроенность, готовность удовлетворять не только духовным запросам народа, но и оказывать посильную помощь в его житейских нуждах.

14. Вспомогательными средствами для достижения пастырских задач служат: посещение святых мест, участие в благотворительных и просветительных учреждениях, ведение религиозно-нравственных бесед, посещение больниц и мест тюремных заключений и сектантских собраний.

15. Пастырское училище является религиозно-просветительным центром. Оно имеет свой храм, в котором совершается возможно частое богослужение (очередное посещение), а в воскресные и праздничные дни совершается богослужение при пении хора из учащихся. Учащиеся соблюдают установленные посты, говеют два раза в год. День начинается и заканчивается общею молитвою. Духовник приглашается из лиц монашествующих или белого духовенства.

16. Обучение в школах имеет целью не одно сообщение знаний, но и выработку в учащихся целостного христианского мировоззрения. Учащимся необходимо сближение с обществом для познания его духовных нужд и запросов, знание текущей действительности — литературы, печати и общественных движений и религиозных сектантских.

17. В училище бывает ежедневно не более пяти уроков по 50 минут каждый. Характер преподавания смешанный — лекционный, урочный. Классные занятия состоят в обучении, писании сочинений, чтении рефератов, составлении поучений и внебогослужебных бесед. Для самообразования воспитанников существует библиотека и читальня. Дважды в году бывают репетиции — в декабре и в конце учебного года.

18. Балловой системы при проверке знаний у студентов нет; существуют только отметки — удовлетворительно, весьма удовлетворительно и неудовлетворительно. Поведение студентов отмечается характеристикой.

19. Обязательные предметы, преподаваемые в училище, следующие:

- 1) Библейская история со сведениями о книгах Ветхого Завета — 8 уроков;
- 2) Новый Завет — 10 уроков;
- 3) Общая церковная история — 5 уроков;
- 4) Русская церковная история с историей старообрядчества — 5 уроков;
- 5) Основное богословие — 4 урока;
- 6) Догматическое и сравнительное богословие — 6 уроков;
- 7) Нравственное богословие с аскетикой — 4 урока;
- 8) Церковное право — 2 урока;
- 9) Литургия — 2 урока;
- 10) Патристика с учением о пастырстве — 2 урока;
- 11) Церковная археология и история искусств — 2 урока;
- 12) Учение о проповедничестве (гомилетика) — 3 урока;
- 13) Церковное пение — 2 урока (практически);
- 14) Дидактика — 2 урока;

15) Сектоведение — 3 урока.

Во внеклассное время желательно ввести ознакомление студентов с

а) новейшей русской литературой;

б) новейшей русской историей;

в) основами государственного права и учением социализма.

Необязательные предметы в училище — иконописание, пчеловодство, гигиена и рациональное ведение сельского хозяйства; гигиену преподает училищный врач.

Ректор Смоленской духовной семинарии Архимандрит Дамиан

Смоленские Епархиальные Ведомости, 1917 г. №9.

Религиозная революция

(Слово, сказанное в семинарской церкви в Неделю 23-ю по Пятидесятнице).

Весной этого года старый строй разрушен. Свобода русским народом приобретена и широко применяется вот уже восемь месяцев. Права получены и осуществляются во всей полноте. Земля предназначена трудящемуся на ней народу. Труд справедливо распределен и щедро вознаграждается. Что же дальше? Значит, уже все получено и все достигнуто? Желать уже больше нечего и бороться не с чем и не с кем?

Нет, борьбе еще не конец. Борьба в самом разгаре. В исполинское тело России вошел легион бесов, он крутит и мутит все на необъятном просторе Руси. Как во дни Спасителя после исцеления гадаринского бесноватого легион бесов вошел в стадо неразумных, нечистых животных и поверг его с крутизны в морскую пучину, — так и наша родина катастрофически идет к гибели. Столицы России в руках самозваной власти. Армия наша вместо защиты границ России от жестокого врага раскололась на две враждующих половины и занята кровопролитной междоусобной бойней, бойней позорной и бессмысленной. Государственное наше достояние величественный Зимний Дворец в Петрограде наполовину разрушен орудиями с русского крейсера «Аврора». У исторических стен этого Дворца погиб цвет русской молодежи — юнкера и ударный женский батальон — от русских же выстрелов.

Итак — борьба идет, борьба еще в разгаре, и не в Петрограде только. Кроме этих ужасов, русским революционерам предстоит еще одна борьба, самая ужасная — нашим социальным деятелям остается свергнуть еще одно господство, добиться еще одной свободы, обеспечить еще одно право. Предстоит еще религиозная революция — остается свергнуть строителям новой русской жизни владычество Божие, освободиться от веры и Церкви, приобрести право каждому быть своим богом.

Не страх служителя алтаря Христова заставляет говорить об этой революции, — страх ни на чем не основанный, — это самая грозная, вот-вот грядущая действительность. Прислушайтесь к суждениям свободных русских граждан. «Религия — частное дело каждого», — читаем в большинстве программ. «Каждый совершеннолетний может объявить себя не принадлежащим ни к какой вере». Это первые, умеренные, но громовые раскаты наступающей религиозной грозы. Более резкими и близкими ударами раздаются митинговые выкрики: «Долой веру», «долой Бога», «долой Церковь». Уже завивает вихрь полного отделения Церкви от государства, уже изгоняют по местам закон Божий из школы. Не за горами

уже, пожалуй, и насильственное устранение религии из жизни народа, Бога — из души народной.

В обновляемой России новыми деятелями православная вера — это сокровище из сокровищ — низводится в ряд всех прочих верований, не исключая заведомо ложных. Православие — это единственно подлинное христианство, чистейший перл евангельской и святоотеческой веры, после осторожного удаления от него нечистых человеческих приражений способно дивно сиять и поразить мир красотой и совершенством. Православная вера, использованная на Руси поверхностно, дала уже нашему народу драгоценный плод: общую чуткость русскую к правде высшей и способность проникаться лучшими идеалистическими настроениями. Великодушие к врагам, терпимость к иным верованиям, желание всем добра, христианское терпение в скорбях личных и общенародных, отзывчивость даже на утопические предприятия, когда они предлагаются под знаменем добра и правды — все это плоды векового влияния на нас православной веры. И теперь, в эти грустные дни, эту веру во имя ложно понятой религиозной свободы хотят унижить и поставить в одном ряду с грубым язычеством или изуверными сектами. Но ведь это же значит — бросить драгоценный алмаз в груды булыжника. При всей свободе совести надо же нашим революционерам, надо же и государству делать различие между истиной и ложью, между совершенством и ничтожеством. Вот какова религиозная революция в своем учении.

За словами и модными выкриками следуют и соответствующие поступки. В Киеве — матери городов русских — еще в первые месяцы революции осквернены и поруганы честные останки угодников Божиих. В Москве — сердце православной Руси — в совсем недавние дни два русских гражданина в серых защитного цвета шинелях сдирают облачения с честных мощей святителя Ермогена. И только крик женщин да помощь мастеровых иконописцев остановили это злое дело. Находятся люди, и даже из среды служителей церкви, у которых в пылу желаний сорвать дешевый успех язык поворачивается сказать: нужно взять церковное золото, сорвать со святых икон и Евангелий оклады, содрать драгоценные камни и все это бросить богу войны, вместо того, чтобы соблюсти эти дорогие памятники благочестивой русской старины и в неприкосновенности передать последующим векам для назидания и духовного услаждения.

Революция против Бога, религиозная революция — это не новость в истории, это явление не последних только дней, оно старо, как сам наш грешный мир. Только в наше время этот старый грех богоборчества выдвигается на первую очередь, гордо поднимает голову, предназначается к точному и неуклонному исполнению. И безбожный человек собирается показать себя во всей своей отвратительной, демонической силе. Первыми религиозными революционерами были наши грешные

прародители — Адам и Ева, еще на светлой заре человеческой жизни они захотели, побуждаемые злым духом, свергнуть Божие владычество, получить свободу от воли своего Творца и стать во всем равными Ему богами. И эти первые революционеры, всем нам хорошо известно, были изгнаны из рая сладости в этот мир скорбей и страданий. Не удалась и вторая религиозная революция: строители Вавилонской башни не стали понимать друг друга, и их гордая затея рушилась. С тех пор грешный мир нам дал много борцов против Самого Господа Бога; они на протяжении ряда веков сами жили безбожно и бесчестно, разрушали чистую веру в других, ставили свою человеческую или народную личность выше всего и в собственном мнении, и в мировой жизни. Такова гордыня нынешнего нашего врага — германцев, которые давно объявили: «Германия выше всего».

Обращаясь к грядущей русской религиозной революции, лучшие люди признают, что она ужасна по своим последствиям и будет последней религиозной революцией. Кажется, нет в мире ни одного народа, столь прямолинейного и инертного, как наш русский народ. Он, как сказочный богатырь, сиднем сидит 33 года; он до последней возможности любит уклоняться от дела по своей беспечальности и неподвижности. Но если уже возьмется за дело, то, как народный богатырь Илья, доводит дело до самого последнего конца. Для него уж если свобода, то свобода до последней, нелепой крайности, и немудрено, что русская религиозная революция будет последней. Ее осуществление будет означать конец мира и гибель всего, стоящего на ее пути. Спасайте себя от этой гибели, пока не поздно. Будьте верными до конца и Богу, и вере христианской, и Матери Церкви православной!

Смоленские Епархиальные Ведомости, 1917 г. №25.

Наши надежды и молитвы¹

Божиим изволением и Божией милостью водворяющийся в нашем отечестве новый государственный строй жизни должен утвердиться на основах свободы, равенства и братства. Эти святыя начала провозглашаются ныне всеми партиями; они радовали русские сердца с конца памятных февральских дней и, как какое-то новое откровение, объединяли русских людей. Но это — совсем не новые начала.

Эти великие основы жизни народов и государств впервые провозглашены и возведены миру Христом Спасителем; свободы, равенства и братства не знал мир языческий, дохристианский. Нашему умственному взору представляется, что со времени Христа — почти две тысячи лет человеческая жизнь могла пойти этим спасовым путем желанной всеобщей свободы, справедливого всеобщего равенства, сердечного христианского братства. Однако жизнь христианских народов не пошла этим спасительным путем. Нынешняя кровопролитнейшая всемирная война между просвещенными христианскими державами для всех очевидно повергла в прах эти святыя, зиждительные начала.

Успеху свободы, равенства и братства мало помогала сильная проповедь первых глашатаев христианства — святых апостолов и богомудрых отцов Церкви; грешный мир не внял в достаточной мере их проповеди. Тогда за проведение в жизнь народов свободы, равенства и братства взялись люди светские, мирские. Ученые и философы пытались путем устного и печатного слова теоретически на основании исторических данных доказать человечеству всю благотворность этих основ жизни. Но и это не помогло. Выступили, наконец, на борьбу за свободу смелые, энергичные друзья народа; эти выступили на практический путь. Они убеждали путем внешней силы ввести эти начала в жизнь, не останавливаясь пред властью, пред могуществом сильных мира. Так появились в христианской Европе и за океаном революции и революционеры, социалисты и демократические союзы, республиканцы и республики. Но и они при всех усилиях не добились осуществления этих начал. И в настоящее время нельзя нигде в мире указать страны, где люди пользовались бы полной свободой, достигли всеобщего равенства и братства.

В чем же причина бесплодности этих вековых усилий человечества водворить свободу, равенство и братство? Почему ни пастыри, ни миряне, ни ученые, ни друзья человечества не могут объединить всех людей возле этих дивных и святых начал? Главная причина в том, что

¹ Произнесено пред молебном 28 ноября 1917 г. в Смоленском Кафедральном Соборе. О совершении торжественного богослужения накануне еще была направлена просьба городского Управления к причту Собора.

люди понимают и принимают свободу, равенство и братство совсем не в том глубоком смысле, в каком возвестил их Христос. Христианская свобода не есть свобода человека от господства над человеком власти, силы и материального достатка; свобода, Христом возведенная, это — свобода внутренняя, духовная; ее сущность в добровольном самоограничении себя ради ближнего, она в истоках своих покоится на любви и правде. Равным образом и христианское равенство не есть лишь равенство всех граждан перед законом, когда все граждане пользуются одинаковыми правами и преимуществами. Оно есть внутреннее, духовное равенство, когда душа каждого проникается сознанием, что и по природе, и по предназначению все люди действительно равны и полноправны, как созданные Богом и искупленные Спасителем, предназначенные к вечной жизни, где нет ни эллина, ни иудея, ни раба, ни господина, ни мужчины, ни женщины,² — где нет никаких условных человеческих перегородок — национальных, сословных, имущественных и служебных; ибо все одно во Христе Иисусе. И это христианское равенство покоится на высочайшей вершине духа и покоится на любви же и правде. Наконец, и братство политическое, к которому стремятся так люди, является односторонним и нежизненным без братства христианского. Ведь братство требует душевного подъема, теплоты чувства, живого сознания природной родственности. А надежную почву такого братства в силах дать только братство христианское, утверждающееся на самоотверженной любви, готовой все отдать за братьев своих, даже жизнь свою положить за други своя. Только такое братство прочно и достойно своего названия. А братство мирское, политическое, спускающееся иногда до случайного братания с явными врагами, непрочное и недолговечно. Такие братья сегодня братья, а завтра станут беспощадно расстреливать друг друга.

Вторая и важнейшая причина бесплодности вековых усилий человечества водворить свободу, равенство и братство в том, что человечество забыт был первый виновник этих святых начал истинной свободы, справедливого равенства и всеобщего братства — забыт был Христос Спаситель. Человек сам, без Христа, одними своими усилиями хотел построить жизнь на этих христианских началах. Гордый человек в ослеплении своими успехами забыл слово Христово «без Мене не можете творить ничесоже»,³ забыл и другое слово Христово «Аще Сын (человеческий) свободит вы, воистину свободни будете».⁴ Человек ото-

² «... все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; ни раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Галл. 3.27–28).

³ «Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15.5).

⁴ «...если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин. 8.36).

шел в сторону от Бога и не хотел знать вечного определения Божия: «Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии».⁵

В этом забвении Бога повинны и наши русские строители новой жизни, когда с февральского государственного переворота пред ними стала во весь свой исполинский рост задача осуществить и провести эти святые начала в жизнь нашей великой родины. Они ни разу не призывали достопоклоняемого имени Божия в своих многочисленных постановлениях и резолюциях, ни одного своего государственного акта не освятили общей церковной молитвой — молитвой любви и единения. Мало того. Когда представители Церкви просили первых вождей переворота дать им возможность всенародно оплакать, единодушно помолиться на гробах первых мучеников переворота, им в этом было отказано. Они отнеслись с явным недоверием к этому открытому проявлению христианской скорби; они не хотели верить, что люди веры и Церкви приветствовали совершившийся государственный переворот, освободивший Православную Церковь от двухвекового над ней гнета так называемого цезаропапизма. Люди веры и церкви на заре революции, в первые светлые ее дни надеялись, что долго и пламенножданная на Руси свобода не даст у нас ни насилий, ни грабежей, ни взаимной злобы. Они рассчитывали, что русская революция, не в пример прочим переворотам у других народов, будет бескровной революцией, будет мирной эволюцией, спасительным шагом вперед, могучим сдвигом в проведении начал свободы, равенства и братства, они верили, что на святой Руси будет применяться и осуществляться в громадном масштабе тот идеальный христианский социализм, о котором просто и красочно говорил первый христианский историк святой апостол Лука в книге Деяний про первохристианскую общину. Вопреки этим светлым надеждам, разыгравшиеся события показали иное. Но Церковь православная все же, несмотря на общий развал, продолжала с верными молиться о победе над внешним врагом, об укреплении христоролюбивого воинства, о мире и единении в отчизне, о прекращении праведно движимого гнева Божия.

И слава Богу. Этим словом предварим нашу молитву в день открытия Учредительного Собрания. Слава Богу. Печальное забвение Бога, видимо, проходит. Навейный отвлеченными теориями туман, стоивший уже нашей родине бесчисленных кровавых жертв, начинает понемногу рассеиваться. Избранные по нашему городу строители новой жизни по собственному почину, впервые за эти восемь месяцев явились в Божий храм, в этот освященный вековым горением молитвенного духа старый Успенский Собор — на общую молитву в нынешний день. Хочется верить, что восходит, наконец, солнце правды Божией, веры и молитвы на

Руси. Мы — служители веры — не скрываем своей радости при общей молитве, которую мы так долго ждали. Мы сретаем⁶ вас здесь с широким открытым русским сердцем и верим, что нынешнее появление в храме наших братьев по вере и крови — русских социалистов, революционеров, демократов — показатель искреннего обращения их к временно забытому Христу и Его святым заветам. Мы пламенно хотим верить, что день открытия русского Учредительного Собрания будет подлинно всенародным праздником, светлым днем на Руси, подобно дню пасхальному, когда, по выражению церковного песнопения, все мы «просветимся торжеством, радостию друг друга обыдем, рцем (друг другу) братия и ненавидящим нас вся простим». Да будет же благословение Божие над русским Учредительным Собранием. Молим Всевышнего, да поведет оно нас по пути государственного строительства на Христовых началах истинной свободы, равенства и братства.

Смоленские Епархиальные Ведомости, 1917 г. №28.

⁵ «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его» (Пс. 126.1).

⁶ «Встречаем» (церковно-славянск.)

Правда социализма¹

Великие бедствия постигли Родину нашу. Страдает с ней и Церковь православная в наши мрачные, судные дни. Церковь снова гонима, если не так, как в первые времена своего существования, то все же она страдает. На ее материнский зов уже немногие верующие отзываются с прежней покорностью, ее уставы слабо соблюдаются; над служителями Церкви открыто издеваются, считают их ненужными лишними людьми, — над простецами в вере смеются. Против Церкви воздвигают ныне особый вид нового гонения; против нее вооружают умы и сердца, особенно подрастающего поколения, нашего юношества, — вселяют враждебные к Церкви настроения среди малосознательной массы солдат и рабочих. Много усилий направлено на то, чтобы изгнать из школы Закон Божий.

Все это движение против Церкви, весь этот современный поход против нее ведется под знаменем свободы совести и имеет в наши смутные дни большой успех. Это движение хуже и опаснее открытого гонения на христианство, которое было на заре христианства. Тогда мученичество за веру показывало всю силу, всю красоту христианского духа, — теперь, по-видимому, нет поводов для мученичества, нет открытого гонения на церковных христиан, они не лишены свободы веровать, как им угодно. Но в результате нынешнее противоцерковное движение грозит массовым отпадением от Церкви, равнодушием к ее уставам и жизни, а, в конце концов, полным безверием и открытым безбожием.

Корень и источник, откуда идут эти противоцерковные настроения — это социальные учения различных оттенков. Социалистическое движение растет у нас с каждым днем, приобретая все больше сторон-

¹ Профессор А. Бронзов в «Христианском чтении» за май-июнь 1911 года опубликовал статью «Против социализма». Скорее всего, архимандрит Дамиан был знаком с этой публикацией. С 1909–1910 учебного года в духовных семинариях был введен новый предмет «Обличение основ социализма». Профессор В. Экземплярский одной из причин введения этого предмета в курс обучения назвал нескрываемую враждебность адептов социализма к религии и Церкви. Программа преподавания «обличения социализма» была разработана синодальным миссионером И. Г. Айвазовым и издана под редакцией архиепископа Волынского Антония (Храповицкого). Периодически в церковной прессе можно было увидеть списки антисоциалистической литературы. Последний такой список был опубликован в прибавлении к «Церковным Ведомостям» за 1918 год. (№19–20). По словам современного историка профессора С. Л. Фирсова, «религиозная критика социализма, осуществлявшаяся в начале прошлого столетия Православной Российской Церковью, несмотря на ее практическую безрезультатность, оказалась исторически оправданной». — Фирсов С.Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. — СПб., 2007. 3 264с. — С. 196–222.

ников в среде народной. Успех социализма зависит, прежде всего, конечно, от того, что он обещает народу мир, землю и волю. Но и помимо этой доступной всякому притягательной силы, есть в социализме много правды, поскольку она заимствована им из христианства, от Церкви, хранительницы Христова учения. Ведь эти святые слова — любовь, свобода, равенство, братство, всеобщий мир народов — впервые открыты не социалистами, а громко провозглашены Христом-Спасителем. Мир языческий до Его пришествия не знал этих святых начал жизни. Но правда и жизненность социализма в том, что он обещает осуществить эти начала в человеческом обществе. Он говорит, что социалисты — это тот первый сын у отца, о котором говорится в Евангелии (Мф. 21.28–31).² На зов отца — работать в винограднике его — этот сын сказал в ответ: не хочу, а после, раскаявшись, пошел. Так и мы, социалисты — взяли на себя труд осуществить завет любви Христовой в человеческом обществе, — мы взяли на себя забытую христианами заботу о всех трудящихся и обремененных (Мф. 11.28).³ А церковные христиане, говорят нам социалисты, это второй сын отца, который на просьбу отца идти работать в винограднике ответил: иду, государь; и не пошел. В этом утверждении социалистов много самообольщения и самоуверенности, но много и правды — правды горькой для христиан, не сумевших водворить царства Божия на земле, хотя и взявших на себя эту великую задачу. В этом следует признаться открыто, ибо только устами мы произносим в молитве Господней: «Отче наш... да придет царствие Твое». Но немного сделано для воцарения любви и правды Христовой на земле.

Отсюда вся сила социализма — в нашем забвении и в нашем неисполнении жизненной правды Христова учения. Социализм смело взял эту правду Христову от Церкви, объявил ее своею собственностью и обещает осуществить ее в жизни. В этом его сила, в этом кроется причина его временного, головокружительного успеха. Но при всей своей силе и правде социализм враждебен религии, идет против Христа и Его Церкви, — так как ставит целью всех своих усилий исключительно земное благополучие человека, считает «земной рай» важнее нравственного усовершенствования личности и внешние материальные блага предпочитает благам духовным, вечным. С этой стороны социализм походит на то первое искушение Христа в пустыне, коим искушал Его диавол. Социализм все силы свои направляет к идеалам и потребностям — довольства и сытости: в «земном раю» социализма не будет, обещают социалисты, ни голодных, ни недовольных при всеобщем равенстве людей. Но в этом самообольщении социализма, в этой его чрезмерной самоуверенности и

² Притча о двух сыновьях.

³ «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11.28).

слабости — роковое заблуждение его. Социализм забыл в ослеплении своим чудодейственным могуществом — забыл вечную правду ответа Христова искустителю: «не хлебом единым живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4.4), и потому он не может быть долговечным, а успех социализма прочным и длительным.

Взяв чистую правду Христова учения, социализм, как видим, только подражает ей, подменяет ее иным содержанием, ставит себе задачи и цели, далекие от Христовых. Самые пути и средства, которыми он стремится достигнуть земного рая, не могут быть приняты и одобрены верующим христианином. Эти пути — захват имущества богатых, при помощи даже внешнего насилия, классовая и сословная борьба с неизбежными ее спутниками: завистью, враждой и местью — совсем далеки от заветов кроткого и смиренного духом Христа — о непротивлении злу, о смирении, кротости, истинной любви и милосердии.

При всем этом коренном различии с христианством в целях и средствах социализм соблазном правды Христовой, своей подделкой под христианство привлекает множество последователей среди верующих, поднимает в народе враждебную против Церкви Христовой волну, и неизвестно еще, как высоко поднимается эта опасная, грозная волна. Социализм подобен ревностному Савлу, который, «дыша угрозами и убийствами на учеников Господа» — христиан (Деян. 9.1), имел поразительный успех в Иерусалиме и за этим же успехом направился в Дамаск. Но на пути был «застигнут» Христом и из гонителя Савла стал верующим, великим Павлом, пред которым преклоняется христианский мир. Подобным образом и нынешний грозный социализм может быть и, верим, будет побежден появлением светоносного Лица Христова в нашей мысли и в нашей жизни. Путь же к этому один — исполнение верующими забытой правды Христовой, устройство жизни по заповедям Евангелия, общая всего верного народа молитва и общее же всенародное покаяние, объединение вокруг церквей и алтарей, — только отсюда — от Христа и Его Церкви придет спасение России.

Смоленские Епархиальные Ведомости, 1918 г. №№3–4.

Речь архимандрита Дамиана при наречении во Епископа Переславского

Богомудрые Архипастыри!

Благословением Святейшего Патриарха и Священного Синода Православной Русской

Церкви согласно избранию первосвятителя церкви Владимирской призываюсь я недостойный на высшее служение в сане Епископа. Отныне на высокие возводит меня Господь. Но эта высота слишком обязывает. Отныне свет от жизни, свет от добрых дел моих должен светить большему кругу лиц, вверяемых моему духовному водительству. Отныне постоянно при служении буду внимать я небесному Христову призыву: тако да просветится свет твой пред человеки, яко да видят добрая дела твоя, и прославят Отца нашего, иже есть на небесех...

Призвание моё к епископскому служению совершилось в великие дни Страстной и Светлой седмиц. Эти святые дни были, как и весь предшествующий год, тревожными, тяжёлыми днями для нашей Церкви и Родины. Призвание к епископскому служению явилось для меня в эти дни полной неожиданностью. Могу сказать, оно застигло меня врасплох, совершенно неподготовленным к нему, именно, в эти дни. Случайным гостем оказался я в древнем Владимире у любвеобильного Архипастыря, с коим весьма нередко и в былые годы сретал и проводил страстные и светлые дни в общении молитвы, мира, любви и радости духовной. И вот в нынешний великий четверток после Службы в Кафедральном соборе я впервые узнал о назначении меня в древний Переславль-Залесский. Так судил о мне Господь. Усмотрел я в этом — определение Божественного Промысла, твёрдо памятуя, что от Господа исправляются пути человека (Пс. 46, 23).

С чувством священного трепета, душевного умиления и спокойной радости принял я эту весть. В этот священный момент жизни, в момент исключительный, неповторяемый, при мысли о высоте, святости и трудностях епископского служения никто из земнородных не может не вострепетать и не содрогнуться. Трепетом исполнилась и моя душа. Разумеется, не мог я рассчитывать на свои слабые человеческие силы; у меня больше немощей, чем этих сил. Для меня оставалась одна надежда на помощь Божию, на содействующие молитвы верующего православного народа. Своё упование возлагал я и на силу ваших святительских молитв, изводящих спасительную благодать, немощная врачующую,

оскудевающее восполняющую. К этому и были направлены мои мысли и чаяния тем легче и удобнее, что в эту сторону они направлялись у меня издавна ещё со времени моего иноческого пострижения. Мне всегда были памяты, для меня были постоянным жизненным правилом слова псалмопевца: «Бог мой — скала моя, на Него уповаю». (Пс. 17, 3). Слова эти привёл мне в 1904 году нынешний Митрополит Владимирский, тогда ещё ректор духовной академии, при пострижении в монашество.

Священный трепет и умиление поддерживаются и питаются по мне в эти дни ещё той мыслью, что добрую весть получил я в тот день, когда вспоминается установление святейшего таинства Причащения, этой основы и опоры всего нашего архипастырского и пастырского делания на земле; весть эту я принял после обряда омовения ног, в коем сказала вся любовь и смирение Христово, Его спасительное единение с учениками — основа и залог победы Христовой любви над началами мира сего, торжества христианства в поднебесной, как и отмечено это в одном ирмосе — «союзом любви связуем апостоли,.. благовествоваху **всем** мир». Умиление и священный трепет поддерживались во мне и за вечерним богослужением великого четверга. Внимая апостольской повести 12 евангелии о страданиях Христа Спасителя за грешный мир, переживая мысленно Его первосвященнический голгофский подвиг, я невольно представлял себе, что и архиерейское служение на земле, особенно в наши предательские голгофские дни, полно скорбей, лишений и страданий. Для меня слишком было очевидно, как тяжёл этот изящный, красиво драпирующийся святительский омофор, который завтра покроет и мои рамена; я видел, что он соткан не из дорогих тканей, а из безмерных испытаний.

В эти дни мне не чуждо было, святители Христовы, и спокойное чувство радости духовной. Это было именно чистое, спокойное чувство; радости чрезмерной, беспокойной и не могло быть у человека моего возраста, когда прожито более половины того срока, какой определён человеку у псалмопевца. Радостное настроение поддерживалось во мне и радостным содержанием пасхальных песнопений, что слушал я при служениях в сём храме и историческом Успенском соборе г. Владимира. Радовала меня и мысль, что епископское служение Бог судил мне проводить в стране истоиво-православной, где одно множество храмов и обителей говорит о нерастраченном ещё усердии, о чистоте веры и теплоте молитв обитателей её; радуюсь, что служение моё будет проходить в том уголке России, который может быть назван предпочтительно «святой Русью». Особенно же меня радует, что в своём новом, ответственном делании — я не буду одинок; моё служение отныне будет проходить под руководством и любвеобильным оком мудрого святителя, которого я навек люблю и ценить неизменно с академической скамьи.

Вот мои переживания за эти неповторяемые дни. Трепет пересиливает во мне радостные настроения: слишком уж тяжки, мрачны и ответственны для архиерея переживаемые дни. Теперь мы, может быть, достигли крайней степени напряжения общецерковных и общенародных испытаний, мы, так сказать, в зените страданий. Трепетный и смущённый несу в сей нареченный и святы́й день к вам, святители Божии, раздаятели всемогущей благодати всесвятого Духа, несу свой крепкий молитвенный вопль: помолитесь обо мне недостойном, да покажет меня Господь во все дни жизни моей быть образом для верующих «словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою» (1 Тим. 4, 12), не ослабевая до последнего моего издыхания в святой ревности о спасении драгоценных душ человеческих.

1918 г. 28 апреля, г. Владимир.

Письмо епископа Дамиана сестре

Все еще из уз губернских приветствую тебя, милая сестра, с днем ангела и приношу тебе добрые пожелания. Призываю на тебя Божие благословение и молю Его благодать. Да укрепит тебя Господь и да подаст тебе душевное спокойствие, как ни тяжело, как ни скорбны узы мои, но приближается и им конец. Мои ходатаи добились, наконец, что ВЦИК заменил бессрочное состояние — срочным пятилетием. Это первый и верный шаг к свободе. Теперь может иметь значение и ходатайство о моем досрочном освобождении. На нем настаивают и Красиков, и Шпицберг — это деятели по отделению церкви от государства. Этот же совет дал и секретарь ВЦИК. И здесь, на месте, во Владимире, идет ходатайство о досрочном освобождении. Теперь Трибуналу уже незачем ссылаться, что дело в Центре. Центр свое сказал и прибавил еще, что досрочно Трибунал мог освободить и минуя Центр, не ожидая, когда вернется дело.

Настойчивость Ади (Андриана¹ — примечание первых публикаторов документа), его пребывание в Москве около праздника Вознесения дали тот результат, что дело вышло из канцелярии ЦИК (от 17 июня №15, заменено 5 годами) и Центркарототдел согласился с мнением Владимира. О моем досрочном освобождении постановление его нашли правильным и законным. После досрочного освобождения должны применить и Октябрьскую амнистию.

От Ади еще не имею вестей после его отъезда. Он произвел на меня хорошее впечатление, одет чисто, на лицо здоров и весел. Дух у него бодр. Проживает он все-таки в Даниловом монастыре и охраняет он честное свое добро.

В Курске во главе офицерских курсов стоит ныне ...нкин (фамилия неразборчива — примечание первых публикаторов документа). Это сын соборного протоиерея г. Мурома. Из Промакадемистов, сидел одно время здесь, в тюрьме, а теперь, говорили, попал в Москву в заключение. Человек живой, энергичный, церковный. Полезно было бы Мише познакомиться с его сыном. Буду хлопотать, чтобы мне разрешили свидание. А я очень хочу и болею за храмовое богослужение.

Привет и благословение от меня Мише, сестре Соне и всем род-

ным. Пусть Миша сходит на кладбище и отнесет мой привет и поклон сыновей и братьев отцу, брату. Целую вас.

Дамиан, епископ Переяславский
13/26 июня, воскресенье
1921 г.

Архив УФСБ по Владимирской области. Архивно-уголовное дело №П-6401. Л. 19. // Публикуется по книге В. Г. Карнаевича и священника Владислава Реутова «Новомученики и исповедники земли Курской».

Доклад Временному Высшему Церковному Совету члена оногo, управляющего Владимирской епархией епископа Переславского Дамиана (Воскресенского), о результатах своей поездки в Нижний Новгород к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) по вопросу о возникновении в Москве ВВЦС¹

В Высший Церковный Совет
управляющего Владимирской епархией Дамиана,
епископа Переславского

Доклад

Исполняя срочное поручение от Высшего Церковного Совета, утром 10/23 января я прибыл в г. Нижний Новгород к митрополиту Сергию с выражением почтительной братской любви от входящих в состав Высшего Церковного Совета иерархов.

Ему я вручил выработанное на собрании Высшего Церковного Совета письмо архиепископа Григория (Яцковского), подлинный Наказ и послание православных епископов, находящихся в Москве, ко всем чадам Святой Русской Церкви. При этом я ознакомил митрополита Сергия в присутствии Дионисия (Прозоровского), епископа Челябинского и Алексия (Готовцева), епископа Серпуховского, с двумя собраниями от 9/22 декабря 1925 г. и от 9/22 января с.г. членов Высшего Церковного Совета.

Свою беседу в Нижнем с этими иерархами я предварил просьбой отнестись к моим словам с той доверчивостью и любовью, союзом коей должны быть связуемы апостолы Христовы.

На Апостольском Соборе ученики Христовы чужды были соперничества и далеки от вопроса, кому быть первыми. И председательствовал на нем апостол от семидесяти, несмотря на то что на нем присутство-

¹ Под таким заголовком документ был опубликован в книге «Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943». — М., 1994. — 1064 с. — С. 429–431.

вали ближайшие избранники Самого Господа. И теперь, по примеру святых апостолов, надлежит ставить выше единство веры, молитвы и любви, не входя, до грядущего Собора, в мелкие канонические подробности. Тем более, что существовавшее после 26 ноября 1925 г. (ст. ст.) недоразумение не затрагивает ни существа веры, ни основных церковных правил, и чистота намерений собравшихся 9/22 декабря 12 епископов не подлежит сомнению. «Первый да будет всем слуга» — вот завет Евангелия, — а апостол любви с видимой скорбью говорит о первенстве любить Диотрефа (3 Ин. 9–10). Посему-то и нам надлежит теперь в особенности едиными устами и сердцем славить имя Божие.

Митрополит Сергей отвечал мне: а) что на него возложено предложением митрополита Петра, от 23 ноября (6 декабря) 1925 г. временное исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя, показав мне заверенное предложение митрополита Петра; б) что он согласен по послушанию принять на себя эти обязанности, — и как часовой стоит до появления разводящего, так и он не может оставить своего поста; в) что никакой пригласительной телеграммы прибыть в Москву он не получал; г) что вскоре помянутое предложение митрополита Петра он объявил викариям Московской епархии, правящему Серафиму (Звездинскому), Гавриилу (Красновскому) и Иоанну (Василевскому) и, наконец, д) что содержание его должно быть известно ранее 9/22 декабря и епископу Можайскому. Не получив пригласительной телеграммы, митрополит Сергей все равно не мог прибыть в Москву по независящим от него обстоятельствам. Признать ВЦС канонически законным органом Управления Церкви он не может. Право митрополита Петра на указание себе преемников путем частного предложения митрополит Сергей подтверждает не опубликованным нигде распоряжением Всероссийского Собора 1917–1918 гг., коим Святейшему Патриарху Тихону предоставлено было, ввиду исключительных обстоятельств времени, самому, по личному усмотрению, указать себе преемников, не оглашая их имен даже всем членам Собора. Ныне, по мысли митрополита Сергия, исключительные обстоятельства в Церкви продолжают оставаться неизменными. Никакого письменного ответа митрополит Сергей не дал.

Сообщая Высшему Церковному Совету о результатах своей поездки в г. Нижний Новгород, нахожу необходимым предложить Совету: а) признать Сергия, митрополита Нижегородского, канонически законным временно исполняющим обязанности Патриаршего Местоблюстителя, со всеми вытекающими из этого признания последствиями; б) высоко ценя достигнутые Высшим Церковным Советом результаты по установлению долгожданных нормальных отношений к власти и регистрации, заняться сложными заботами (совместно с митрополитом Сергием Страгородским), согласно Наказу, по подготовке Всероссийского Собора, по изданию церковного органа печати, по устройству богословской

школы и регистрации и в) испросив митрополиту Сергию право на въезд в Москву, просить его пожаловать в ВЦС для совместной работы на благо Святой Православной Церкви. По моему глубокому убеждению, без этого неизбежен раскол среди иерархов Русской Православной Церкви, коему, по долгу архиерейской присяги, ни один из иерархов, входящих в состав ВЦС, разумеется, содействовать не может, и я вынужден буду просить ВЦС освободить меня от обязанностей члена одного Совета.

12/25 января 1925 г.

г. Москва.

Дамиан, епископ Переславский, управляющий Владимирской епархией.

<Приписка> Заслушав сей доклад, Высший Церковный Совет постановил согласиться с пунктом «в» моего предложения, испросив право выезда митрополиту Сергию и телеграфировал ему прибыть в Москву.

Д<амиан Воскресенский> Е<пископ> П<ереславский>.

Боголюбивым Пастырям, инокам и всем верным чадам Церкви Курской

Благодать вам и мир да умножатся!

Изволением канонически законных преемников Святейшего Патриарха — Митрополита Сергия и Священного Патриаршего Синода — совершенно неожиданно для себя призван я из соседней Полтавской Епархии стать духовным руководителем, Архипастырем славной церкви Курской. Усматриваю в этом волеизволении Православных Архипастырей Волю Божию о смирении моем. Ибо сей чести и жребия «не исках, но поискан бых». Не без священного трепета принял весть эту в вечерний час молитвы накануне св. Георгиева дня.¹ Трепетно билось сердце мое, что Господь далеко уже за полдень моей жизни призывает меня на служение Ему и Его Церкви в родную Епархию, где я провел детство, отрочество, первые шаги на пастырской ниве, а потом труды по воспитанию духовного юношества. Жаль было расставаться с верной Полтавской паствой, где в течение года пришлось учить и священнодействовать среди бурливого потока церковной жизни на Украине, где духовно сроднился с верующим населением. Но воля Божия сказалась. Как инок, как воин Христов я внял голосу, призывающему меня в родной Курский край. Привык я в свою скитальческую жизнь воздавать хвалу Богу. Прожил я, кроме Полтавы, и на Западе — в Смоленске, и в Северном Переяславле Залесском, в далекой Закаспийской стране — и везде душа моя благословляла Господа.

По прибытии в родной Курск узнал я, что среди верующих во Христа есть несогласия и разделения во граде и Епархии. Родная церковная нива за последнее время поросла тернием. Попущением Божиим имеются на ней и нездоровые течения среди тех, которые недавно в храм Божий ходили единомышлением. Умоляю, братья, Именем Господа Нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно и не было между вами разделения, но чтобы вы были в одном духе и в одних мыслях (1 Кор. 1.10). Ради святой Крови Христовой, пролитой на Голгофе, умоляю оставить всякие спорные вопросы и несогласия, порожденные гордыней, возникшие от тщеславия, властолюбия и иных страстей, и не вносить их в ограду Христову. Вольных и невольных пособников разделения, от-

¹ Память святого великомученика Георгия Победоносца празднуется 23 апреля/6 мая.

коловшихся от Единства церковного, отечески молю воссоединиться с Единою Спасающей Церковью. Вам предстоит великий подвиг покаяния и сознания, что в деле спасения нельзя безболезненно нарушить единство веры и молитвы. А пребывающих в ограде Христовой Церкви прошу с кротостью, любовью и всяким снисхождением объяснить заблуждающимся братьям нашим весь вред и грех раскола. Но не считайте их за врагов, а вразумляйте их как братьев (2 Сол. 3.15) и не вступайте с ними в молитвенное общение, ибо оно запрещено Апостолами (Правила 10, 11, 12). Единство церковное берегите, как самое драгоценное сокровище. Храните Отческую Апостольскую веру православную. Не изменяйте ей ни из каких видов. Не слушайте тех, кто уверяет, будто можно спастись во всякой вере. Не внимайте и тем, которые уверяют, будто спастись можно только у них, недавно отклонившихся от Единства церковного. Освящайте свою жизнь святыми таинствами. Соблюдайте пост, уставы церковные. Ограждайте себя крестным знаменем, с молитвою принимайте пищу, как дар Божий. Почитайте святые мощи и иконы. Призывайте на помощь Усердную Заступницу Богородицу и святых Угодников Божиих. Не забывайте освящать дни воскресные и праздники молитвою церковною, она низводит Божие благословение на ваш недельный труд, примиряет с жизненными невзгодами и дает радость духовную. Да не пустуют родные храмы наши, в них теперь совершается научение в вере, освящение благодати Св. Духа через таинства, как всегда. Вместе с тем приглашайте в храм Божий на общую молитву и домашних своих после блуждания на стороне далече. При настоящих условиях жизни на вас, отцы и матери, тем более, чем когда либо, лежит ответственность перед Богом за души ваших детей и домочадцев. Вы сами видите, как целое море греховных соблазнов окружает их, спасение от них только во святых храмах и в родных семьях и домах, которые у христиан должны представлять собою и по внешней обстановке, и по всему укладу жизни малую Церковь Божию. По сему для православных христиан обязательны крещение младенцев, церковное благословение браков и христианское погребение всех, в вере и покоем скончавшихся. И также говение, исповедь и причастие Святых Тайн Христовых хотя бы однажды в году. В храм Божий ходите не по привычке только, но для молитвы и благоговейного слушания слова Божия. Придя из храма, удерживайте в сердце и памяти, что там слышали, дабы исполнить это в жизни. Пастырей, твердых в исповедании веры православной, всячески поддерживайте, любите и помогайте им во всем, и пастыри вместе с пасомыми составляют одно тело Христово, Единую Святую Церковь. Пастырей же молю: в мире со всеми, благоговейно, истово, внятно совершать богослужение, влагая в него все свое религиозное настроение, назидая верующих словом живой проповеди и в особенности примером своей жизни. На вас, пастыри, устремлены тысячи глаз, все при-

мечающих, от которых не утаится ничто. Вы стоите на свещнице, так что видимы всеми. И не говорите себе: я священник только в храме, а дома такой же человек, как и все. Нет. Пастырь всюду пастырь. Везде он именуется Батюшкой и Отцом Духовным. Так оно и по взгляду Церкви, так оно и по существу. Не смущайте же малых сих ни поведением вне храма, ни внешним видом своим, ни одеждою, ни чем иным, памятуя, что горе тому, кто соблазнит единого от малых сих.

Молитвенно призываю на всех Божие благословение. Да поможет всем нам Наш Небесный Пастыреначальник в единении, в союзе любви, веры и мира соделав спасение душ наших. Единными усты и сердцем славить и воспевать Пречистое и великое Имя Отца, Сына и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Смиренный Дамиан, Божией Милостию Архиепископ Курский и Обоянский.

28.08.1928 г. Благословляю прочитать во всех храмах округа в ближайший богослужебный день на Божественной Литургии. Архиепископ Дамиан.

С подлинным верно. Благодинный 4 округа Корочанского Протоиерей Александр Плетнев.

*Архив УФСБ РФ по Белгородской обл. Архивно-уголовное дело №7883.
Приложение.*

Письмо архиепископа Дамиана протоиерею Александру Плетневу

Отцу протоиерею Александру Плетневу¹

Усердно благодарю Вас, о. протоиерей, за пасхальные гостинцы. Не могу не <...>² выдающегося усердия Мартына Яковлевича Беседина. Пом.. <...> ваши не только восполняют скудость нашу, но и производят обильное благодарение Богу; они побуждают людей прославлять Бога за вашу покорность Святому Евангелию, за вашу общую щедрость (2 Кор. 9).³ Из них мы усматриваем «плод, умножающийся в пользу вашу» и жертвователей (Флп. 4.17).⁴ Бог мя с<...> обогатит вас всех за всякое благодеяние, чтобы всегда во всем имея всякое довольство, готовы были «на всякое доброе дело» (2 Кор. 9.8).⁵

1 Плетнев Александр Иванович (1871–1930), протоиерей. Уроженец с. Уколово Золотухинского района Курской области. В одном из документов следственного дела местом рождения отца Александра назван Прохоровский район. Из духовного сословия. Окончил Курскую духовную семинарию. Во время Первой Мировой войны был полковым священником 1-й Финляндской дивизии. В 1928 году был благочинным 4-го Корочанского округа. Служил в селах Жимолостное, Правороть и Сажное. Арестован 25 января 1930 года в с. Уколово. Был объявлен главой контрреволюционной группировки. Расстрелян 8 мая 1930 года в Белгороде вместе со священником Аркадием Алексевиичем Субботниным и мирянами Яковом Ивановичем Ладыгиным и Матвеем Поликарповичем Съединым. Всего по делу отца Александра было арестовано 122 человека.

2 Таким знаком помечены неразборчивые фрагменты текста.

3 «...чтобы вы всем богаты были на всякую щедрость, которая через нас производит благодарение Богу. Ибо дело служения сего не только восполняет скудость святых, но и производит во многих обильные благодарения Богу. Ибо, видя опыт сего служения, они прославляют Бога за покорность исповедуемому вами Евангелию Христову...» (2 Кор. 9.11–13).

4 «Говорю это не потому, чтобы я искал даяния; но ищу плода, умножающегося в пользу вашу» (Флп. 4.17).

5 «Бог же силен обогатит вас всякою благодатью, чтобы вы, всегда и во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело» (2 Кор. 9.8).

В Ваши сапоги сразу вошли ноги. Благодарю. С трудом нем<...> и доставил все это Мартын Яковлевич,⁶ да воздаст ему Господь сторицею.

Сейчас присоединяю из Вашего села Заячье.⁷ Понаблюдайте отечески. Там, видимо, дело будет не без борьбы. Священник Краснопольский старенький. Но дороже всего, что приговор общины у нас имеется. А диакон Стеф. Зах<...> был у меня, ему был предложен экзамен. Убоялся, должно быть, высоких требований и <...> в Острогожск, к Борисо-Григорианцам. Доколе, Господи?!

О многом поговорил с Март. Яковлевичем, он должен Вам про то рассказать. Прошу Вас благодарение мое передать и о. Архимандриту Тавриону⁸, и ... пресвитерам и мирянам округа. Приостановлено принудительное выселение духовенства из дома с лишением усадеб; это надо считать заслугой нашего Митрополита Сергия — но о сем лично.

Ваш доброхот Арх. Дамиан.⁹

Архив УФСБ РФ по Белгородской обл. АУД №7883.

6 Беседин Мартын Яковлевич. В материалах следственного дела назван монахом. Арестован в 1930 году в с. Клейменово Белгородского района. Получил 3 года лагерей.

7 Село Заячье ныне Корочанского района Белгородской области.

8 Архимандрит Таврион (Петренко Терентий Михайлович, около 1861 г. — год смерти неизвестен). Уроженец г. Белополье Сумской области. Из крестьян. До 1911 года проживал в Глинской Пустыни. Принял монашество. Затем подвизался в Харькове, был игуменом Курижского монастыря. В 1920-е годы служил в селах Белгородского округа. Арестован 30 марта 1930 года. Получил 10 лет лагерей.

9 Письмо не датировано. Предположительно, писалось оно весной 1929 года.

Фрагменты допросов и показаний из следственного дела 1932 года

+++

Допрошенный в качестве обвиняемого Воскресенский Дамиан¹ — Дмитрий Григорьевич, архиепископ Курский, показал:

Полученное мною воспитание, среда, в которой я с детства вращался, мое общественное положение — все это выработало и закрепило во мне монархические убеждения. Будучи русским человеком и уважая царя Николая II-го как порядочного человека, стремившегося к созданию хорошей жизни всему русскому народу, я не мог не быть монархистом, причем хорошие положительные чувства к личности императора у меня сохранились до настоящего времени. В настоящее время я готов служить той части народа, которая принимает Бога. Последние годы моей жизни при Соввласти протекали в контрреволюционной обстановке, создававшейся у меня на квартире приходившими ко мне людьми, обиженными в чем-либо местной властью, с жалобами на то, что их (приходящих ко мне) власть местная обижает. Забрала у них все имущество — хлеб, скот, постройки, им сейчас негде жить, не во что обуться и одеться, от власти житья им не стало. Нечего даже кушать, т.к. власть у них все отобрала и пр. В числе приходивших с подобными жалобами бывали и так называемые бывшие люди, в частности, б. помещик, которые также жаловались на то, что при современном государственном строе — политическим содержанием последнего — они поставлены в нечеловеческие условия, обречены на гибель. Духовенство моей епархии, бывая у меня, жаловалось на преследование его агентами власти, налагающими на него (духовенство) непосильные налоги, на применение теми же агентами решений о закрытии церквей, поддержку раскола в Церкви путем оказания помощи раскольническим течениям обновленцев и григорианцев и всяческое ущемление прав Православной Церкви, представителем которой я являюсь. Это преследование духовенства агентами власти, как я это знаю, явление не сезонное, что, в частности, подтверждается следующим фактом: в 30–31 г. агенты ГПУ по ряду районов (Льгов, Рыльск, Золотухино, Обоянь и др.) систематически арестовывали всех благочинных, назначавшихся

туда мною из лучших представителей православного духовенства. Этим раз<...>ась нормальная деятельность Церкви, и я был поставлен в затруднительное положение — назначенный мною благочинный только по этой причине сразу же становился кандидатом в тюрьму. Это заставило меня отказаться от назначения благочинных и предложить сельскому духовенству по всем вопросам обращаться непосредственно ко мне. Эти же аресты убеждали меня в том, что весьма нередко преследование духовенства является органической частью деятельности Соввласти. — Дальнейшие показания дам дополнительно.

Показания лично мною читанные; они записаны с моих слов правильно, в чем расписываюсь.

*Д. Воскресенский
Допросил Н-К 2 отд. СПО
28/VII-1932 г.*

Архив УФСБ РФ по Курской обл. АУД №П-11015. Т. 1. Лл. 221, 221-об и 222.

+++

Дополнительно допрошенный 28.VIII.–32 г. обвиняемый Воскресенский Дамиан — Дмитрий Григорьевич — показал:

В конце мая или же в начале июня т.г. ко мне на дом пришел гр-н г. Курска Жердев Дмитрий Никитович в качестве представителя обновленческого епископа Георгия.² Им высказано договориться со мной как руководителем тихоновского течения в церкви Курской епархии о возможности слияния этих течений и прекращении вражды внутри Церкви. Поговорив по вопросу о слиянии и по каноническим соображениям ни до чего не договорившись, мы с Жердевым продолжали разговор уже на другие темы. **В частности, я говорил Жердеву о расположении, которым пользуются обновленцы³.** Жердеву я говорил, что обновленцы, сравнительно с тихоновцами, платят меньше налогов, что их епископ имеет право совершать богослужение по храмам гор. Курска и вне его, что для удовлетворения церковных нужд имеют свечной завод. Я просто констатировал факт и оценил его как неравное отношение местной власти (хотя

² Георгий (Константиновский, 1881–1953), обновленческий епископ Курский в 1932–1934 годы. Рукоположен во епископа 31 января 1932 года без пострижения в монашество. 22 марта 1934 года перемещен в Брянск. До выхода на покой (в 1938 году) побывал архиепископом обновленческой ориентации в Орле, Запорожье и Сталинграде. В 1944 году принес покаяние и был принят в общение с Московским Патриархатом в сане протоиерея. — «Обновленческий» раскол. Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики. Составитель И. В. Соловьев. — М., 2002. — 1064 с. — с. 726.

³ Выделенное предложение в протоколе вычеркнуто.

я знаю, что оно всюду таково) к обновленцам и тихоновцам, т.е. первые поощряются властью, другие нет, что явно указывает на поддержку властью обновленцев как раскольническое течение внутри Церкви. Эту поддержку обновленцам власть оказывает для того, чтобы обессилить Церковь. Беседа носила живую форму, и некоторые свои заявления об отношении власти к обновленцам и тихоновцам я делал в форме ответов на вопросы Жердева. Были ли с Жердевым еще какие-либо разговоры, в частности, о трудностях жизни и пр. — не помню, но допускаю, что эти разговоры были.

Очень часто, особенно перед Пасхой, ко мне обращались представители многих общин верующих с просьбами назначить им в церковь священника. Не имея возможности удовлетворить этих требований, я часто отказывал в назначении священника в то или иное село, говоря ходатаям, что священников сейчас недостает, т.к. многие из них сосланы в Сибирь, многие сидят в тюрьмах, а желающих принять сан священника — мало, т.к. с одной стороны, мало подготовленных к этому людей, с другой стороны, люди не желают подвергать себя горькой участи — быть посаженными в тюрьму и высланными и, следовательно, обрекать свою семью на положение испытания. Со слов <...>⁴ я некоторым из приходивших ко мне верующим просившим назначить им священника, говорил, что сейчас страдают в тюрьмах и ссылке и не ве...<...> духовенство, преследуемое местной властью.

Показание мною внимательно читано — оно записано с моих слов правильно, в чем и расписываюсь. Д. Воскресенский

Допросил Н-к 2 отд. СПО ПП ГПУ по ЦЧО <...>

Зачеркнутое на первой странице «в частности, я говорил Жердеву о расположении, которым пользуются обновленцы» — не читать.

Д. Воскресенский

Архив УФСБ РФ по Курской обл. АУД №П-11015. Т. 1. л.д. 219–220.

+++

Мои показания <...> СПО ПП ОГПУ по ЧЦО <...> кову 1 октября 1932 года.

О своих политических убеждениях я написал Вам при предыдущих допросах.

<...> я остановлюсь на некоторых вопросах, относящихся уже к периоду, когда я был назначен на управление Курской Епархией, которую я принял в июне 1928 года.

Моей основной задачей при принятии упомянутой епархии являлось собрание вокруг священнослужителей и отдельных сознательных глубоко верующих лиц — всех граждан, которые способны защищать интересы Церкви и православия, чтобы свободно прославлялось имя Божие и процветала христианская жизнь.

Эту задачу я выполнял, давая указания приходящим ко мне как священнослужителям, так и верующим мирянам.

А приходило ко мне весьма большое⁵ количество, в среднем по 10 человек в сутки (за исключением праздничных дней) с разными вопросами: о назначении членов причта, за советами об открытии храмов, регистрации их, о составе церковных советов и т.п.

Многие из приходивших заявляли о притеснениях со стороны власти, заключавшихся в требованиях больших налогов с церковью и священнослужителями, об арестах отдельных священников за контрреволюцию, о закрытии церковью колхозниками и за неуплату налогов и т.д.

Под давлением массы нахлынувших на меня жалоб в 1930 году и особенно в 1931 году, а также в 1932 году, когда в связи с большим колхозным строительством участились случаи закрытия колхозниками храмов, я в разговоре с посетителями, помимо советов религиозного характера, допускал для советов <...> переходили эту грань и представляли мои политические ошибки, могущие быть расценены, как мое презрительное отношение к Советской власти вообще.

Так, при посещении меня в 1932 году ктиторм кладбищенской церкви г. Обоянь Кофановым я в процессе одной из бесед с ним по разным вопросам бросил фразу: «Колхозы недолговечны». В 1932 году я в разговоре с одним <из> церковных старост сказал, что при татарском нашествии налоги на церкви были меньше, чем сейчас, и церковь, следовательно, была свободней, чем сейчас. В 1932 году в разговоре с одним из мирян Прохоровского района я сравнивал Соввласть с положением еврея, который ждет народ у церкви с ключами и не разрешает ее открыть, требуя уплаты налога. Были и другие аналогичные случаи.

Политические ошибки я допускал, стремясь в основном направить свою работу на защиту интересов Церкви путем сплочения наиболее верующих людей, преданных мне священнослужителей, людей сознательных, способных развивать и защищать дело православия.

Записано с моих слов верно и мною прочитано.

К сему подписуюсь

Димитрий Воскресенский.

Архив УФСБ РФ по Курской обл. АУД №П-11015. Т.1.Лл.223-223-об.

+++

Протокол допроса гр. Воскресенского Дмитрия 2 октября 1932 г.

На допросе 1 октября с.г. я показал, что основной своей задачей при управлении Курской епархией я ставил сплочение вокруг священнослужителей и отдельных преданных мне сознательных верующих — групп лиц, которые способны в настоящих условиях отстаивать дело Церкви против <...> посягательств на нее.

Многие из моих подчиненных, особенно священников, прекрасно исполняли свои обязанности и мои поручения, за что мною были даны им различные поощрения и награды. Так, за хорошую работу по сплочению вокруг <...> глубоко верующих лиц, защищавших интересы Церкви, мною <...> усердной их службе церкви

В Обоянском районе: священник Петр Григорьев получил сан протоиерея, священнослужители Бородин, Халин, Курганский и др.

В Курском районе: священнослужители Лелюхин, Чепурин, Фирсов, <...> ей Губчевский, Дагаев, Лазарев, Иваницкий, Лебедев Павел, Кулинич.

В Золотухинском районе: Иосиф — священник в с. Фентисово, св. Солодовников, Слюнин — священник в селе около ст. Букреевка, Георгий Оболенский.

В Солнцевском районе: прот. Помельников из с. Пристенное, свящ. <...> илов из с. Чермашное⁶ и др.

В Прохоровском р. — благ. Чубаров, Сергей Дородницын, Павел Вознесенский.

В Шебекинском районе — свящ. Мих. Терновский, Сергей Ханов, Леонтий Антонов.

Были награжденные и в других районах, перечислить всех сейчас затрудняюсь, т.к. не помню.

Показания записаны с моих слов правильно и мною прочитаны.

К сему Димитрий Воскресенский.

Архив УФСБ РФ по Курской обл. АУД №П-11015. Т. 1. Л. 224.

+++

Протокол допроса гр. Воскресенского Дмитрия Григорьевича 4 октября 1932 г.

В конце марта с/г мною в с. Полукотельниково Обоянского района был назначен иеромонах Никанор Езерский, который до этого мне был известен примерно в течение полутора лет как лицо, служившее в ряде приходов Курской и Воронежской епархий.

В разговоре с ним я допустил некоторые неосторожные политические замечания о колхозах примерно такого содержания, что существующие колхозы недолговечны.

<...> це же я ставил в связи с его назначением в Полукотельниково задачу защиты интересов Церкви путем сплочения вокруг него <как> священнослужителя группы наиболее верующих для предотвращения посягательств на Церковь, дабы прославилось имя Божие свободно и установилась христианская жизнь.

<Мне> известно, что в с. Полукотельниково священник Езерский <эту> задачу выполнял прекрасно. Путем привлечения к себе наиболее сознательных верующих и хорошей службой <ему> удалось добиться того, что церковь стала посещаться большим количеством верующих. Однажды он организовал крестный ход человек в 40 крестьян из Полукотельниково в г. Курск. Полукотельниково от Курска расположено примерно в 60 километрах. Некоторые из верующих, пришедших ко мне, благодарили свящ. Езерского за хорошую работу и меня за то, что я его туда назначил. Езерский возбуждал передо мною вопрос о пострижении отдельных лиц в монашество, на что я ему давал разрешения, что признаю своей политической ошибкой.

Когда он приезжал ко мне в конце июня месяца 1932 года, он мне рассказал, что в Обоянском районе колхозы разваливаются, что в одном из колхозов колхозники намеревались сжечь какого-то представителя власти и что у Езерского сложились неприязненные отношения с местным председателем сельсовета.

Учитывая это, я посоветовал Езерскому уехать из Полукотельниково и дал ему указ о назначении его в Гнездилово Фатежского района. Он же поехал не прямо в Гнездилово, а в Полукотельниково, чтобы познакомиться с верующими. Там он и был арестован.

Димитрий Воскресенский.

Архив УФСБ РФ по Курской обл. АУД №П-11015. Т. 1. Лл. 225-225-об.

+++

Протокол допроса гр. Воскресенского Дмитрия Григорьевича 9 октября 1932 г.

Я уже показывал, что своей задачей во время управления Курской епархией ставил объединение в первую очередь вокруг священнослужителей, подчиненных мне, и вокруг отдельных верующих мирян — групп граждан, которые, являясь глубоко верующими и способными защитить интересы Церкви, представляли бы из себя ячейки Ревнителей Церкви для борьбы со всякими посягательствами на Церковь и для проповеди православия.

Поскольку я в своих индивидуальных беседах с некоторыми священнослужителями и верующими неоднократно подчеркивал, что на ячейках «Ревнителю Церкви» должны лежать такие обязанности: во-первых, привлечь в их состав действительно глубоко верующих православных; во-вторых, не допускать никаких нападков на Церковь; в-третьих, прославлять имя божие⁷ молитвою и <...> доброй жизни; в-четвертых, быть наиболее усердным посетителем храмов и вербовать⁸ других к тому же.

Показания записаны правильно и мною прочитаны.

К сему Димитрий Воскресенский.

Архив УФСБ РФ по Курской обл. АУД №П-11015. Т. 1. Л. 226.

+++

Протокол допроса Воскресенского Дмитрия Григорьевича 11 ноября 1932 г.

<В> прошлых показаниях я уже чистосердечно рассказал о духовных советах, даваемых мною наиболее надежным представителям духовенства и мирян по вопросу «Ревнителю Православия» вокруг <...>ых мне священнослужителей. Эти указания мною были даны <...>ворительно проводились в жизнь следующими наилучшими священнослужителями: По Обоянскому району: Герман Руденко, Петр Григорьев, Федор Слюнин, Бородин, Никандр Езерский; по Курску: Кулинич Николай, Шкарупов, Говоров, Иваницкий, Иваницкий Леонид, Лелюхин Федор; по Курскому району: Симонов из с. Рышково, Антонов из с. Любичского, Лазарев Дмитрий из Орехово, Догаев Михаил из Шумаково; по Солнцевскому району: Конев из Чермашное; по Фатежскому району: Николай Архангельский, Корсунский; по Золотухинскому району: <...>кин Виссарион, Губчевский Сергей; по Шебекинскому району: <...>ков, Терновской; по Белгороду Еременков; по Беловскому району — <...>манов Андрей.

В результате деятельности по моим указаниям «Ревнителю Православия» (см. предшествующие показания) дело Церкви в местах присутствия их улучшалось, большее количество граждан было приближено к Церкви, посещало богослужения и получило духовные наставления от подчиненных мне священнослужителей.

С того момента, когда в деревне стало проводиться раскулачивание, в городах усилился нажим на состоятельные слои (купцов и т.п.) <...>ые кулаки, а также все притесняемые Советской властью слои стали значительно ближе к Церкви, и многие сделались истинными «Ревнителями Церкви».

⁷ В оригинале так, с маленькой буквы.

⁸ Слово явно не из лексикона священномученика Дамиана.

Очень хорошо этот процесс — сосредоточения вокруг Церкви притесняемых властью лиц — выразила одна женщина в разговоре со мной. Она сказала: «Нет тревоги — нет и Бога, как тревога — так за Бога». Это значит, что б. состоятельные люди в деревне и в городе, которые раньше жили неплохо и не так часто обращались к Церкви, теперь стали обращаться к ней, когда их задела Советская власть и лишила всех прав.

<...> в состав ревнителю притесняемые властью б. люди не могли мириться с тем, что его власть ущемила <...> и поэтому со стороны Ревнителю Церкви были выступления против власти и особенно против колхозов и колхозников, куда <...> властью передавалось имущество раскулаченных. <...> это стало заметно в 1932 году, когда колхозники, становящиеся более активными, стали поговаривать в отдельных местах о <...> богатых людей и т.п.

Ко мне приходили люди с церковной скорбью и вместе с тем они <высказыв>али враждебные противоклхозные настроения, и при большом количестве их они, отражаясь в моем сознании, принимали <...> сочувствия с моей стороны этим лицам, различных советов <...> и помимо этого, в разговорах допускал политические ошибки вроде слов, что колхозы скоро развалятся и т.п.

Эти мои слова, разумеется, приходящими ко мне верующими <людь>ми, объединенными в «Ревнителю Церкви», могли быть поняты как директива — разваливать колхозы. Поэтому отдельные группы «ревнителю» участвовали в развале колхозов. Мне, в частности, известно, что развалы колхозов в Обоянском районе, где участвовали <...> впоследствии за участие в организации развала колхозов были забраны группы Ревнителю Церкви, в лице Руководителя <...> Никанора Езерского, окружающих его лиц и других.

Показания записаны правильно и мною прочитаны.

Димитрий Воскресенский.

Допросил <...>

Архив УФСБ РФ по Курской обл. АУД №П-11015. Т. 1. Лл. 227–228.

+++

Из протокола допроса архиепископа Дамиана⁹

Октябрьский переворот мною не был воспринят положительно, но в начальный период никаких активных действий против советской власти я не предпринимал.

В церковном соборе 1917–1918 гг. я лично участия не принимал, однако к решению его, выражавшему отношение собора к советской вла-

⁹ В публикации, по которой мы приводим текст протокола допроса, он не датирован.

сти, осуждавшему (слово неразборчиво — примечание первых публикаторов) в части конфискации церковных и монастырских имуществ и вообще к политике советской власти, я относился положительно.

Мое отношение к обновленчеству и, в частности, к образовавшемуся ВЦУ было отрицательно и выражалось в фактическом отказе подчиняться распоряжениям ВЦУ. Я был против обновленчества как раскольников православной Церкви и по каноническим соображениям. В конце 1922 года я был арестован и выслан в Туркестан, где пробыл до марта 1925 года. Оттуда я вернулся в ту же епархию и вступил в управление Владимирской епархией, оставаясь в рамках тихоновского течения. В 1927 году я получил назначение в Полтаву архиепископом.

Позднее я был переведен архиепископом в Курскую епархию... В Курской епархии я находился до июля 1932 года, то есть до дня моего ареста. В августе 1930 года я виделся с митрополитом Сергием в последний раз. В дальнейшем связь с ним осуществлялась через письма и отчеты о состоянии епархии. В письмах я также затрагивал вопросы службы священнослужителей моей епархии и отношении паствы к Церкви. Писал я ему и о том, как относятся верующие к мероприятиям Советской власти в деревне, к закрытию церквей. Епископа Николая (Могилевского) я знаю. Встречал его в городе Москва, но дружбы с ним не водил.

Отобранные у меня при обыске отдельные записи (на листах настольного календаря о социализме) написаны были мною как заметки, сделанные по прочитанному сборнику статей «От марксизма к идеализму» профессора С. Н. Булгакова.

Записано со слов моих правильно. Об окончании следствия мне объявлено.

Дмитрий Воскресенский.

Архив УФСБ РФ по Курской обл. АУД №П-11015. Т. 2. Л. 56. // Публикуется по книге В. Г. Карнаевича и священника Владислава Реутова «Новомученики и исповедники земли Курской»... С. 58–59.

Из записей, изъятых у священномученика Дамиана:

«... Сила социализма заключается в том, что своей двойственностью, невероятным сплетением правды и заблуждения — он представляет величайшие соблазны для человечества и особенно малообразованной части его. Преувеличенно рисуя социальные картины повседневного ослепительного богатства меньшинства (капиталистов) и ужасающей бедноты большинства (пролетариат), ... указывая на притеснения слабых сильными ... социализм выставляет себя единственным другом человеческого большинства, защитником всех трудящихся и обездоленных бедных, слабых. Всем этим социализм

привлекает к себе колеблющиеся умы и чувственные сердца, особенно среди рабочего класса, неспособного критически разобраться в этом хитром сплетении правды и лжи».

Архив УФСБ по Курской обл. АУД №11015. Т. 1. л. 402. // Публикуется по книге Беспарточного Б. Д., Ильиной З. Д. и Карнаевича В. Г. «Культура и власть: из рассекреченных архивов ВЧК-ОГПУ-НКВД». — Курск, 1998. — 345 с. — С. 170–171.

«... Социальная классовая борьба может признана горькой христианской правдой и благом. Христианство видит высшую правду в том, чтобы отдать свое богатство ближнему, но не видит бога в том, чтобы отнять его у ближнего. Христианство не верит, что Царствие Божие может быть достигнуто материальными средствами, что возможна принудительная добродетель и социальное принудительное братство. Царствие Божие невозможно в пределах этого грешного мира.

Все коммунистические движения, ожидающие скорого наступления земного рая — еретичны и враждебны Церкви».

Архив УФСБ по Курской обл. АУД №11015. Т. 1. л. 444. // Публикуется по книге Беспарточного Б. Д., Ильиной З. Д. и Карнаевича В. Г. «Культура и власть: из рассекреченных архивов ВЧК-ОГПУ-НКВД». — Курск, 1998. — 345 с. — с. 171.

Пастырство и монашество¹

Миссионерские съезды последних лет достаточно ясно указали нужды Церкви и духовенства, указали на грядущие опасности и сделали призыв к дружной работе на пользу родного православия. Но эти же съезды вскрыли и недостатки церковной жизни. Это дало повод людям, далеко стоящим от церковной жизни, сделать весьма преувеличенные и печальные выводы о нашем духовенстве белом и черном.

«Монастыри наши, — говорят, — упали до такой степени, что от них приходится оберегать народ; белое духовенство на одном уровне с черным. Много ли у нас, спрашивают, хороших священников, действительно уважаемых? Они есть, но как их, к сожалению, мало! Подавляющее большинство священников — вовсе не священники, ибо они не служат ничему священному и ничего священного в народе не утверждают. Они унижают веру, они сплетают ее с такими собственными пороками, что пропадает всякая красота, мудрость веры. Только сравнительным равнодушием русского народа в деле веры можно объяснить, что до сих пор еще не все ушли в раскол и штунду. При современном печальном положении духовенства можно ли серьезно говорить о задачах внешней миссии, о борьбе с католичеством, расколом, сектантством, магометанством, светским новоязычеством? Да ведь если дело пойдет так и дальше, то уже не часть народа, не старообрядцы лишь да штундисты, не одна лишь маловерная интеллигенция, а все мы — вся Россия — уйдем из Церкви. Уйдем не потому, что она Церковь, а потому, что она слишком обидно, слишком непереносимо перестала быть церковью.

Если некогда духовенство, в течение многих веков, собрало народ под крышу, увенчанную крестом, то теперь то же духовенство разгоняет народ из церкви, выталкивает его из древнего родного дома. Потеряв тайну Христовой силы, утратив одушевление веры, свергающей горы в море, нынешние приемники апостолов подменили веру знанием, притом знанием самого плохого сорта. У рыбаков галилейских Евангелие наполняло всю душу без остатка, и от избытка сердца уста глаголали. У нынешних апостолов девять десятых души школа наполняет обрывками всевозможных и вздорных знаний, и только, может быть, одна лишь десятая памяти и внимания отдается религии. Какой же тут может быть избыток сердца? И от какого избытка могут говорить уста? Захотели быть богатыми образованностью и светскими знаниями; весь мир приобрели, а душу потеряли. Вглядитесь пристально в любого священника! Ведь это же духовное...<...>²

...колыбелью всей духовной жизни народа. Ныне они скопили огромные капиталы, идущие на поддержку праздного, отбившегося от всякого дела, тунеядствующего народа. Вот где истинное поприще для православной миссии — само православное духовенство. Кто смертельно нуждается в проповеди Евангелия — это наши священники и монахи, громадное большинство из них. Если найдется новый апостол, пусть прежде всего сюда заглянет и откроет борьбу с крайним упадком веры и добрых нравов среди наших священников и монахов. Если погибает православие, то не от того, что штундисты не ходят в нашу церковь, а от того, что для самих православных она уже теряет свое древнее притяжение. Вот в чем ужас. Отсюда — развал Церкви. Он идет не совне, а изнутри».

Так пишет...<...> весьма почтен- ...<...>

... том, что автор является выразителем мнения многих и многих из нашего общества. А, в таком случае, пройти мимо этих обвинений, не обратить на них никакого внимания — нельзя. Необходимо пристально оглядеться вокруг, внимательно рассмотреть себя нашим пастырям и инокам и, не дожидаясь появления новых непризванных апостолов, самим начать дело самоиспытания и исправления. На этом пути имеется одно печальное давнее недоразумение, которого хочется осторожно коснуться, чтобы вызвать по этому поводу живой обмен мнений, чтобы уяснить народу и причины этого недоразумения.

Бесспорно, печальным знаменем в церковной жизни нашего времени следует считать то недоверие, недоброжелательство и борьбу, что идет между белым духовенством и монашеством...<...>

...Отголоски этой борьбы слышатся на епархиальных съездах духовенства. Лица, внимательно следившие за ходом предсоборных рассуждений, без особого труда могли составить о борьбе этой определенное понятие. Отголоски этой борьбы перешли и в светскую печать.

И устно, и особенно в печати, защитниками и противниками пастырства и монашества сказано было много резкого, обидного и несправедливого. Все это невольно навеивает грустные размышления. Наше духовенство — черное и белое — начинает усиленно сводить на улице свои счеты в то время, когда для блага Церкви нужна бы усиленная, совместная их работа.

Обращаясь к указанию причин этого грустного явления, должно сказать, прежде всего, что здесь, строго говоря, нет борьбы идеалов... <...>

... Первой из этих причин следует считать давний обычай посылать в монастыри для исправления приходских священников, диаконов и причетников. Разумеется, отбывающие наказание не могут выносить

1 Текст статьи сохранился в поврежденном виде. Некоторые фрагменты утрачены.

2 Этим знаком обозначаются текстовые утраты.

особой любви к месту своего невольного заключения. А если присоединить к этому неподготовленность их к исполнению монастырских послушаний (иногда весьма тяжелых), то станет понятным, что они выходят из обители с прямым нерасположением и к монастырским порядкам, и к насельникам обителей. Не следует забывать и того, что часто настоятели монастырей бывают особенно строги к отбывающим наказание, не проявляют по отношению к ним тех добрых, мягких чувств, кои скорее и вернее могли бы исправить виновных. Указанное нерасположение к монастырям отличает не одних только временных обитателей их из белого духовенства, но незаметно и издавна по традиции передается и лучшей части приходского духовенства. И пора бы монастырям перестать быть местом ссылки для духовенства: для пастырей и иноков было бы тогда одним поводом к недоразумениям меньше.

Для уяснения поводов к этим недоразумениям следует отметить и действие причин экономического характера, столь могущественных в наше время, как и всегда. Есть доля правды в тех упреках, что раздаются по адресу монастырей за их исключительные заботы о материальном достатке, об улучшении хозяйственных операций в ущерб развитию духа. Белое духовенство не может не видеть монастырских сборщиков, кои с окончанием сельскохозяйственного года усердно рассыпаются по русским деревням. Часто при этом оно наверное знает, что монастырь мог бы безбедно прожить и без этих... <...>

... И это делается якобы потому, что инокам надо торопиться принести святыню к назначенному сроку в обитель; а в то же время и те же иноки находят время служить неторопливо молебны по пути к обители в домах зажиточных купцов. А в одной из приволжских губерний сделано по такому же, вероятно, поводу надлежащее распоряжение: «Сопровождающим святую икону лицам, — говорит это распоряжение, — следует знать и твердо помнить, что обнесение святых икон по селам и городам епархии разрешается не ради корыстных целей, а главным образом для духовно-религиозного назидания и утешения верующих, и что эта высокая цель возлагает на них особую нравственную ответственность и требует полного соответствия по своей жизни правилам благоповедения и приличия. Совершение молебствий должно быть неспешное, ясное, раздельное и надлежаще благоговейное. Дома обывателей надлежит посещать не по выбору, а неопустительно, по заранее объявленному, по соглашению с настоятелем приходской церкви, порядку, дабы не подать повода к сетованию и нареканию со стороны людей бедных».

Нет нужды подробно говорить, что монастыри почти повсеместно уклоняются от взносов на содержание духовно-учебных заведений и церковных школ, хотя взносы эти не так велики и обременительными

для монастырей считаться не могут; и вообще — общепархиальные нужды немного встречают сочувствия от обителей. Даже свечи церковные монастыри не приобретают из епархиальных заводов, а по коммерческим соображениям у себя их выделывают, нередко снабжая своими свечами и приходские церкви.

Указывают не без основания на недостатки монастырской жизни, на упадок дисциплины в монастырях, на леность и тунеядство иноков, на бродяжничество послушников и на привольную жизнь настоятелей. И в этом указании видят новый источник нерасположения белого духовенства к монахам. Но нельзя не согласиться, что в указанных недостатках повинны по большей части послушники, монастырская молодежь, люди, еще не усвоившие себе аскетического духа, у которых сильнее сказывается борьба плоти и духа. По этой причине упрек монастырям следует признать заслуженным только отчасти. Кто из лиц белого духовенства, так же и из мирян, станет разбираться, кто творит неблагоприятные поступки: простой ли послушник или настоящий монах. Подрядник равняет первого с последним и не полагает между ними различия. Истинную язву обителей составляют эти бродячие послушники. Оставив один монастырь, залетит эта перелетная птица в новую обитель и начинает круг своих проделок сызнова. Изгоняемые идут дальше и имеют возможность подкармливаться в монастырях, на которые кладут пятна — целыми десятилетиями. Ведь миряне, и особенно миряне враждебные к иночеству, не посмотрят, что такой послушник совершенно посторонний монашеству человек, и, заметив в нем недочеты, видные с первого раза, начиная с совершенно немонашеского вида, осудят в нем все монашество.

«В некоторых провинциальных монастырях, — пишет один верующий мирянин, — я видал молодых людей, живущих в качестве певчих в монастырях, но одетых по-мирски. Один рассказал мне, что он — утративший отца сын сельского священника, ждет, пока по возрасту ему можно будет подать прошение на псаломщическое место, а пока содержится тем, что поет в монастыре».

Как ни излишне нахождение в обителях мирян, пусть лучше они ходят в мирской одежде, чем в послушническом подряснике. Вообще, внешний вид начинающих монахов далеко не малое дело, и эту кажущуюся мелочью неблагоприятно пренебрегать.

Бесспорно, поднятие монастырской дисциплины желательно, но скорбные жалобы, что оскудевают преподобные на Руси святой, что умножились пороки и немощи иноков, что забывают они обеты свои — не всегда имеют под собой твердую почву. Упреки эти и жалобы часто объясняются недостаточным знакомством с монастырской жизнью, суждением без проверки, с чужого голоса. Мир вообще зорко следит за недостатками жизни иноков и беспощадно указывает эти недостатки.

Нередко мир, усмотревши сучец в очеси монаха, именует его бревном; нередко порок, замеченный в одном, обобщается, как недостаток всех иноков. Не следует забывать, что вообще добрая слава лежит, а худая — бежит; добра, какое делают многие иноки, мир не видит, но бесчестный поступок стоустая молва разносит повсюду. Не забудем еще, что истинная добродетель всегда смиренна; она всячески укрывается от посторонних взоров. И, несомненно, есть в наших обителях немало и добрых старцев-подвижников; они часто незаметны даже для живущих в обители по своей скромности и истинному смирению. Нередко только после кончины доброго инока открываются все сокровища его души.

Отметив грустное явление в церковной жизни нашего времени — недоверие между пастырями и иноками, указав его причины, теперь естественно сказать, что обстоятельства современной жизни Русской Церкви требуют делателей усердных и непостыдных на ниве церковной. Само время требует повелительно той согласной работы на пользу церкви и народа со стороны белого и черного духовенства, о которой речь была раньше. Как сухая, потрескавшаяся от жары земля жаждет благодатного дождя, так народ наш жаждет родного, привычного его слуху слова церковного, отеческого. Не следует забывать, что народ русский — это народ-богоносец, что в основе и сущности своей его мировоззрение религиозно-церковное, и отказаться ему от этого мировоззрения невозможно без великой скорби и болезненных надрывов.

К этому-то живому, могучему церковному слову и делу и призвал пастырем недавно первоиерарх Церкви Русской — митрополит Антоний³ в известном всем письме к епархиальным преосвященным. «Необходимо, — говорил он своим собратьям-епископам, — необходимо нам, духовным вождям церкви, приложить всяческую заботу объединить пастырские силы не какими-либо мерами прещений и строгости, а самым тесным союзом с ними в духе любви, путем непрерывного общения и назиданий. Необходимо одних поддержать в пастырской ревности, в других ее возбудить, иных одобрить и всех направить к единой цели: к охранению православной веры, утверждению нравственности на началах христианской любви и к поддержанию государственного порядка».

Время пока еще не ушло, хотя, видимо, почва с каждым годом ускользает из-под ног деятелей Церкви. И правы окажутся те, что предсказывают потерю руководственного влияния духовенства на сознание народа, если духовенство не начнет работать усиленно, дружно. И, пожалуй, недалеко то время, когда народ, тяготеющий пока к Церкви по привычке, перестанет быть опорой православия. Об этом уже давно и не без успеха заботятся враги Церкви. По многим причинам народ

наш привязан к Церкви внешней стороной, более привычкой, чем сознательным убеждением. Будучи в большинстве своем бедным, народ давно тяготится содержанием духовенства и в общем смотрит на пастырем невысоко. На юге России взгляд этот усердно поддерживается многочисленными врагами православия из лагеря современных просветителей рационального оттенка. Они в своих целях не без видимого успеха указывают на недостатки церковной жизни у православных: на непонятность богослужения, совершаемого на славянском языке, на отсутствие живого слова, на намеренное, якобы, держание народа в невежестве, на отсутствие приходской благотворительности, на предосудительную жизнь духовных и монашествующих лиц. «Пройдет еще немного времени, — пишет В.В. Розанова, — и если духовенство не вернется к жизни, не пропитает слово свое и все отношения свои к религиозным предметам личным сердечным чувством, своим личным умом, личную пытливостью и любовью, то руководство народною религиозною жизнью будет им утрачено навсегда. Общество не хочет больше закапанных воском и замазанных деревянным маслом старых поучений. Оно жаждет живого слова, способного зажигать сердца чисто любовью».

Пастырям и миссионерам с чувством великой скорби приходится наблюдать на местах, как уходят в сектантство и старообрядчество лучшие люди в приходе, становясь потом открытыми врагами всего, что носит имя православия. Разгадку этого грустного явления приходится искать не в ином чем, как в том, что представители современной православной Русской Церкви мало удовлетворяют религиозные запросы и потребности своих членов, особенно из простого народа. Нет сомнения, что, благодаря школам, народ в своем умственном развитии шагнул далеко; теперь он уже хочет осмыслить свою веру, и вопросы — что, как и почему существует в Церкви, к которой он принадлежит — очень тревожат сердце народное, волнуют его проснувшийся ум. Любознательность народа еще более увеличивается от проникающих в его среду религиозных идей чисто отрицательного характера.

Православный пастырь в храме и в доме прихожанина должен бы удовлетворять религиозное чувство народа, проснувшуюся любознательность народную. Но он только отправляет богослужение, живому слову пока, за редкими исключениями, не отдается. Самое богослужение наше, умиленное и трогательное само по себе, могло бы удовлетворить эстетически религиозное чувство народа, возбуждать и развивать в нем молитвенные порывы, облагораживать его нравственно — это богослужение часто совершается невнятно, торопливо. Слова благовестия Христова читаются в храме на языке славянском, хотя и понятном для народа, но не изъясняются с церковной кафедры и через то не проникают в глубину духа народного. И нужно иметь много любви

³ Митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский Александр Васильевич, 1846–1912).

и привязанности к Церкви, чтобы простоять зимою в очень холодном, а летом в душном храме несколько часов подряд, мало понимая, что говорят и что делают в нем. Не находя полного удовлетворения своему уму, религиозному и эстетическому чувству в храме, наш народ мало хорошего видит и в жизни православной общины. Видит он в приходе беспомощную бедность одних рядом с богатством других, холодных и безучастных к положению бедняков; видит он раздоры в семье, ссоры между родственниками и соседями; наблюдает частые случаи воровства, насилия, разбоя, поджогов, поголовного пьянства, разгула молодежи, лицемерия в делах веры. Видит, что все эти пороки изо дня в день множатся и растут, никем не сдерживаемые. И вот от несовершенства христианской жизни ищущий спасения и лучшей жизни заключает о несовершенстве православной веры, забывая, что причина недостатков зависит от людей, коренится в их слабой, или злой, испорченной воле. Не отпадая открыто от Церкви, не порывая с ней пока видимой связи, лучшие люди из народа, ищущие спасения, очень близки к отпадению от Церкви или, по крайней мере, представляют из себя хорошо подготовленный материал для насаждения и произрастания семян всякой лжи и мнимого показного благочестия сектантов.

Бесспорно, что при таких условиях современной жизни для успешного выполнения пастырского и учительского долга потребно весьма многое... <...>

... совершенно как трата угля на паровозе: она дает пар. Под огромные горные хребты люди прорывают туннели. Они нередко гибнут при этом, но идут. Неужели же для того, чтобы нравственно переродить общество верующих, можно обойтись без утомления, без ран и страданий?

Нет нужды смущаться величию предстоящего дела и трудностями задачи. Даже светская литература за последнее время отмечает полноту и величие власти пастырской. «Вам, пастырям, по вере вашей вручена власть прямо неслыханная, выше всякой власти на земле, единственная власть, какую указал Христос, — говорит современный Рахметов, сбитый с толку политическими доктринами, своему школьному товарищу по гимназии, поступившему в священники — Троицкому, на исповеди. — На голову вашу излито помазание пророческое. Рука святителя передала вам благодать Святого Духа совершенно особенную, исключительную, сверхъестественную, выделяющую вас из всего человеческого рода. Боже мой! — восклицает Рахметов, — если бы верил, будь я священником, я с ума сошел бы от высокого призвания, от несказанного величия. Посмотри, — говорит он Троицкому, — на гордых послов великих держав: как они едут цугом с пестрыми драгоманам на козлах, со скороходами впереди. Смешно... Но эта расшита

золотом букашка и в самом деле несет в себе все могущество пославшей его короны. Вы же — посланники самого Бога; если только капельку верите, чему учите, то вы — посольство Христово, посольство от высочайшей и вечной Власти, против которой нельзя ни воевать, ни бунтовать. Которой остается только покоряться... <...>

...-ных незыблемых основ нравственности.

Возможное опасение, что в этом кроется призыв к широкому участию не только пастырей, но даже и иноков в водвороте политических страстей и партий — отпадает само собою, ибо легко может быть устранен практическим применением этого участия. Здесь не должно быть места открытой пропаганде или публичного призыва к единению с известными политическими партиями. Нет. Но когда верующие люди просят или обстоятельства заставят пастыря или влиятельного инока сказать слово высшей правды о текущих событиях, то ни тот, ни другой не должны оставить их без удовлетворения, не должны уклониться от посильных разъяснений. Открытое письмо духовенству Херсонской епархии от комитета умеренных практически разрешает этот вопрос. «Знаем, — говорится в этом документе, — что в единении — сила, что нашему духовенству дороги святыни родины; знаем, что и влияние его на паству еще сильно и велико, и ждем от него нравственной и материальной поддержки для защиты столь дорогих каждому из нас родины, Царя и веры». Это голос паствы к пастырям. И едва ли будет справедливо отказать в исполнении этой просьбы, которой ждут от них люди верующие и преданные Церкви Православной. Ведь всякий пасомый имеет право обратиться к своему духовному руководителю с подобной просьбой, и пастырь обязан оказать просимую помощь, необходимое, в духе любви и кротости, разъяснение, дабы не порвать с ним духовной связи.

Что касается монастырей и иноков, то... <...>

...Часть этого любопытного документа приведем в выдержках.

«Ищите прежде царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам»,⁴ — напоминают нам смиренные валаамские иноки часто забываемую евангельскую истину. «Вот где и в чем, — говорят они, — лекарство против наших общественных и государственных недугов. Пусть на Руси утвердятся православная вера, пусть каждый русский крепче сознает, что он сам и все мы сыны одной общей матери — Православной Церкви, братья, связанные между собою союзом теснейшим и драгоценнейшим всякого плотского союза. Тогда мы поймем, что мы должны не только посещать наш приходской храм, но и жить с нашим приходом одной общей

⁴ «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6.33); «Наипаче ищите Царствия Божия, и это все приложится вам» (Лк. 12.31).

братской жизнью. Мы поймем, что приход для нас — родная семья, приходские радости и печали — наши радости и печали. Есть у нас недостаток, наши собратья помогут нам, а с другой стороны, и мы сами наши достатки, все наши силы и способности готовы отдать на службу нашим нуждающимся собратьям. И вот, если бы покрылась святая Русь такими христианскими приходами-братствами, всем было бы жить хорошо, не было бы среди нас нуждающихся, не было бы и смут, и взаимного раздражения, и истребления. Конечно, трудно нам, теперешним людям, отвыкшим от высочайшей веры и любви, желающим все получить... <...>

...в печати, типография должна быть при каждом самостоятельном монастыре, так как возможно, что частные типографии, большинство которых в руках евреев, будут отказываться печатать в нужное время все, где упоминается о вере и нравственности, все, что не подходит под либеральные мерки. Между тем изданием таких листков могут похвалиться лишь немногие монастыри; да и в этих монастырях дело это ведется не в столь широких размерах, как того следовало бы желать.

Вот дело, в котором иноки могли бы оказать незаменимую братскую услугу приходским пастырям. Рядом с ним должно бы стоять прекрасно организованное дело проповеди в монастырях. Что же мы видим на деле?

В редких обителях можно встретить проповедника. И если наши монастыри дают обильную пищу для удовлетворения духовной жажды паломников, то это касается только церковной службы. Только в лучших общежительных монастырях наших (каковы: Валаам, Оптиная, Зосимова, Глинская, Софрониева пустыни), где устав соблюдается довольно строго, поучение введено в богослужебный чин. В этих обителях за утреней после первой кафизмы читается толковое Евангелие; после шестой песни канона — пролог или синаксарь из Триоди; за литургией же всегда предлагается поучение из книги «Златоуст» или какое-либо другое. Одно простое чтение этих поучений оказывает безусловно большое и благотворное влияние на ум и чувство слушателей. Но спросите сотни богомольцев, возвращающихся из наших монастырей, и редкий из них сумеет рассказать вам о месте, где он был и о святынях, коим он поклонялся. В монастыре не нашли нужным дать ему самых простых сведений про историю обители и про ее святыни. В каждом монастыре существует множество должностей по хозяйству: в нем вы найдете и казначея, и свечника, и просфорника, и заведующего иконописным делом, и даже фотографа, но проповедника не найти среди иноков. Надо желать, чтобы ученые иноки проходили по монастырям деятельную школу подготовки к церковной проповеди, вносили бы сюда живое слово, и слово это напояло бы жаждущие души водой обильной и целебной.

Теперь нередко к обителям делается призыв благотворить. Ведь нельзя к этому призыву не присоединиться от всего сердца; ведь нельзя смотреть на монастырь, как на кладбище, в котором люди хоронят себя для жизни и общественной деятельности, и поэтому приглашение монастырей к благотворительной деятельности в переживаемое нами трудное время — вполне уместно. И для монастырей, и для их обитателей действительно настало опять то время, когда все чтимые по разным русским углам святые угодники все свои знания, все свое умение, весь ум всегда отдавали нуждающимся в них, отдавали массе народной. Никто из этих Божиих угодников не берег этих сокровищ про себя, а прямо нес туда, где они нужны, и везде оставлял ощутительные следы и знания, и доброты сердечной, и утешения. Угодники Божии были истинной интеллигенцией русского края, внесли в народную массу бездну нравственной и физической опрятности, а главное — старались и умели развить эгоистическое сердце человека в сердце всескорбящее (Глеб Успенский). В общей правильно организованной благотворительной деятельности найдется много дела для всех: и для приходов, и для пастырей, и для иноков. Существующие приюты и богадельни показывают, сколько работников, сколько труда от всех требует это живое дело.

И надо желать и надеяться, что монастыри явятся образцом организованной благотворительной деятельности для приходов и духовенства белого. В этом случае у монастырей бесспорное преимущество перед приходами в сплоченности их, в самом общежительном устройстве обителей. Нечего уже и говорить о том, что многие монастыри располагают значительными материальными средствами. И средства эти, благодаря хорошо поставленной хозяйственной стороне в монастырях, не будут сокращаться, поскольку народная лепта все еще идет туда почти по-прежнему. А наступающие по временам в разных местностях империи голодовки, эпидемии и другие народные бедствия дают широкий простор для истинно-христианского подвига и благотворительности иноков. И посмотрите, как в Леснянском монастыре женском или на Валааме поставлено это дело: там благотворят без шума, без крику; видно, что там люди жаждут подвига и делают живое, доброе и нужное дело. Там же, в особенности в Леснянской обители, можно поучиться не менее живому делу — делу воспитания подрастающего поколения в духе преданности заветам Церкви Православной. Заботы матушки Екатерины и ее сподвижниц поистине достойны всякого подражания и для других монастырей не только окраинных, но и центральных губерний. Невольно соглашаешься с М. Тареевым, предпринявшим поездку в Лесну и талантливо описавшим ее в «Богословском Вестнике», что там работают «живые души». К счастью, в деле воспитания подрастающего поколения наши женские обители идут впереди мужских монастырей и в тиши келейной жизни совершают дело великой исторической важности.

Указанный Леснянский женский монастырь, кроме благотворительной и просветительской деятельности своей, является еще оплотом православия против католиков и униатов и имеет, так сказать, значение миссионерское. Строго говоря, и все монастыри наши должны иметь это значение: одни — окраинные — в... <...>

...ведническим назиданием, для чего отцы настоятели оказывают всяческое содействие просветительной проповеднической деятельности епархиальной миссии. Желательно озаботиться, чтобы в обителях имелись монашествующие, способные к произнесению миссионерских проповедей и ведению с богомольцами положительных бесед о догматах православной Церкви не только в храмах, но и на открытом воздухе и в странноприимницах. Причем каждый монастырь должен обязательно раздавать народу (например, при покупке свечей, при записи на поминовение и проч.) апологетические миссионерские листки и брошюры.

Дабы каждый монашествующий мог дать вопрошающему, по слову апостола, ответ о своем уповании по предметам, пререкаемым лжеучениями современных расколоучителей, а также — иноверия и инославия, особенно данной местности, где находится та или другая обитель, желательно ознакомление монашествующей братии с учением истории и обличения местных сект хотя бы в главнейших чертах, для чего надлежит местным епархиальным миссионерам, при объездах епархии, посещать и обители с целью проведения в них руководящих миссионерских бесед. Все библиотеки монастырские должны быть снабжены книгами и изданиями по истории и обличению раскола, сект, а также иноверия и инославия.

Желательно устройство при монастырях, где имеется в том настоятельная надобность и позволяют средства, миссионерских специальных школ и курсов, как для монашествующих лиц, так равно и для клириков и мирян. В видах деятельного содействия успеху миссии в борьбе с врагами Церкви обители должны оказывать всяческое содействие епархиальной миссии устройством при монастырях миссионерских съездов и собраний для выяснения наилучших способов и средств к борьбе с лжеучениями, а также отпуском на нужды миссии денежных средств... <...>.

Смоленские Епархиальные Ведомости, 1912 г. №3.

Приложение №1

Перечень литературных трудов священномученика Дамиана (Воскресенского), архиепископа Курского и Обоянского

Недостатки русской иконописи и средства к их устранению. — СПб., 1905 г. // Текст взят с сайта Богослов.ру. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/library/text/259163/index.html>

Святитель Иоасаф (Горленко), епископ Белгородский и Обоянский. — Православный Финляндский сборник, 1910 г.; отдельной брошюрой издана в 1911 г. / Текст не обнаружен/.

Пастырство и монашество. — СЕВ, 1912 г. №3. — С. 118–134. /Текст сохранился фрагментарно/.

Слово на торжественном всеобщем бдении в Богоматерской церкви 2 августа сего года накануне великого крестного хода из Смоленска на Бородинское поле. — Смоленские Епархиальные Ведомости, 1912 г. №15. — С. 758–766.

Слово пред изнесением Смоленской Надворотней иконы Богоматери из Спасо-Бородинского монастыря 27 августа 1912г. — СЕВ, 1912 г. №17. — С. 972–977.

В лоно Церкви. (Из современной церковно-общественной жизни). — СЕВ, 1913 г. №8. — С. 423–431.

Празднование 300-летия царствования Дома Романовых в Смоленской Духовной Семинарии 14 марта сего года. Речь, сказанная Ректором Семинарии, Архимандритом Дамианом пред благодарственным молебным пением в храме св. Иоанна Богослова при Смоленской Духовной Семинарии. — СЕВ, 1913 г. №9 — С. 498–499.

Речь пред благодарственным молебствием 8 июня 1913 года окончившим курс воспитанникам Смоленской Духовной Семинарии, 1913 г. №12. — С. 621–625.

Наша интеллигенция. (Из современной церковно-общественной жизни). — СЕВ. 1913 г. №19. — С. 815–821.

Русское православие и западные исповедания в богослужении и обряде. (Очерк). — СЕВ, 1914 г. №1. — С. 3–9; №2. — С. 25–34; №3. —

С. 57–68; №4. — С. 95–102; №5. — С. 133–138; №6. — С. 163–169; №7. — С. 193–205.

Трезвость и милосердие. (Слово, сказанное 19 октября с.г. в помещении Симбирского госпиталя Красного Креста, при открытии сего госпиталя). — СЕВ, 1914 г. №20. — С. 595–598.

Речь при пострижении в монашество о. духовника Смоленской духовной семинарии, протоиерея Иосифа Сергеевича Алмазова. — СЕВ, 1914 г. №21. — С. 616–620.

Кто ныне изменяет Христу? — СЕВ, 1915 г. №5. — С. 155–159.

Победа приобретается страданием. — СЕВ, 1915 г. СЕВ. №15. — С. 511–515.

Не в силе Бог, а в правде. (Произнесено за Литургией на месте убийства святого князя Глеба, — у Смядыни. — СЕВ, 1915 г. №17. — С. 570–575.

У Сибирских стрелков. — СЕВ, 1916. №4. — С. 63–74.; №5. — С. 93–107.

Из местной жизни. — СЕВ, 1917 г. №2. — С. 31–34.

Докладная записка. — СЕВ, 1917 г. №9. — С. 241–244.

Проект пастырских школ. — СЕВ, 1917 г. №9. — С. 244–248.

Религиозная революция. (Слово, сказанное в семинарской церкви в неделю 23 по Пятидесятнице). — СЕВ, 1917 г. №25. — С. 161–165.

Наши надежды и молитвы. СЕВ, 1917 г. №28. — С. 209–213.

Правда социализма. — СЕВ, 1918 г. №3–4. — С. 33–36.

Речь при наречении во епископа Переславского. — Владимирские епархиальные ведомости, 1918 г. №9. — с. 64. // Текст взят с сайта Переславской Краеведческой Инициативы. Режим доступа: <http://pki.ru/articles/p-damian1918speech.pdf>

Письмо сестре. 13/26 июня 1921 г. — Архив УФСБ по Владимирской области. Архивно-уголовное дело №П–6401. Л. 19. // Публикуется по книге В. Г. Карнаевича и священника Владислава Реутова «Новомученики и исповедники земли Курской». — Курск, 2006. 150 с. — С. 54–55.

Послание боголюбивым пастырям, инокам и всем верным чадам Церкви Курской. 1928 г. — Архив УФСБ по Белгородской области. Архивно-уголовное дело №7883. Приложение. // Публикуется впервые.

Приложение №2

Переславский епископ — курский уроженец

29 апреля сего года в кафедральном соборе г. Владимира на Клязьме торжественно совершена хиротония архимандрита Дамиана в епископа Переславского, викария Владимирской епархии. Новохиротонисанный епископ, по месту своего рождения, образования и служебной деятельности, имеет близкое отношение к Курской епархии. В мире он назывался Димитрий Григорьевич Воскресенский; сын священника села Фентисова Щигровского уезда, родился 24 октября 1873 года.¹ Среднее образование получил в местной духовной семинарии, курс которой с званием студента окончил в 1894 году. До поступления в 1901 году в Петроградскую духовную академию, состоял псаломщиком, надзирателем Старооскольского духовного училища и в течение пяти лет сельским священником. В монашество пострижен в 1904 году. По окончании академического курса в 1905 году со степенью кандидата богословия, отец Дамиан преемственно занимал — преподавательскую должность в Смоленской духовной семинарии, по кафедре литургики, смотрительские должности в духовных училищах — Старооскольском и Обоянском. 28 июля 1911 года назначен ректором Смоленской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. Кроме педагогической деятельности, преосвященный Дамиан известен и своими литературными трудами. Состоя членом Курской церковной историко-археологической Комиссии, он принимал деятельное участие в издании «Документов и дел, относящихся к жизни и деятельности святителя Иоасафа (Горленко), епископа Белгородского и Обоянского». Ко времени его прославления в 1911 году издал отдельной брошюрой свою статью, напечатанную в Православном Финляндском сборнике (за 1910 г.), под заглавием «Святитель Иоасаф (Горленко), епископ Белгородский и Обоянский». Дельные статьи его часто печатались на страницах Смоленских Епархиальных Ведомостей.

*Курский епархиальный вестник, 1918 г. — С. 435–436
(по сквозной нумерации).*

¹ Дата и место рождения священномученика Дамиана в заметке указаны не точно.

Приложение №3

Акафист священномученику Дамиану, архиепископу Курскому

Кондак 1

Духа Святого носителю избранный, исповедниче Церкви Православный, адаманте твердейший, похвальная вопием ти, святыи священномучениче Дамиане с сонмом новомучеников — Ревнителей Церкви, кровию своею всю Россию освятивших, приносим похвалы своя. И, взирая на благие страдания твоя, зовем ти: Радуйся, святителю Христов Дамиане, Курскаго края священное украшение.

Икос 1

Ангелы и Боголюбивые людие Христу приносят благодарение, от Арода священническаго для пастырскаго служения тя избравшего, святителю Богомудре Дамиане. Во дни гонений лютых, яко страж верный и пастырь добрый, паству Курскую не оставил, но душу свою за спасение ея положил. О сем похвальная вопием ти: Радуйся, рода иерейскаго Богоугодной молитвы рождение; Радуйся, земли Курския благоуханное цветение. Радуйся, Духа Святаго сосуде избранный. Радуйся, воплощение доброты и богомудрия; Радуйся, Святой Руси Божие предначертание. Радуйся, веры нерушимое основание. Радуйся, пламенный ревнителю апостольских преданий. Радуйся, святителю Христов Дамиане, Курскаго края священное украшение.

Кондак 2

Провидев щедролубивый Господь, яко верным чада Православный Церкви многими соблазнами обуреваемы быти, Ангела — Провозвестника Евангельския истины, глашатая неустрашима в земле нашей воздвиже тя Господь, пастыря добра, яко душу свою за овцы полагающа. Мы же, благодаряще Бога, пастыря верна и стража прилежна даровавшего нам, зовем Ему: Аллилуйя.

Икос 2

От юности твоя, Богомудре Дамиане, орлу уподобился еси, к высоте небесней возлете, да постигнеши Богословскую премуд-

рость в свете истиннаго благочестия просветившея. Мы же, наставляеми тобою, поклонимся Богу, во Троице Святей славимому, вопия ти похвалы сия: Радуйся, паству Христову паче благ мира сего возлюбивый; Радуйся, делателю винограда Христова избранный. Радуйся, твоими молитвами гнев Божий утоляется. Радуйся, святителем Владимирские земли поставленный. Радуйся, нашего упования не посрамляющий; Радуйся, разума Апостольския Церкви хранителю. Радуйся, святителю Христов Дамиане, Курскаго края священное украшение.

Кондак 3

Сила Вышняго яве показа тя, священнопроповедниче Дамиане, в Струдах крестоношения суща, егда всеоружием Божией благодати козни тьмочисленных враг Православный веры разрушал еси, Богу поя: Аллилуйя.

Икос 3

Имея веру несомненную и помысл чист, вся красная мира сего презрел еси, Дамиане Богоблаженне. И в чине святительством Господеву послужил еси. Тем же благостию украшенный, аки звезда путеводная светиши всем, вопиющим ти: Радуйся, Единого Христа всем сердцем возлюбивый; Радуйся, дарованный талант приумноживый. Радуйся, яко угождал еси Богу всяческим служением; Радуйся, правды и истины всегда искавый; Радуйся, истину дерзновенно вещавый. Радуйся, святителю Христов Дамиане, Курскаго края священное украшение.

Кондак 4

Бурю страстей внутри имея, помышлениями суетными обуреваемы, не возможем, Дамиане всемудре, величия мученичества твоего проповедати, обаче твоими молитвами ко Господу в правоверии и благочестии укрепляемы, воспеваем Ему: Аллилуйя.

Икос 4

Слышавше и видевша людие православныя равноангельское стояние твое, на страже апостольской чистоты веры и единства Церкви Христовой, достоблаженне Дамиане, веру непорочно соблюдше и Имя Христово прославивше. Мы же, видя величие подвига твоего, зовем к тебе прилежно: Радуйся, Христа возлюбивый, с ним же за мир

сораспеншийся; Радуйся, теплотою Божественной любви души наша согревающий; Радуйся, стада Христова пастырь верный; Радуйся, молитвенник за народ наш неутомимый. Радуйся, обуреваемых тихое пристанище; Радуйся, заблудших благостный наставник. Радуйся, святителю Христов Дамиане, Курского края священное украшение.

Кондак 5

Боготечную звезду яви ты Господь, досточудне отче наш Дамиане; зане паству твою добре осиял еси светом Евангельской истины, правы стези указуя к Царствию Христову и научая присно взывати к Богу: Аллилуйя.

Икос 5

Видевше гонители здочестивые, яка твердо упование твое на Господа и любовь к Нему, злобою дышащие людие страдания измышляху; ссылкой изнурения веру твою поспрати и ты посмеянием диаволу явити. Ты же вся козни бесовские поспрал еси. О сем мы приносим тебе похвалы таковыя: Радуйся, у кормила правления епархией твердо стоявый; Радуйся, свет Христов верным возсиявый. Радуйся, яка тобою ревности по Бозе исполняемся. Радуйся, нужды духовно окрадуемых восполнение; Радуйся, народу православному похваление. Радуйся, святителю Христов Дамиане, Курского края священное украшение.

Кондак 6

Проповедник благочестия явился еси, делателю непостыдный и право правящий слово Истины, священномучениче Дамиане, яко добрый воин Христов ограждая паству свою в годину искушений и соблазнов и подвизаясь взывати истинному Богу: Аллилуйя.

Икос 6

Возсиял еси во граде Полтаве, яко звезда лучезарная, блистанием твоим озаряя души верных и разгоняя тьму нечестия, ныне плодами сеяния насыщавши вся, мы же с любовью взываем к ти сице: Радуйся, на престол святительский промыслом Божиим восшедый; Радуйся, крестный путь с паствой своей прошедый; Радуйся, яко овец заблудших и обреченных на заклание не оставил еси. Радуйся, даже едину овцу заблудшую отыскавый. Радуйся, для народа русского со-

кровище драгоценное — Церковь сохранивый; Радуйся, от распрей церковных много скорбевый. Радуйся, святителю Христов Дамиане, Курского края священное украшение.

Кондак 7

Желая невозбранно пастырем добрым быти, Богоносне отче Дамиане, на пользу чад своих, да вси възьмут истиннаго Бога. Мы же, уповая на преславное ходатайство твое, со дерзновением воспоем: Аллилуйя.

Икос 7

Перваго и дивнаго святителя по патриаршему благословию Церкви Российскойскаго вемы ты, святителю Дамиане, понеже во исповедании не устрасился еси человеческих прельщений и святоотеческия заветы соблюл еси. Сего ради и крепость духовную подаде ти Глава Церкви — Христос; мы же, недостойнии, приносим ти сицевая; Радуйся, самоотвержение всецело показавши; Радуйся, спасение многих възьскавый. Радуйся, промысла Божия о людех провозвестниче; Радуйся, дивное нравов очищение. Радуйся, послушание патриаршему Местоблюстителю явивый; Радуйся, сокровищ Православной веры усердный хранителю. Радуйся, святителю Христов Дамиане, Курского края священное украшение.

Кондак 8

Странное и преславное чудо есть маловерным и малодушным зрети ты, святителю Дамиане, како во дни гонений на Курскую кафедру пришел еси, Православную веру утвердил еси, мудростию словес своих научил еси стадо твое Богоугодно воспевати: Аллилуйя.

Икос 8

Весь исполнь любве Христовы, паству свою не оставил еси, молитвы Всевышнему о нас возсылая; мы же, чтущие светлую память твою, благодарственное пение приносим ти: Радуйся, обилием любви твоея мир удививый; Радуйся, славу предоброго и преблагого пастыря снискавый; Радуйся, апостольских преданий ревнителю; Радуйся, вокруг себя верных собравши; Радуйся, верность Царю святому Николаю сохранивый; Радуйся, архиереев соседних епархий

объединивый; Радуйся, яке Божественнаго священства правило был еси; Радуйся, святителю Христов Дамиане, Курскаго края священное украшение.

Кондак 9

Вси людие паствы курския, видевшие тя, архипастыря своего, обличившего опустошителей храмов Божиих, яко пророк Илия лже-пророков Иезавелиных, ты же любовью к людям исполнен сый, слезных молитвы Богу вознося, зывал Ему: Аллилуйя.

Икос 9

Ветии многовещанная не возмогут по достоянию изрещи пречуднаго прославления памяти твоея, священномучениче Дамиане; мы же, к покаянию тобою подвигаемии, благосердию твоему подражати хотяще, песньми похвальными тя ублажаем сице: Радуйся, добрый наставниче и мудрый правителю; Радуйся, колеблющихся в вере твердый оградителю. Радуйся, яко тобою Святое Православие ревностно охраняется; Радуйся, во мраце нечестия правую веру утверждавши; Радуйся, славу Царю Небесному мужественно снискавши; Радуйся, гнев Божий на милость к нам, грешным, преложивый, Радуйся, святителю Христов Дамиане, Курскаго края священное украшение.

Кондак 10

Спасти хотя Церковь Русскую, преславне отче наш Дамиане, ревнителей веры отеческой совокупил еси, богоборческим козням противился еси. Мы же, почитающе всечестныя страдания твоя, вопием прославльшему тя Богу; Аллилуйя.

Икос 10

Матерь Божия, Стена неборимая, Небеси и земли, Владычице пречистая, град Курск ограждающая, строителя тайн Божиих и стража верна Церкви Сына своего и Бога нашего избрав тя, отче Дамиане; ныне же ты у престола Царя Славы на Небесех со всеми святыми и Ангелами Небесными, молишься о нас. Мы же, радостию исполненнии, вопием ти: Радуйся, Покровом Пречистыя Богородицы осеняемый. Радуйся, Эдема Небесного сопричастниче. Радуйся, Ангелам собеседниче, святым соучастниче. Радуйся, в невечернии дни Райских блаженств наслаждаешься. Радуйся, изможденных горестями житей-

скими укрепляющий. Радуйся, святителю Христов Дамиане, Курскаго края священное украшение.

Кондак 11

Пение умиленное приносим ти, священномучениче Христов, сияеши бо ныне на небеси, яко верен Святитель правдою одеялся еси и в рай сладости вкушаеши; о песнословящих Тя Христа прилежно моли, вопиющих Ему: Аллилуйя.

Икос 11

Светозарного светильника, елея молитвы чистыя преисполнена, и пламенем веры светло сияюща, воздвиже тя Господь, священномучениче Дамиане, Богохранимей земле Курския. Мы же, зряще тя в Троическом Свете пребывающа и Отечеству нашему мира и благоденствия просяща, с упованием веры, зовем ти: Радуйся, на земле преподобного Феодосия рождшийся, Радуйся, святителя Иоасафа славный преемниче, Радуйся, Иоанна Затворника достойный продолжателю, Радуйся, преподобного Серафима во образ себе избравший, Радуйся, преподобного Исаакия в пример вменивший, Радуйся, святому Онуфрию путь уготовлявший. Радуйся, Собора Курских святых преславное украшение. Радуйся, святителю Христов Дамиане, Курскаго края священное украшение.

Кондак 12

Благодати Святаго Духа испроси народам православным, преблагый пастырю стада Христова Дамиане пречудный. Ты же, молитвенниче всеусердный, ублажи Пречистую Матерь и всех Святых, во еже спастися нам. Силою благодати укрепит и нас, немощных, да твоими молитвами всякия козни победим, вопием Всеблагому Богу нашему: Аллилуйя.

Икос 12

Поюще многострадальныя подвиги твоя, святителю Христов Дамиане, и ублажаем мученическую кончину твою, ибо тобою в Троице славимый Бог наш славно прославился. Сего ради приносим ти похваления сицевыя: Радуйся, труд крестоношения Богоугодно подъявый; Радуйся, сосуде Духа Святаго исполненный; Радуйся, вечное приемый от Бога благословение; Радуйся, за веру и благочестие

заточения и смерть приявый; Радуйся, славы Божией велий ревнителю; Радуйся, паствы твоея присное радование. Радуйся, святителю Христов Дамиане, Курскаго края священное украшение.

Кондак 13

О, преславный исповедниче Христов Дамиане! Приими от нас, любящих тя чад твоих, приносимое тебе малое моление наше и теплым ходатайством твоим ко Господу огради Церковь Православную и Боголюбивый народ наш, от междоусобиц братских, расколов и еретических смятений, да в покаянии сокрушенном избавимся праведнаго гнева Божия, бед и грядущия вечныя муки и сподобимся с гобою, яко чада со отцем, во веки воспевати Богу; Аллилуйя, Аллилуйя, Аллилуйя.

(Этот кондак читается трижды, затем икос 1 и кондак 1)

Молитва священномученику Дамиану, архиепископу Курскому и Обоянскому

Святый новомучениче, святителю Христов Дамиане! Дивный пастырю и доблестный воине Христов! Ты всею душою от юности заповеди Божий возлюбил еси. Тем же Господь яви тя преемника Апостолом Своим. И во дни гонения лютого на веру Православную, яко истинный пастырь, явился еси, крестный путь с паствою своею прошед и тако венец мученический восприял еси, обретший благодать, молитеся за ны. И ныне, о ходатаю наш пред престолом Царя Славы, испроси у Него веру отеческую утвердити, Церковь Святую от ересей и расколов оградити, верных укрепити, заблудших обратити, болящия исцелити, многострадальное Отечество наше умирити и от врагов сохранить ненаветно. И молитвами твоими избавимся от всякия беды и напасти, и тако на земли благочестно поживше, жизни вечныя на Небеси сподобимся, идеже вкупе со всеми Святыми прославим в Троице славимаго Бога Отца, и Сына, и Святого Духа, во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 4:

От юности Христа возлюбил еси, святителю Дамиане, к тебе, яко скорому молитвеннику и помощнику, милостиво припадаем и усердно молим: защити землю Российскую и спаси души наша.

Кондак, глас 3:

Святительскую благодатию облекся еси, Церковь святую, яко Невесту Христову, страданиями доблесне укреплял еси. Моли о нас Христа Бога, святителю Дамиане.

Величание:

Величаем тя, святителю отче Дамиане, и чтим святыя страдания твоя, яже за Христа претерпел еси.

Источник:

По благословию Митрополита Курского и Рыльского Иувеналия.

К 250-летию со дня рождения преподобного Серафима Саровского.

Православная община св. Кирилла и Мефодия.

*Автор-составитель священник Владислав Реутов.
Курск — 2004 год.*

Лист благодарностей

Благодарим за помощь в исследовательской работе Галину Ивановну Феногенову, Галину Николаевну Симаненко и других сотрудников отдела периодики Федерального государственного учреждения культуры «Государственная публичная историческая библиотека России»; Вячеслава Михайловича Рябкова, Василия Владимировича Меженина, Валентину Викторовну Боеву, Оксану Михайловну Хижнякову и других сотрудников Управления ФСБ РФ по Белгородской области; Сергея Петровича Зверева и других сотрудников архива Управления ФСБ РФ по Курской области; создателей сайтов «Богослов.ру» и «Переславская краеведческая инициатива».

Персональная благодарность за поддержку и ценные советы иерею Владиславу Реутову, В. Г. Карнаевичу, протоиерею Валерию Лавринову, монахине Сусанне (Барыкиной), инокине Иларии (Трофимовой), З. Д. Ильиной, А. Ю. Бирюкову, Н. П. Акимовой, В. Д. Шатилову, С. В. Гарбовскому.

По вопросу сотрудничества и приобретения книг,
изданных при участии Покровского храма
(с. Кунье Горшеченского р-на Курской обл.),
можно обращаться
по тел. 8-915-567-27-31
или
rusinvm@yandex.ru

Оглавление

Духовное наследие священномученика Дамиана.....	3
«Известен своими литературными трудами».....	3
Призвание	5
«Держаться церковного предания и не уклоняться в сторону новомодных требований светской живописи»	7
Смотритель, историк, ректор	9
Святыни не спасают, когда подорвана вера	10
Историческое значение 300-летия Дома Романовых.....	11
Семинаристам: не закапывайте талантов	11
Исцеление интеллигенции. В. В. Розанов	13
Нравственное перерождение верующих.....	14
Православие: «жизнь таинственного общения с Богом»	14
«Тревожные дни войны»	15
Предчувствие.....	17
«Родина идет к гибели»	17
«Церковь снова гонима»	18
«Архиерейское служение полно скорбей, лишений и страданий» ..	20
«Губернские узы».....	22
«Изъятие».....	24
«С программой «Живой Церкви» православное сознание мириться не может».....	26
Временный Высший Церковный Совет «не от Бога».....	29
«Умоляю вас оставить споры, порожденные гордыней»	32
4,3% обновленцев	35
Белгородская «григорианская» епархия	36
Рыльское викариатство и священномученик Иоанн (Пашин).....	38
Старооскольская епархия и священномученик Онуфрий (Гагалюк) ...	39
«Плетневская контрреволюционная монархическая организация церковников».....	40
«Обоянская организация» и священномученик Петр Григорьев....	42
По всем вопросам — к архиерею.....	43
Начало «безбожной пятилетки»	46
«Религия вам ненавистна, как свет хищным совам»	47

«Наш лозунг — «Смерть коммунистам!».....	49
«История ревнительских групп»	51
О ревности Божией и соцсоревнованиях	52
Протоколы допросов как часть духовного наследия	54
Священноисповедник Николай (Могилевский): 5 лет лагерей «за популярность»	57
Соловки. «Подбивал верующих заключенных» к молитве	58
Сандормох — урочище-мощевик.....	59
Тема отдельного исследования	60
Голос святого	61
Недостатки русской иконописи и средства к их устранению.	
(Историко-критический очерк)	63
I	63
II.....	77
Слово на торжественном Всенощном Бдении в Богоматерской церкви 2 августа сего года накануне великого крестного хода из Смоленска на Бородинское поле.....	88
Слово пред изнесением образа Смоленской Надворотней иконы Богоматери из Спасо-Бородинского монастыря 27 августа 1912 года.....	93
В лоно Церкви (Из современной церковно-общественной жизни) ..	97
Наша интеллигенция (Из современной церковно-общественной жизни)	103
Празднование 300-летия царствования Дома Романовых в Смоленской Духовной Семинарии 14 марта сего года. Речь, сказанная Ректором Семинарии Архимандритом Дамианом пред благодарным молебным пением в храме святого Иоанна Богослова при Смоленской Духовной Семинарии	108
Речь пред благодарственным молебствием 8 июня 1913 года окончившим курс воспитанникам Смоленской Духовной Семинарии.....	110
Речь при пострижении в монашество духовника Смоленской духовной семинарии протоиерея Иосифа Сергеевича Алмазова....	114
Русское православие и западные исповедания в богослужении и обряде (Очерк)	117

Православное богослужение — драгоценное сокровище.....	117
В протестантском храме: «Школа религиозных отвлеченностей»..	118
В англиканском храме: «Собрание леди и джентльменов»	121
В католическом храме: «Оземление неба»	123
В православном храме: «Жизнь таинственного общения с Богом...»	128
Икона, а не картина	130
Пение, укрощающее душевные страсти.....	133
Вторжение моды в церковное искусство	133
Убеждение красотой и святостью	134
«В самую торжественную минуту бытия человеческого».	
Православный погребальный обряд.....	135
«Со святыми упокой» на английском языке	137
Крематорий во имя науки? В защиту кладбищ	139
«Православная церковь красна народом»	141
«Чтобы потребность в церкви не оставалась без удовлетворения» ..	143
Чему нам стоит поучиться у немцев и англичан	144
Православные храмы за границей: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет»	145
Подделка под православие: русские католики восточного обряда..	149
Сектантство: «болезненная страсть предательства всего родного»	154
В Дому Божьем мы дома	156
Трезвость и милосердие (Слово, сказанное 19 октября сего года в помещении Симбирского госпиталя Красного Креста при открытии сего госпиталя)	159
Кто ныне изменяет Христу?	162
Победа приобретается страданием.....	166
Не в силе Бог, а в правде (Произнесено за Литургией на месте убиения святого князя Глеба — у Смядыни)	169
У сибирских стрелков.....	174
Из местной жизни.....	194
Из жизни духовной семинарии.....	194
Докладная записка	197
Проект пастырских школ	199
Религиозная революция (Слово, сказанное в семинарской церкви	

в Неделю 23-ю по Пятидесятнице).....	203
Наши надежды и молитвы	206
Правда социализма	210
Речь архимандрита Дамиана при наречении во Епископа Переславского.....	213
Письмо епископа Дамиана сестре	216
Доклад Временному Высшему Церковному Совету члена оногo управляющего Владимирской епархией епископа Переславского Дамиана (Воскресенского), о результатах своей поездки в Нижний Новгород к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) по вопросу о возникновении в Москве ВВЦС	218
Боголюбивым Пастырям, инокам и всем верным чадам Церкви Курской	221
Письмо архиепископа Дамиана протоиерею Александру Плетневу	224
Фрагменты допросов и показаний из следственного дела 1932 года.....	226
Пастырство и монашество	236
Приложение №1. Перечень литературных трудов священномученика Дамиана (Воскресенского), архиепископа Курского и Обоянского.....	247
Приложение №2. Переславский епископ — курский уроженец	249
Приложение №3. Акафист священномученику Дамиану, архиепископу Курскому	250

Покровский храм, что в селе Кунье Горшеченского района Курской области, участвует в издании серии книг **«Православное краеведение»**.

Ранее вышли книги:

- Кунье под Покровом Пресвятой Богородицы (отмечена дипломом конкурса «Просвещение через книгу»)
- Преимущество в страданиях. Очерки о священниках, пострадавших за Христа в 1937–1938 гг.
- Расстрелянный в сорок первом. О жизни и мученической кончине священника Василия Емельянова
- Горю желанием служить Церкви. Жизнеописание протоиерея Владимира Отта
- Иное Кунье. История храма и села в заметках, документах и иллюстрациях
- Претерпевший до конца. Священномученик Петр Григорьев и обоянская «контрреволюционная церковно-монархическая организация»

К изданию готовятся книги:

- Я за веру готов умереть. Жизнеописание священников Никиты Котенёва, Георгия Коршикова и Василия Агаркова
- Он знал, что близок день страдания (Священномученик Онуфрий в Старом Осколе и Курске)

Покровский храм, что в селе Кунье Горшеченского района Курской области, участвует в издании серии книг **«Православие: популярные вопросы»**.

Ранее вышли книги:

- Откуда в мире зло? Христианское решение проблемы существования зла в мире
- Острый взгляд на фоне хронической порчи, или Можно ли креститься второй раз?

Готовятся к изданию книги:

- Батюшка за рулем, или Зачем священнику автомобиль? Откровенные рассказы из приходской жизни
- Трое в доме, не считая матушки и батюшки, или Сколько детей должно быть в православной семье

Серия «Труды курских архипастырей»

Священномученик
Дамиан (Воскресенский),
архиепископ Курский и Обоянский

Духовное наследие:

- Проповеди • Очерки • Письма •
- Протоколы допросов •

Предисловие, комментарии, составление и набор
священника Владимира Русина.

Отпечатано в типографии ООО ИПК «Кириллица», г. Старый Оскол,
ул. Ленина, 15, тел.: 22-63-60. Сигнальный тираж 200 экз. Заказ №60.

Издание Покровского храма села Кунье
Горшеченского района Курской области
2011 г.